МЫ ВСЕ БЫЛИ СОЛДАТАМИ

МЫ ВСЕ БЫЛИ СОЛДАТАМИ

МЫ ВСЕ БЫЛИ СОЛДАТАМИ

П. М. ШАФАРЕНКО

МЫ ВСЕ БЫЛИ СОЛДАТАМИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — генерал-лейтенант в отставке П. М. Шафаренко — в годы Великой Отечественной войны командовал воздушно-десантной бригадой, рядом общевойсковых соединений, сражавшихся на разных фронтах. В книге рассказывается о стойкости, мужестве и отваге воинов Советской Армии в единоборстве с ненавистным врагом. Записки ветерана воссоздают бессмертный подвиг бойцов взвода лейтенанта П. Н. Широнина, освещают совместные боевые действия советских и чехословацких воинов в борьбе за освобождение Харьковщины от немецко-фашистских захватчиков. Тепло пишет автор о своих соратниках, о суровых буднях солдатской жизни, о товарищах, с которыми прошел дорогами войны от первых ее дней до Победы.

- Мы все были солдатами
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Мы все были солдатами

ОТ АВТОРА

В годы Великой Отечественной войны мне довелось командовать рядом соединений. Юго-Западный, Воронежский, 2-й и 3-й Прибалтийские, 1-й Белорусский фронты. Оборона Киева, Сторожевский плацдарм, сражения за Харьков и Ригу, штурм Берлина.

Я видел, как бесстрашно, не жалея жизни, сражались наши воины. Навсегда останутся в памяти бои южнее Харькова в марте 1943 года, где совершили бессмертный подвиг солдаты взвода лейтенанта П. Н. Широнина, где кровью было скреплено ратное содружество советских и чехословацких воинов.

Рассказать о том, как шли наши люди к Победе, я считал своим долгом.

Поездки по местам былых сражений, встречи с ветеранами, их рассказы и письма, работа в архиве оживили в памяти детали прошлого, помогли дополнить и уточнить страницы моих записок. Так возникла мысль создать эту книгу. Она, как мне кажется, поможет читателю понять обстановку и дух того времени, мысли и чувства, с которыми люди воевали и трудились…

Выражаю глубокую признательность боевым друзьям и товарищам, оказавшим мне помощь в подготовке книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПЕРЕД ВОЙНОЙ

«Над всей Испанией безоблачное небо!» — передала в эфир радиостанция города Сеута из испанского Марокко. Это был сигнал. 18 июля 1936 года в Испании начался фашистский мятеж.

Служил я в то время на Дальнем Востоке командиром батальона в железнодорожно-строительных войсках. Мы прогадывали железную дорогу город Сучан — бухта Находка, соединяя будущий порт на Тихом океане с железными дорогами страны.

Трасса проходила по слабо обжитому краю. Здесь, в своем первозданном величии, властвовала природа. С приходом весны ярко зеленели сопки, земля покрывалась цветами необычных размеров и окраски. Еле заметные летом ручейки, в период таяния снегов и когда в верховьях шли дожди, превращались в многоводные, бурные реки. Зимой по нескольку суток бушевали вьюги, выпадало много снега и было холодно.

Войска жили в палатках, постепенно передвигаясь вперед по ходу строительства. Жизнь шла по строго организованному распорядку дня. Сравнительно небольшая программа боевой и политической подготовки благотворно сказывалась на состоянии дисциплины, общей организованности и производительности труда. Воины понимали значение дороги для страны и работали с энтузиазмом. Шаг за шагом стальные нити приближались к океану.

С той поры прошло более сорока лет. На весь мир гремит нынче трудовая слава строителей Байкало-Амурской магистрали. И в памяти встают образы людей далекой дальневосточной стройки моей молодости.

Вести из Испании приходили и к нам. В годы гражданской войны мне пришлось многое пережить и еще больше увидеть и услышать.

Колчак и Деникин, Юденич и Врангель, Махно и Антонов — с кем из них можно сравнить Франко?.. Кто поддерживал их тогда, а теперь?

Хотелось быстрее приобщиться к «науке побеждать». Учеба, как мне казалось, открывала дорогу в Испанию. Командир полка С. Н. Дмитриев-Никитин, всегда относившийся ко мне с отеческой заботливостью и искренней симпатией, поддержал меня, и год спустя я поступил в академию имени М. В. Фрунзе. Руководил в то время ею известный в армии военачальник

комдив Н. А. Веревкин-Рохальский. Это была основная академия Красной Армии, готовившая общевойсковых командиров. Ее главным качеством, на мой взгляд, была фундаментальность и, в то же время, широта постановки учебного процесса. Даже первое, чисто внешнее впечатление от архитектуры и размера главного здания, оборудования его классов и лабораторий говорило о солидности этого высшего военного учебного заведения.

Передо мной открылся целый мир новых знаний. Программа широко охватывала основные вопросы военной науки. Преподавание велось известными учеными и специалистами. Нас, прибывших с должностей командиров батальонов и им соответствующих, постепенно, на базе многих дисциплин, вводили в изучение боевых действий полка, дивизии, корпуса и армии.

Ведущими дисциплинами являлись тактика и оперативное искусство. Именно они позволяли освоить существо боя и операции, их организацию и методы управления. История начиналась с древнейших времен и завершалась боевыми действиями в гражданской войне. Солидно отрабатывались тактика и техника родов войск и авиации, администрация, уставы и наставления. Много времени отводилось изучению иностранных языков. Должное внимание уделялось нашей физической подготовке и спорту. Это позволяло в ходе учебы справляться с очень большой нагрузкой. Высока была у слушателей строевая подготовка. Ее методика и практика усваивались в ходе подготовки к парадам, которые по установившейся традиции открывала академия имени М. В. Фрунзе. Успешно работала курсовая партийная организация, охватывая своим влиянием вопросы учебы, воспитания и быта.

Учебные группы комплектовались слушателями разных специальностей. Этим создавались лучшие условия для комплексного изучения возможностей техники при решении тактических и оперативных задач.

Вооружение и техника изучались на первом курсе. Помню, как грозно выглядели трехбашениые и пятибашенные средние и тяжелые танки. По своим качествам они не уступали зарубежным машинам, хотя были маломаневренны, со слабой броневой защитой. Работая на бензине, они легко воспламенялись и горели… Но процесс развития шел непрерывно. С новыми образцами техники и вооружения мы знакомились по мере их производства на протяжении всей учебы.

В летнее время слушатели академии выезжали в войска на стажировку. Она обычно проходила на должностях,

соответствовавших нашему уровню тактической подготовки и личной практике в командовании войсками. Большую часть времени занимали разработка, проведение и участие во всякого рода учениях и командирских занятиях. В целом такой порядок подготовки слушателей позволял выпускать из академии всесторонне подготовленных командиров для работы в войсках.

Еще на вступительных экзаменах мы подружились с капитаном Владимиром Александровичем Борисовым. У нас оказались сходные интересы и мнения. Оба любили пошутить и с жаром обсуждали следовавшее одно за другим события тех бурных лет.

Это было тревожное время. Итало-германский фашизм давал сторонникам демократии свой первый бой в Испании. Что это значит, мы могли понять из сообщений наших корреспондентов: массовые казни, тюрьмы и концлагеря, разрушенные города и села, костры из книг прогрессивных писателей, предательство «пятой колонны»…

Многие из слушателей стремились в Испанию, но посчастливилось лишь одиночкам. В Москве проходили демонстрации и митинги. Трудящиеся делились с республиканцами своими скромными средствами, с гневом осуждали позорную позицию западных держав, немало делавших для победы фашизма в Испании.

«Но пасаран!» — Они не пройдут! Эти слова стали клятвой. Наши сердца и мысли пленила Долорес Ибаррури. В ней мы видели символ борющейся Испании. Победы республиканцев в Гвадалахаре, Брунете, Бельчите, Теруэле, на реке Эбро и у стен Мадрида остались в памяти до сих пор…

…29 марта 1939 года. Весь курс собран в аудитории. Впереди, за столом, необычно суровый начальник курса полковник И. А. Ступников и комиссар — полковник Н. А. Виноградов. Оба, как всегда, безукоризненно подтянуты и корректны.

— Товарищи! — поднимается Ступников, — вчера пал Мадрид… Власть в Испании захватил фашистский диктатор Франко… Испанской республики больше не существует… Надо, товарищи, учиться еще напряженней… Кто знает, каким временем мы располагаем…

— Мадрид пал, — говорит комиссар, — но он навсегда останется в сердцах миллионов людей, не давая уснуть их совести…

На душе тяжело. Перевернута еще одна печальная страница истории.

В 1939 году в Москве шли переговоры по мерам

коллективной безопасности между СССР, Англией и Францией. Они закончились безрезультатно. Теперь уже известно, что на этой встрече западные державы, стремясь столкнуть нас с фашистской Германией и получить односторонние преимущества, завели переговоры в тупик.

Вспоминая черный день падения Мадрида, хочется оказать о том, как сильна у советских людей ненависть к фашизму, как велики силы интернационализма в нашем народе. Все это время мы поддерживали республиканскую Испанию в ее неравной борьбе с объединенными силами фашизма и реакции. Израненный и полуразрушенный Мадрид держался два с половиной года.

В ходе летних напряженных занятий и учений мы узнали о том, что 11 августа начались вторые в том году переговоры между военными миссиями СССР, Англии и Франции. Они также не привели к соглашению. Обстановка становилась тревожной. И все же, когда стало известно о подписании в Москве 23 августа договора о ненападении с Германией, сделалось не по себе…

Нам, молодым военным, не искушенным в политике, трудно было понять в то время, что этот договор разделит мир капитализма на два враждующих лагеря, оттянет нападение фашистской Германии на нашу Родину почти на два года…

К тому времени немецко-фашистские войска вошли в демилитаризованную, согласно Версальскому договору, рейнскую зону. Оккупировали Австрию и Чехословакию. Захватили у Литвы Клайпеду (Мемель). 1 сентября 1939 г. войска фашистской Германии вторглись в Польшу. Казалось, что зарева пожарищ на Западе осветили грозным светом и нашу Родину. Началась вторая мировая война.

Прошло около двух недель. Вместе с Борисовым мы стоим у большой академической карты военных действий, утыканной синими и красными флажками.

— Не удастся, наверное, закончить нам академию. Немцы наступают в Польше очень высокими темпами. Через пару дней они могут выйти вот сюда, — и Владимир Александрович показывает на реки Западный Буг и Сан… — А потом и к нашим границам…

Но 17 сентября начался освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. Жители этих областей были спасены от панского ига и фашистской оккупации.

В 1937—1941 гг. китайский народ вел национально-освободительную войну с японскими империалистами. Они пытались прощупать и нас, но бои на озере Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г. надолго умерили их пыл.

Хотелось знать подробности этих событий, представлявших не только политический, но и чисто военный интерес. И вот актовый зал академии заполнен до отказа. На трибуне командарм 2-го ранга Г. М. Штерн. В боях у озера Хасан он командовал 39-м стрелковым корпусом, разгромившим японских самураев. На реке Халхин-Гол Г. М. Штерн руководил фронтовой группой. Ее основной задачей являлась координация действий советских и монгольских войск в районе конфликта. Армейской группой, состоявшей из войск, сосредоточенных в районе Халхин-Гола, командовал комкор Г. К. Жуков. 29 августа Президиум Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий и проявленное геройство присвоил 31 участнику боев у реки Халхин-Гол, в том числе командарму 2-го ранга Г. М. Штерну и комкору Г. К. Жукову, звание Героя Советского Союза.

Затаив дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова, слушали мы рассказ Г. М. Штерна.

— Три с половиной месяца продолжались бои на Халхин-Голе. Цели японцев легко и быстро овладеть Монголией, открыть с юга кратчайший путь в Советское Забайкалье и поставить под угрозу наш Дальний Восток — достигнуты не были, — говорил он.

Командарм подчеркнул решающую роль Г. К. Жукова в окружении и уничтожении врага на реке Халхин-Гол, умелые действия многих командиров соединений, частей и подразделений. Беззаветную отвагу красноармейцев и младших командиров…

…В тридцатых годах в военно-политических кругах на Западе обратили на себя внимание доктрины итальянского генерала Д. Дуэ и английского генерала Д. Фуллера. Они появились как результат социального заказа буржуазии, видевшей в массовых армиях угрозу своему существованию. Дуэ считал, что авиация является главным видом вооруженных сил и способна решать исход операции и кампании. Иные виды вооруженных сил нужны только для целей оккупации. Фуллер выступал с теорией молниеносной войны, осуществляемой небольшими механизированными армиями профессионалов, успех которых закрепляют другие рода войск.

Разумеется, об этих теориях знали и мы. Как известно, теория проверяется практикой. Но ни война в Абиссинии 1935 года, ни война в Испании 1936—1939 гг. не подтвердили этих теорий. Вот почему доклад Г. М. Штерна имел для нас дополнительный интерес. Докладчик подчеркнул решающее значение в боях на

озере Хасан и у реки Халхин-Гол авиации, бронетанковых, механизированных соединений и подвижной артиллерии в их взаимодействии со стрелковыми дивизиями по задачам, времени и местности.

Рассматривая операцию на Халхин-Голе теперь, надо сказать, что маневр на окружение и уничтожение 6-й армии японцев был новым словом в оперативном искусстве того времени.

Как известно, значение уроков, преподанных японцам у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, сказалось и в 1941 году. Тогда Япония выжидала ослабления Советского Союза, не решалась вступить в войну одновременно с гитлеровской Германией.

Еще шли последние дни сентября, а газеты оповестили о заключении договора о взаимопомощи между нашей страной и Эстонией, а потом Латвией и Литвой. Финляндия на такой договор не пошла…

— И не пойдет, — слышу чей-то голос, когда в перерыве между занятиями мы обмениваемся газетными новостями… — Не то время, слишком много посулов от «доброжелателей» и «благотворителей».

— Но разве можно допустить, — возмущается Владимир Александрович, — чтобы наша граница отстояла от Ленинграда ближе, чем на пушечный выстрел!

В то время многие и в стране Суоми понимали это. Но фитиль войны тлел в преступных руках. 30 ноября 1939 года вспыхнул конфликт с Финляндией. Так вступили мы в 1940-й год.

…В феврале началась защита дипломов. Государственная комиссия — крупные командиры из войск вместе с профессорами и преподавателями с большой ответственностью оценивают ваши знания.

— Что нового усмотрели вы в польской кампании немцев? — спросил меня начальник кафедры тактики профессор комдив Б. К. Колчигин.

— Танки и авиация вместе с моторизованной пехотой и артиллерией позволяют наносить глубокие удары, повышают темпы наступления, создают возможность быстрого окружения и уничтожения противника… Завершение войны в целом в очень короткие сроки…

— Да, — говорит профессор, — но нужно учитывать и противника. В Польше немецко-фашистские войска встретились с неподготовленной армией, старой техникой и вооружением, не вытекающей из обстановки стратегией. В других условиях их успехов могло и не быть…

В феврале 1944 года 119-я гвардейская дивизия, которой я в

то время командовал, вошла в состав 7-го гвардейского корпуса генерала Колчигина. Он сразу узнал меня и вспомнил наш разговор.

— Вот видите, голубчик, в наших условиях у гитлеровцев «блицкрига» так и не получилось…

Но вернемся к экзаменам. К Борисову обращается начальник курса полковник Ступников:

— В ходе польской кампании немцев целые объединения поляков оказались в «котле». Как вы представляете себе выход армии из окружения?

— Такого вопроса, — рассказывал потом Владимир Александрович, — я не ждал. Ведь отход и выход из окружения с нами в академии почти не отрабатывались…

— В проекте Полевого устава 1939 года, — отвечает Борисов, — сказано следующее: «Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника…»

— Верно, — с еле сдерживаемой досадой говорит Ступников, — но вопрос задан не об этом… Отвечайте, если можете, по существу…

В аудитории стало очень тихо.

— По опыту первой мировой войны, при выходе из окружения, в зависимости от обстановки, надо частью сил и средств прикрыться. Главными силами организовать прорыв. Тылы и штабы выводить в центре боевых порядков. Частям прикрытия отходить по рубежам, обеспечивая главные силы от удара с тыла и флангов…

— Ну что ж, — говорит Ступников, — в принципе, вы ответили правильно.

И вот выпускные экзамены уже позади. У меня и Борисова дипломы с отличием. На руках выписки из приказов о назначении на должности в войска. Завтра мы разъедемся. Вечером с группой товарищей по-холостяцки сидим у меня в комнате общежития за скромным столом. Нам и радостно, и немного грустно. Хотелось, чтобы в этот час были здесь и наши «боевые подруги», оставшиеся с детьми на «зимних квартирах»…

Только закончилась война с Финляндией, и разговор то и дело возвращается к ее итогам и выводам.

— Теперь Ленинград, Мурманск и Мурманская железная дорога не будут под первыми выстрелами…

— Да, — говорит Борисов, — но обошлось это нам не дешево. Не легкое дело учиться в ходе войны…

— А учиться надо. Ведь в конечном счете не выдержала и линия Маннергейма. Видимо, в современных условиях ни за какими укреплениями не спрячешься… И хотя танки и авиация —

главные средства наступления, но и в обороне без них будет плохо…

Потом мы говорим о годах, проведенных в стенах академии, вспоминаем наших профессоров и преподавателей, начальника и комиссара курса… Умело и с большим тактом руководили они нами, оставив о себе добрую память.

— Кажется, что какой-то гигантский водоворот тянет нашу страну в пучину войны, — задумчиво говорит Владимир Александрович. — Похоже, что события у озера Хасан и на реке Халхин-Гол не просто конфликты, а попытки втянуть нас в большую, затяжную войну на Востоке, чтобы легче было расправиться с нами на Западе.

— Наверное, — добавляю я, — это была и разведка боем. Они хотели узнать моральный уровень наших войск. Состояние военной науки, техники и вооружения.

Завершились тридцатые годы. Теперь это уже история. Какое было прекрасное время! Мы жили скромно, но настроение у людей было хорошим, и казалось, что для нас нет ничего невозможного. Вырвавшись из тисков гражданской войны, голода и разрухи, люди с энтузиазмом строили социализм. Газеты пестрели именами творцов трудовых рекордов в промышленности и сельском хозяйстве, на крупных новостройках. Значительно улучшилось материальное положение трудящихся. Отменена карточная система. Ликвидирована безработица. Прекратилось расслоение и обнищание в деревне. Успешно, за четыре года и 3 месяца были выполнены основные показатели второй пятилетки по промышленности. Индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция позволили быстрыми темпами, на современной основе развивать нашу оборонную промышленность, перевести Красную Армию на кадровую систему комплектования, превратить ее из технически отсталой в передовую, современную армию… Заложить фундамент будущей победы.

Так получилось, что и с началом войны мы с В. А. Борисовым служили рядом — начальниками штабов бригад в 3-м воздушно-десантном корпусе и потом, когда он работал начальником штаба 13-й гвардейской дивизии у А. И. Родимцева. Изредка встречаясь, мы вспоминали насыщенное большими событиями время нашей учебы в академии имени М. В. Фрунзе. В ходе войны Владимир Александрович командовал дивизией, удостоился высокого звания Героя Советского Союза. Сейчас он уже на отдыхе.

Назначение я получил в Прибалтику. В конце марта с предписанием на должность я прибыл в Эстонию, где согласно

договору о взаимопомощи стояли части 65-го особого стрелкового корпуса. В свое время, в академии, мы изучали физическую географию прибалтийских стран и в памяти остались некоторые сведения: климат умеренно-континентальный… почти пятая часть территории Эстонии покрыта лесами… около 4500 озер…

У власти здесь находилось правительство Пятса. Подстрекаемое с Запада, оно вело разнузданную антисоветскую пропаганду. В феврале 1940 года в Таллине начал издаваться на немецком, французском и английском языках журнал «Ревью-Балтик» — орган бюро эстонско-латвийско-литовского сотрудничества. Он стал центром фабрикации клеветы и вымыслов на размещенные в Прибалтике советские войска. Имели место случаи похищения наших воинов. Проводилась вербовка эстонской молодежи для участия в войне с нами на стороне белофиннов. Создавалось много искусственных трудностей для нормальной жизни и деятельности советских войск. Для ряда гарнизонов обстановка стала опасной. Все это делалось вопреки желаниям трудящихся, которые пока еще не имели возможности громко выразить свою волю.

Штаб 16-й стрелковой дивизии имени В. И. Киквидзе, где я принял должность начальника оперативного отделения (1-й части), стоял в Хаапсалу — маленьком курортном городке на северо-западе Эстонии. Части дивизии располагались в районе Таллина с задачей обороны морского побережья. Один полк размещался в Пярну. Стрелковая дивизия того времени состояла из трех стрелковых и двух артиллерийских полков, противотанкового и зенитно-артиллерийского дивизионов, батальонов связи и саперного, подразделений боевого обеспечения и обслуживания. Как я узнал позднее, дивизия содержалась по штатам мирного времени с некомплектом по технике, вооружению и личному составу в 20—30 процентов.

Начальник штаба дивизии подполковник Афанасий Иванович Сафронов встретил меня приветливо. По штату, как начальник оперативного (ведущего) отделения штаба, я являлся его заместителем. Расспросив о службе в армии, учебе в академии, Сафронов рассказал, над чем работает штаб дивизии и тут же, наряду с другими задачами, предложил подготовить доклад о Моонзундской операции для командного состава управления дивизии и частей.

Моонзундский архипелаг — это около 800 островов, из них четыре крупных, расположенных в Балтийском море у западных берегов Эстонии. В 1917 году, в ходе первой мировой войны, германский флот провел так называемую операцию «Альбион».

Целью ее являлось уничтожение русского флота в Рижском заливе, захват Моонзундского архипелага и нанесение удара по революционному Петрограду. Целесообразность изучения этой операции была очевидна. В ней заложен боевой опыт. Возможно, с тем же противником, на той же местности…

Практики штабной службы у меня не было, и первое время я присматривался к работе товарищей, особенно начальника штаба. Много знающий и деятельный, Афанасий Иванович твердо держал вопросы управления в своих руках. Невысокого роста, очень подвижный, он успевал всюду и прекрасно знал положение дел в многочисленных частях соединения. Под его руководством штаб дивизии превратился в хорошо подготовленный орган управления и контроля, державший войска в состоянии высокой боевой готовности. От него я научился многому из того, что должен знать и уметь штабной командир. Вспоминая Афанасия Ивановича Сафронова, хочется сказать о том, как бережно хранит наша память имена и образы командиров, отдавших свежесть своего ума и теплоту сердца идущим за ними…

Командовал дивизией комбриг Илья Михайлович Любовцев. Во время первой встречи он расспросил меня о новых веяниях в академии имени М. В. Фрунзе, в которой, в свое время, тоже учился. Рассказал об особенностях обстановки в Эстонии и сделал вывод, что главное сейчас — сохранение постоянной боеготовности, обучение командиров и штабов, сколачивание подразделений и частей.

Комиссаром дивизии был полковой комиссар Василий Павлович Мжаванадзе. Выше среднего роста, стройный, с тонкими одухотворенными чертами лица, очень темпераментный, он сразу привлекал к себе внимание. Комиссар много делал по обеспечению высокого морального состояния соединения в условиях его пребывания в буржуазной стране.

Вскоре я познакомился с историей дивизии — одной из старейших в Красной Армии. Соединение было сформировано в мае 1918 года в городе Тамбове героем гражданской войны В. И. Киквидзе, имя которого оно потом получило. Дивизия успешно сражалась с войсками генерала Краснова. Участвовала в разгроме Деникина, белополяков и эсеровских банд Антонова. За большие заслуги в годы гражданской войны соединению присвоено имя В. И. Ульянова-Ленина и оно стало именоваться — 16-я стрелковая Ульяновская имени Киквидзе дивизия.

Между тем события на Западе развертывались с катастрофической быстротой. 9 апреля 1940 г. войска фашистской Германии напали на Данию и Норвегию, а 10 мая вторглись во Францию, Бельгию и Голландию. Экспедиционный

корпус англичан был разгромлен и эвакуировался из Дюнкерка.

В мае пришел приказ Наркома обороны «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 г.». В нем был учтен опыт боевых действий в Испании, у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, на Карельском перешейке, а также характер боевых действий на Западе. Основное требование приказа — учить войска тому, что нужно на войне. Обращалось также внимание на укрепление дисциплины, организованности и порядка. Мы не жалели сил, чтобы в короткие сроки добиться высоких результатов в состоянии боевой готовности дивизии, в укреплении ее морального духа…

…В Эстонии было неспокойно. В марте, июне в крупных городах страны проходили демонстрации и стачки. Трудящиеся требовали очистить государственный аппарат от профашистских элементов, создать демократическое правительство. К этому времени штаб дивизии перебрался в Таллин, и мы стали свидетелями назревания революционного кризиса.

…13 июня, по поручению начальника штаба, уехавшего в части, я докладывал комдиву утреннюю почту.

— Через день, — говорит И. М. Любовцев, — в Эстонии, Латвии и Литве начнется празднование «Балтийской недели» и «Праздника спорта». Фашисты могут приурочить к этим дням крупную провокацию…

В этот момент в кабинет быстро вошел полковой комиссар В. П. Мжаванадзе. Я отдал честь. Поздоровавшись с нами, Василий Павлович сказал:

— Есть сведения, что фашисты, маскируясь предстоящими праздниками, готовятся захватить власть в Эстонии, Латвии и Литве. Надо быть очень бдительными…

Зазвонил телефон. Комдив взял трубку.

— Нас вызывают в штаб корпуса, — сказал он, обращаясь к комиссару.

Забрав документы, я пошел к себе.

…Страна бурлила. В Таллине продолжались многотысячные демонстрации трудящихся, требовавших восстановления Советской власти, завоеванной ими еще в 1917—1918 годах, и реакция не устояла. 21 июня было сформировано революционное правительство. Во главе его стал известный эстонский поэт И. Варес. Началась ликвидация старых правительственных учреждений, органов полиции и безопасности, распускались фашистские организации. На фабриках и заводах формировались рабочие комитеты. Так были созданы решающие предпосылки социалистической революции. Ее задачи осуществлялись путем

законодательных актов подлинно народного правительства. В середине июля 1940 года успешно прошли выборы в Государственную думу Эстонии, а через неделю избранники народа вынесли решение об установлении в Эстонии Советской власти и вхождении республики в состав Советского Союза. В августе был образован Прибалтийский военный округ.

…Осень 1940 года. На учебных полях, танкодромах, стрельбищах и полигонах днем и ночью гудят танки, гремят выстрелы, рвутся снаряды. Вместе с командиром дивизии, теперь уже генерал-майором, И. М. Любовцевым мы стоим на наблюдательном пункте. Идут учения 156-го стрелкового полка. Отрабатывается тема: «Наступление на обороняющегося «противника» с рубежа непосредственного соприкосновения». Оперативная группа во главе с комдивом играет за штаб дивизии, являясь и штабом руководства.

Предрассветный ветерок сгоняет туман. Начинается артподготовка. В комплексе с учением артиллеристы отрабатывают боевые стрельбы. В воздух взлетают макеты дзотов, поднимается дым и пыль.

— В первом эшелоне полка, — обращаюсь я к генералу, — два батальона, а удар наносит меньше двух рот. А все потому, что по уставу, начиная со взвода, боевой порядок в наступлении строится в два эшелона. Но еще в первой мировой войне и мы, и немцы ходили в атаку ротными цепями…

— Не спорю, — говорит комдив, — но что будет, если в каждой дивизии будут обучать по-своему?

На передний край подошли танки 18-й танковой бригады. Генерал смотрит на часы.

— Сигнал атаки!

Я поднимаю ракетницу. Высоко, в сторону «противника», несется зеленая ракета. Такие же ракеты поднимаются с НП командиров полка, батальонов и рот. Артиллерия переносит огонь на первый рубеж огневого вала. Видно, как из окопов выскакивают наши бойцы. Перебежками в отделениях, они преодолевают ничейную зону и устремляются вслед за танками в проходы, сделанные в заграждениях нашими саперами накануне ночью. До нас доносится отдаленное «ура!», редкие хлопки выстрелов противотанковых 45-миллиметровых орудий, взрывы гранат. Пехота, наступая за танками, ворвалась в первую траншею и пошла вперед за огневым валом. Весь растянутый в глубину боевой порядок пришел в движение.

— Неплохо! — говорит комдив. — В чем суть взаимодействия? В том, чтобы каждый род войск создавал

условия для другого, а все вместе для пехоты, которая завершает бой… Вот как сейчас…

Мы садимся в машины и едем на очередной НП. Уже в то время в армии уделялось большое внимание борьбе с танками. Применялись противотанковые орудия, гранаты, мины и другие заграждения. От воинов требовали в поединке один на один не бояться танка. Как это представлялось? На бойца, сидящего в одиночном окопе, или в составе отделения, несется вражеский танк. Попытки поразить его не принесли успеха. И тогда боец, опустившись на дно окопа, пропускает танк над собой, а потом бросает в моторное отделение машины связку гранат. Проводились и специальные занятия по «обкатке» подразделений танками. Люди привыкали к тому, что сидящего в окопе танк не раздавит.

В ходе учения, на очередном рубеже, отрабатывался вопрос «Отражение контратаки танков и пехоты противника в глубине его обороны».

Захватив третью позицию противника, полк подвергся контратаке. В то время НП командиров всех степеней полагалось держать возможно ближе от войск первого эшелона. Наш НП разместился в заранее оборудованном окопе, невдалеке от командира полка. После имитированного посредниками короткого огневого налета «противник» перешел в контратаку. Из леса, на широком фронте, двигались 12 танков с десантом на броне. Удар нацеливался по левому флангу полка. С дальних дистанций по контратакующему «противнику» открыла «огонь» артиллерия, потом, с прямой наводки — противотанковые орудия и танки. Поле боя покрылось дымками выстрелов… А «враг» все ближе. Он уже перевалил через окопы первой линии и начал развивать успех. Хотя наш НП был под белым флагом — знаком руководства, мы увидели, как один из танков несколько оторвался от своих и, набирая скорость, понесся прямо на нас. Казалось, ЧП не миновать. Я посмотрел на стоявших рядом командиров штаба. Ни тени беспокойства. Серьезные, спокойные лица. Такими и остались они у меня в памяти — полные доверия к своему командиру. А он смотрел на несущийся в облаке пыли трехбашенный танк и молчал. Вот танк уже совсем близко…

— Всем опуститься на дно окопа! — приказал комдив. И почти сразу над головой раздался лязг гусениц. Чуть замедлив ход, танк перевалил через окоп и умчался вперед. На мгновение стало темно, запахло гарью, задрожала земля, затрещала обшивка окопа, сверху посыпались комья… На дне окопа я сидел рядом с генералом. Глядя на его спокойное лицо, я даже подумал: не устроил ли сам комдив этот незапланированный наезд танка?..

— Ну вот, — сказал он, поднимаясь, — теперь и мы «обкатаны»…

В том году штаб дивизии принимал участие в трехдневной полевой поездке, проведенной штабом округа. На местности отрабатывалась тема: «Оборона побережья Балтийского моря на территории Эстонии во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом». В такой поездке я участвовал впервые. Ряд вопросов потом мы использовали в тематике подготовки командиров и штабов.

Так готовились мы к возможной встрече с врагом. В октябре 1940 года в округе шли смотровые учения, проводимые комиссией Главной инспекции Наркомата обороны во главе с Маршалом Советского Союза С. М. Буденным. Лучших результатов в боевой и политической подготовке добилась 16-я стрелковая Ульяновская дивизия имени В. И. Киквидзе.

Вспоминая сейчас то время, хочется добрым словом помянуть командиров и политработников предвоенных лет, так много сделавших для того, чтобы мы могли умело и с достоинством принять на себя внезапные удары вторгшегося на нашу землю врага…

Как человек военный, командир дивизии генерал-майор Илья Михайлович Любовцев делал из сложившейся обстановки практические выводы. Вместе с ним побывали мы в разных районах Эстонии, чтобы определить порядок действий дивизии на случай внезапного осложнения обстановки.

Октябрь 1940 года. На двух легковых машинах мы едем с комдивом вдоль берега моря по острову Эзель (Сааремаа). Во второй машине адъютант генерала с двумя стрелками охраны. Справа в белых барашках бескрайнее серое море. Слева — уже начавшие желтеть леса, небольшие убранные поля, отдельные хутора.

— Без Моонзундского архипелага, — говорит Любовцев, — нашему флоту не удержаться ни в Рижском заливе, ни в средней части Балтийского моря…

В некоторых местах мы останавливаемся, выходим из машин, оцениваем местность. Угадываются оставшиеся со времен первой мировой войны обвалившиеся и заросшие окопы. Я поднимаю с земли ржавую гильзу патрона и передаю комдиву.

— Еще много следов первой мировой осталось на островах. Здесь русские солдаты героически сражались с войсками кайзера…

В ходе поездок по стране мы встречались с рабочими, крестьянами, рыбаками. Увидели их трудную жизнь,

почувствовали их радушие, приветливость и, в то же время, озабоченность. Вести о событиях в Европе доходили и до них…

— Придут фашисты и сюда, — вздыхая говорили старики, — не миновать и нам войны…

Мы едем по узкому дефиле, где некуда свернуть. Неожиданно из леса раздаются выстрелы. Свистят пули.

— Быстрей! — спокойно говорит Любовцев, — не велика честь погибнуть от пули бандита… Кайтселийтчики, — продолжает он, — будущая «пятая колонна» фашистов…

В труде и заботах завершался последний предвоенный 1940-й год. Отмечая в приказе, что перестройка боевой подготовки полностью себя оправдала. Нарком обороны требовал дальнейшего совершенствования методов обучения войск, повышения ответственности командиров за боевую готовность частей и соединений…

Наступил сорок первый год. И хотя никто не знал, каким временем мы располагаем, все понимали, что нужно торопиться.

…28 апреля. В тот день я долго работал в штабе и когда собирался уже уходить, позвонил начальник штаба дивизии.

— Хватит работать… Зайди поговорим…

С Афанасием Ивановичем мы часто обсуждаем обстановку на Западе, и я догадывался, о чем будет разговор.

— Ну, оператор, — говорит мой начальник, — вчера фашисты завершили захват Греции… Кажется, надвигаются критические сроки…

— Да! Теперь почти все страны Европы или оккупированы гитлеровцами, или связаны с ними как союзники. Остались только Советский Союз и Англия. Против кого из них бросит Гитлер свои армии?..

— Видишь ли, — говорит Сафронов, — Англия прикрыта проливами и у нее сильный флот. В свое время и Наполеон отказался от этого варианта. Видимо, откажется от него и Гитлер…

Мы продолжаем разговор о Греции. Дольше всех сопротивлялась фашистам эта маленькая героическая страна. В конце прошлого года она сумела разгромить 9-ю армию итальянцев, выбросить их из своей страны и еще оказать помощь Албании. В этом году, когда в войну против Греции включились войска фашистской Германии и хортистской Венгрии, враг добился победы. Теперь мы уже знаем, что большую роль в ее достижении сыграла «пятая колонна». Последним словом ее была капитуляция 500-тысячной греческой армии «Эпир» генерала Цолакоглу.

…Приходили и добрые вести. Румыния вернула Советскому

Союзу Бессарабию и Северную Буковину. С Японией заключен договор о нейтралитете. Эстония, Латвия, Литва, Западная Украина и Западная Белоруссия вступили в семью народов Советского Союза. Успешно выполнялась третья пятилетка. Жизнь с каждым днем становилась все лучше… Но на душе было тревожно…

В 16-й стрелковой дивизии я прослужил до 20 мая 1941 года, когда получил назначение на должность начальника штаба 6-й воздушно-десантной бригады, формировавшейся в городе Первомайске. И вот уже скорый поезд мчит меня от прохладных берегов Балтики к теплому Черноморью. Мимо проносятся новостройки, зеленые поля и рощи. В окружении цветущих садов возникают города и села. Дымят трубы фабрик и заводов.

День за днем истекает последний месяц мира над нашей Родиной.

ГЛАВА ВТОРАЯ
НА ФРОНТ

…12 июля 1941 года. Безнаказанно отбомбившись, «юнкерсы» улетели. Стало тихо. Чуть слышно пыхтит паровоз. Развеяло дым, и я смотрю, как за несколько минут, на ярко зеленой траве с желтыми одуванчиками, появились громадные воронки. Они еще дымят. С корнем вырваны деревья. Остатки телеграфных столбов висят на скрученных проводах. К эшелону несут раненых. Люди приходят в себя и обмениваются впечатлениями. Невдалеке стоит группа десантников, и я слышу их разговор:

— Ох и страшно! — сильно жестикулируя, говорит молодой боец, — воет-то как…

— А пикирует, — добавляет другой, — кажется, прямо на тебя и никуда от него не уйдешь…

— На испуг, гад, берет, — зло сплевывает старослужащий, — а сам держится от нашего огня подальше.

Стали слышны команды старшин, собирающих свои подразделения. Подъехавшие ремонтники, оглядываясь на раненых, проверяют путь и подвижной состав.

Ко мне подходит бригадир очень высокого роста, с аскетически худым лицом и длинными седыми усами.

— Булава, Прохор Игнатьевич, — представляется он, протягивая руку. Мы поздоровались.

— На фронт?

— Да!

— Большую силу набрал Гитлер!.. С разбегу-то его сразу и не остановишь… — Я с германцами еще в первую мировую и гражданскую воевал. Ничего не скажу — воюют по науке. Но бить немцев можно. Мы их тогда, голодные и разутые, с одними винтовками и гранатами били…

Лицо бригадира стало строгим.

— Думаю, и сейчас, — твердо сказал оп, — зацепиться надо… Поднатужиться… И погоним фашистов с нашей земли…

И опять идет эшелон. В соседнем купе, где расположились комбриг с комиссаром, стало тихо. Я прилег, и в памяти возник первый день войны.

— Поезжай, начальник штаба, к райвоенкому, — сказал мне комбриг Виктор Григорьевич Жолудев. — Уточни, что он может дать из местных ресурсов на укомплектование бригады.

Сажусь в машину и, в который уже раз, пытаюсь осмыслить случившееся. Хотя последнее время обстановка с каждым днем

становилась тревожнее, нападение фашистской Германии было неожиданным. Как это могло произойти?

…Пустынной кажется местность на той стороне пограничной полосы. И только всмотревшись, можно заметить блеск стекол биноклей и стереотруб. Маскирующихся офицеров с картами на старых и вновь появившихся наблюдательных пунктах… А ночью, рвущиеся из рук проводников овчарки. В лесах и оврагах с замаскированным светом и приглушенными двигателями машин сосредотачивался враг.

Не может быть, чтобы подготовка гитлеровцев осталась незамеченной!.. Но ведь был договор о ненападении…

Потом, как с большой высоты, мне открылась наша необъятная Родина. В бесчисленных городах и селах трудились миллионы мужчин и женщин, захваченных врасплох войной.

Как единственно возможное, пришло решение: враг должен быть остановлен! Нельзя допустить гибели наших людей…

Кто мог предполагать тогда, что враг будет задержан только у стен Москвы и Сталинграда?..

С каким-то новым чувством особой важности своей работы переключаюсь на управление ходом боевой тревоги. Подъезжают Жолудев и комиссар бригады Назаренко.

— Товарищ комбриг! Личный состав бригады вышел в район сбора. Боеприпасы, парашюты и другое имущество вывезены согласно расчету и в установленные сроки.

— Хорошо! — говорит Жолудев, — распорядись и поедем с нами…

— Вот и наш черед пришел, — с горечью говорит Виктор Григорьевич, когда мы тронулись.

В машине стало тихо. Потом раздался сумрачный голос комиссара:

— А я верил в договор с немцами!..

…Полдень. На лесной поляне строй десантников. Тревожные, сразу повзрослевшие лица. Вместе с комбригом и комиссаром мы стоим на машине с откинутыми бортами.

— Товарищи! — говорит Назаренко, — вы слышали заявление нашего правительства. Сегодня немецко-фашистские войска, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно вторглись в пределы нашей любимой Родины!

Они бомбят наши города и села!

Уничтожают беззащитных людей!

Мощно несется из строя:

— На фронт! На фронт! Смерть фашистам!

…У здания военкомата собралось много людей. Меня останавливает средних лет мужчина. Видно, только сейчас он оторвался от жаркого спора.

— Как же так, товарищ майор! В газетах пишут одно, а немец вон что делает?..

Из толпы к нам оборачиваются еще несколько человек.

— Что сейчас об этом говорить? Теперь надо бить фашистов!

Какое-то мгновение люди размышляют.

— Пожалуй, — говорит один из них, — так оно будет верней.

…На столе у райвоенкома, диссонируя со всей обстановкой казенного учреждения, изящная статуэтка танцующей с кастаньетами испанки. Сам он сидит, согнувшись, за столом и разговаривает по телефону. Лицо молодое, но седина уже посеребрила волосы. Кивком головы указывает на стул. Кончив говорить, подполковник встает. Пустой левый рукав пристегнут к гимнастерке.

Поднимаюсь со стула и с интересом смотрю на военкома.

«Многое, наверное, видел и перенес этот рано поседевший человек. Что он скажет?»

— Рад видеть вас, товарищ майор, в это неспокойное время! С чем пожаловали?

Я изложил ему просьбу командира 6-й воздушно-десантной бригады и добавил:

— Ведь в любой день мы можем получить команду на фронт!

— Хорошо, разберусь сам и позвоню…

Он достает папиросы и мы закуриваем.

— Такие дела… Не остановил немцев договор с нами. Верить им нельзя… В этом я убедился в Испании. Остановить фашистов может только сила! Другой язык они не поймут.

Наш эшелон продолжает свой путь на фронт. Мимо проносятся уже высокие хлеба, леса и рощи, белые украинские хаты с зелеными садами. Здесь война еще не оставила свой след.

На следующий день на одном из перегонов я еду вместе с разведчиками. Почти все они старослужащие. Лишь несколько человек из прибывшего пополнения. В вагоне тихо. Только мерный стук колес эшелона. Сумрачны лица десантников. Многие из них потеряли связь с родными, оказавшимися на оккупированной территории. Да и на фронт ехали, не к границе, а под Киев…

— Расскажите, товарищи, что-нибудь интересное, — говорю я, чтобы развеять их настроение.

Война была где-то рядом, но по-настоящему ее еще не видели, а перед глазами стояло недавнее прошлое.

— Помните, ребята, ученье, — начал сержант Подкопай, —

что проводилось с нами за четыре дня до войны?.. На рассвете выбросили нас в тыл «противника». Ветер был сильный и меня отнесло почти к самому селу. Приземлился. Посмотрел вокруг — никого не видать. Собаки, и те спят. Погасил парашют, сложил его и вдруг чувствую чей-то взгляд. Оглянулся — у хаты весь в белом стоит старый, седой дед и смотрит в мою сторону.

— Эге, думаю, за кого же он меня принимает? Всполошит сейчас своих, те в сельсовет, поднимут шум, дойдет до «противника» и пропала наша внезапность… Считай, все ученье пойдет насмарку… Надо с ним поговорить…

Потихоньку, осторожненько, чтобы не напугать, направился к нему. «СВТ» за плечами, сам улыбаюсь. Увидел меня дед, спокойно стоит и ждет…

— Доброго утра!

— Здоровеньки булы! Звидкиля будзтэ?

— Да с неба, дедушка. Парашютисты мы… Ученье проводим… Выбросили нас, значит, пораньше, чтоб никто не видел, чтоб, значит, сохранить внезапность.

— Если бы на войне, я бы вас, дедушка, в плен взял, а то расскажете противнику, мол видели нас, а если бы сопротивлялись, то, может, и пристрелил бы…

— А хто ж ваш ворог? — Деникин чи Махно, а може, хвашист?

— Да нет, дедушка, «противник» у нас называется — «синие», а враг, наверное, он и есть фашист…

— Та що ж це вы, товарыщ боець!.. Та хиба ж я пиду доказувать якимсь там «сыним», або хвашистам на своих червоноармийцив… Та я скорише сгыну с цього свиту, чым таке чорне дило зроблю… Идить соби и не турбуйтесь.

— Ну спасибо, дедушка, — говорю ему с облегчением, крепко жму руку и, не оглядываясь, бегу на пункт сбора…

— А мне, — вступает в разговор молодой десантник Петя Кушкин, — на этом ученье опять не повезло… С Подкопаем мы договорились держаться вместе. А в самолете, после команды «Пошел!», я немного задержался. Что-то боязно стало. Спасибо Попов-Печор поддал сзади. Пока раскрылся парашют, то да се, стал смотреть где Подкопай и не увидел его. Стропы у парашюта немного подзапутались, и меня отнесло прямо на болото. Приземлился один, весь в тине и болотной жиже — еле выбрался. Откуда-то доносится артиллерийская стрельба. Стал я искать ориентир — высоту 136,0. Справа вроде бы она, и совсем с другой стороны вроде бы тоже она… На карте высота обозначена, а тут, на незнакомой местности, да еще после прыжка в болото — ищи ее эту высоту…

Решил подать сигнал — засвистел «под соловья». Житель я городской и живого соловья отродясь не слышал. Ребята, правда, показывали, да разве запомнишь…

Вот я свищу и жду — никто не откликается. Какая-то пичужка услышала и сразу улетела.

«Чего же ждать, — думаю, — надо идти на ориентир, а то все соберутся, а меня нет и опять Петя Кушкин в отстающих».

Где можно — бегу в рост, а где место открытое — перебежками. Вдруг слышу, кто-то бежит мне навстречу. Притаился я, чтоб, значит, сохранить внезапность. Смотрю, весь взмыленный несется Подкопай. От радости я чуть не задохнулся, а он уже проскочил мимо, того и гляди — уйдет.

— Ваня! — закричал я не своим голосом. — Куда же ты?

Остановился он, смотрит на меня, видать, не узнает, а потом засмеялся и спрашивает:

— А ты куда?

— На пункт сбора, — говорю, — и показываю рукой направление.

— Эх, — говорит, — Петя, пора бы тебе уже стать настоящим разведчиком — два месяца служишь. — И побежали мы с ним обратно…

Все засмеялись.

— А ученье интересное было, — продолжает Петя, — наверное, и на войне так может быть?

— Вот видишь, — улыбается Подкопай, — а говоришь «не повезло».

…Уже две недели стоит под Киевом в резерве фронта 6-я воздушно-десантная бригада. Утро. На опушке рощи после ночных занятий отдыхает рота десантников. Оружие в козлах. Люди разговаривают, курят, слышен смех.

Вместе с командиром роты мы сидим несколько в стороне. Разговор идет об особенностях перехода от ночного боя к дневному.

— Главное, — говорю я, — это не только решить поставленную задачу, но и создать условия для успешных действий в светлое время…

Подъезжает с завтраком кухня. С ней прибыл и старшина. Среди бойцов веселое оживление. Он подходит с докладом к командиру роты, потом командует:

— Приготовиться к завтраку!

Все встают, достают котелки.

— Повзводно! — «поет» старшина, — третий взвод, первый, второй — в две шеренги, становись! Смирно!

Докладывает командиру роты.

— Вольно!

Из-за рощи появляется тележка с домашним скарбом. Впрягшись в длинные ручки, тянет ее пожилой колхозник. Ему, толкая тележку сзади, помогает молодая девушка. Рядом с подвязанной рукой идет еще не старая женщина, видимо, ее мать. У всех усталый вид. Возле роты тележка останавливается.

— Товарищи бойцы! — обращается к нам колхозница, — чи не дастэ водыци попыть?

— Дадим, — отвечает командир роты, — садитесь с нами, вместе позавтракаем!

Рота полукругом устроилась вокруг семейства.

— С Новоселиц мы, — рассказывает колхозник, — це за Киевом… Через наше село дуже багато людей прошло — и нашего брата и военных. Бежит народ от нимця и уси в один голос — лютуе «Гитлер»! Невинных людей расстрелюе та вишае. Худобу, зерно, барахло домашне — все забирае. Молодежь, як скотину, грузять в товарняк та гонють в Ниметчину.

Продолжает колхозница:

— Ну, и страшно стало оставаться з ворогом. Як фронт пидийшов до нас, бросылы мы все. Идемо в Дударково до родычей, да бачите, покы йшлы, хлопчика Ивана поховалы…

На ее глазах появляются слезы…

— Нимець з самолету вбыв, та и мене раныв.

— Скорей бы на фронт! — раздается голос десантника, — рассчитаться с фашистами.

— Думаемо переждать, — говорит колхозник, — поки Червона Армия одгоне нимця вид Киева…

— Дойдемо до своих, — говорит девушка, — повернусь до миста, запышусь на курсы санинструкторив, а потим на фронт. Хоть що-небудь зроблю за нашего Ивана…

И вновь катится тележка по полевой дороге. Когортой богатырей стоит рота в развернутом строю. Суровы лица бойцов. Силой веет от них. И кажется, что десантники прикрывают собой идущих по пыльной дороге людей с тележкой, села, поля и рощи до самого горизонта…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
В ПЕРВЫХ БОЯХ

Юго-Западный фронт. Ночью над Киевом зарево пожаров. Луна. Темно-синее южное небо. Яркие звезды. На переднем крае редкий минометный и пулеметный огонь. Вверх часто поднимаются вражеские ракеты. Вместе с бригадный разведчиком старшим лейтенантом В. Ф. Бакаем и молоденьким командиром взвода, выделенным для связи от второго батальона, мы идем на передовую.

— Как воевалось, лейтенант?

— Познакомились, товарищ майор! Дали им как следует, — хотя и нам, конечно, досталось!..

Мы обгоняем подносчиков боеприпасов и термосов с пищей. Сняв пилотки, проходим мимо отрытой братской могилы — возле нее длинный ряд погибших. В зыбком свете луны видны воронки, убитые гитлеровцы в оставленных траншеях, а перед ними кое-где и наши десантники…

— Батальонный медпункт, — поясняет лейтенант, — когда мы поравнялись с замаскированной ветками палаткой. Невдалеке от нее просматриваются силуэты раненых.

— Осторожней, Веревкин! — слышен знакомый голос врача санитарной роты Галевской.

Наверное, идет эвакуация. Мы останавливаемся.

— Здравствуйте, Нина Николаевна!

— Здравствуйте! — как-то очень устало говорит она.

В памяти возникло яркое, сияющее утро 15 июня. Вместе с комбригом В. Г. Жолудевым мы идем к самолету. По дороге заходим на контрольный медпункт.

— Познакомьтесь, Нина Николаевна! Это наш начальник штаба, — представляет меня Виктор Григорьевич. — Осмотрите его повнимательней. У него — первый прыжок…

Подходит Галевская.

— Сумеете эвакуировать раненых своим транспортом, или нужна помощь?

— Сумеем!

И после небольшой паузы продолжает:

— Совсем немного времени прошло, а как все изменилось. С начала войны я была как в тяжелом сне — что будет с нами? Но сегодня, в первом бою насмотревшись на убитых и умирающих, послушав, что говорят раненые, я поняла, что прежняя жизнь вернется, наверное, не скоро, но обязательно вернется…

Мы идем дальше. У небольшой, заросшей кустарником высотки лейтенант останавливается:

— Наблюдательный пункт батальона!..

— Поговори с десантниками! — напутствую я В. Ф. Бакая, идущего в роты, — они расскажут тебе многое из того, что надо знать нам в боях с фашистами…

— Командир второго батальона! — представляется подошедший капитан А. С. Галанов.

— Хотя и не очень хорошо видно, давайте, Александр Семенович, уточним ваше решение на завтра…

По узкому, наспех отрытому ходу сообщения мы выходим на наблюдательный пункт. Галанов ориентирует по местности, показывает основной ориентир, наш передний край и противника, границы батальона, боевой порядок, исходное положение для наступления и заданный рубеж.

— Когда же вы уточните задачи подразделениям на местности? Разведаете цели для подавления? Приказ ведь получили затемно…

— Наблюдение будем вести всю ночь. На рассвете уточним задачи и цели…

— Ну что ж, — другого здесь не придумаешь…

Из темноты появляется комиссар батальона старший политрук Г. С. Спивак.

— Как настроение у десантников?

— Настроение бодрое — первый бой и первый успех. Но потери большие. Сколько товарищей и друзей мы потеряли. Мне кажется, что за сегодняшний день я стал старше на много лет… Не знаю, может быть, позднее мы будем воспринимать это несколько иначе?..

— И я думаю о погибших, — говорит Галанов, — ценой своей крови и жизни остановивших врага…

Стало тихо. Не сговариваясь, мы почтили память погибших минутой молчания. Через четыре дня А. С. Галанов был тяжело ранен, а Г. С. Спивак убит.

…На наблюдательном пункте комбриг В. Г. Жолудев, комиссар П. Я. Назаренко и я. Над полем боя висит жаркое солнце. От дыма и пыли в сухом нагретом воздухе стоит багровое марево.

Наступило короткое затишье. Гитлеровцы ведут методический артиллерийский огонь, перемежая его огневыми налетами. Подошел начальник разведки В. Ф. Бакай и доложил, что командир 147-й стрелковой дивизии полковник С. К. Потехин, которому тогда оперативно подчинялась бригада, вызывает комбрига и начальника штаба на свой наблюдательный

пункт.

— Павленко! — сказал Жолудев стоящему невдалеке начальнику артиллерии. — Останешься за меня! — И мы тронулись.

По пути к комдиву надо было пройти через большой открытый участок, пересекаемый гравийной дорогой. Укрытий здесь не было. На всем пространстве рос только мощный дуб с широкой кроной.

— Видимо, дуб, — сказал я, — служит немцам ориентиром. Этот участок они держат все время под огнем.

В этот момент начался минометный налет. Мины с каким-то чавкающим треском рвались со всех сторон. Воздух наполнился гарью и свистом осколков. Мы бросились к дереву, надеясь за его стволом найти укрытие. Казалось, что и страха нет, только до предела обострился слух. По шороху мин в воздухе мы старались определить место их падения и сразу бросались на другую сторону дуба. Так продолжалось минут пять. Со стороны это могло казаться игрой в прятки с кем-то невидимым. То была «игра» со смертью…

Наконец налет кончился. С облегчением вздохнув, мы посмотрели друг на друга. Пилотки нахлобучены, пот ручьями катится по лицам. Обмундирование сбилось набок, кобуры с пистолетами где-то сзади, воротники расстегнуты… Это было и смешно и грустно…

— Заправимся! — сказал Жолудев, а потом добродушно добавил. — Ну и бегаешь ты, начальник штаба, здорово!

— Так ведь отставших бьют, — ответил я в тон ему. — Мы оба засмеялись. Потом, подойдя ближе к дубу, осмотрели его ствол. Со всех сторон он был свежеизрешечен осколками.

В этот момент мы услышали автоматную очередь. Просвистели пули.

— Ложись! — крикнул комбриг, падая на землю.

Маскируясь в траве, мы быстро отползли от дерева и перебежками добрались до нашей цели.

На дивизионном НП — порядок. Траншея полного профиля с ходами сообщения. Несколько участков перекрыто. Рядом блиндаж командира дивизии. В траншее несколько стереотруб с закрытыми травой стеклами. Сзади — в аппарелях, машины связи и легковые машины командования. Все тщательно замаскировано. У входа — парный комендантский пост.

— По вашему приказанию прибыли, — доложил Жолудев.

Полковник Потехин внимательно посмотрел на нас, потом, обращаясь к комбригу, спросил:

— Вы что, на диверсантов наткнулись?

— Каких диверсантов? — изумленно спрашивает Жолудев.

И тогда Потехин рассказал:

— Невдалеке от штаба дивизии, на опушке небольшой рощи завершало обед отделение разведчиков. Неожиданно они увидели, как из кустарника с редкими деревьями в направлении командного пункта одна за другой летят две вражеские ракеты.

— К бою! Вперед! — скомандовал командир отделения. Бросив еду и схватив винтовки, разведчики, на ходу развертываясь в цепь, устремились за командиром. Он уже увидел, кто пускал ракеты, и руками показывает — окружить!

Из-за дерева вышел старшина с черными петлицами. На шее трофейный автомат. Ракетница лежит на земле.

— Руки вверх! — скомандовал ему командир отделения.

— Да что вы, ребята! Я же свой, иду из окружения, ищу свою часть…

— Стученко! Обыскать! — приказал отделенный.

Тот подошел к «старшине» и вытащил из карманов его брюк немецкий пистолет и два запасных магазина с патронами, из карманов гимнастерки — документы и пачку денег. Из вещмешка, кроме туалетных принадлежностей, — шоколад, галеты, магазины с патронами к автомату, ракеты…

— Потом признался, — закончил рассказ Потехин, — их тут заброшена целая группа. Задача — уничтожать старших командиров, выявлять и показывать командные и наблюдательные пункты, сосредоточения войск, складов, взрывать мосты…

— А вы ходите без охраны, с одними пистолетами!

— Так вот кто вел по нас у дуба огонь из автомата, — заметил Жолудев, когда мы возвращались к себе. — А я и не подумал…

…Отразив наши атаки, немцы подтянули свежие силы и перешли в наступление. С неба бомбят и поливают огнем из пушек и пулеметов фашистские асы. А на земле вражеские цепи с бронемашинами. Их поддерживают артиллерия и минометы. Впереди ползут танки. Наши одиночные орудия ведут по ним огонь прямой наводкой.

— Вот уже второй месяц, — услышал я голос Жолудева, — как наша армия делает самую тяжелую и грязную работу — уничтожает отборные дивизии фашистов…

— Да, но какой ценой! — воскликнул Назаренко, — ведь мы отходим! Поймут ли нас наши люди…

…Уже шесть часов идет бой. Гитлеровцы заняли село Красный Трактир. Редкие группки десантников медленно отходят.

Немцы ведут по ним сильный пулеметный огонь, прижимая к земле. А в это время их автоматчики, парами, прикрывая друг друга, просачиваются в разрывах между бойцами в наш тыл. Вот они уже за передовыми подразделениями. Маскируясь в еще зеленой бахче, гитлеровцы короткими очередями ведут беспорядочный огонь, пытаясь вызвать панику. Падают идущие с передовой раненые. В бинокль видна суматоха, возникшая на батальонном пункте медпомощи. В воздух из нашего тыла поднимаются вражеские ракеты, создавая видимость окружения и обозначая достигнутый немцами рубеж. Этот прием был для нас еще новинкой.

— Так вот откуда рождаются постоянные разговоры об окружении! — заметил Назаренко. — Об этом надо будет обстоятельно рассказать десантникам.

— И не забудь о диверсантах, — напоминает комбриг.

…К концу августа непосредственно от Киева враг был отогнан. На какое-то время наступила передышка. Вместе с комиссаром и комбригом мы обедаем в его землянке. На самодельном столе в алюминиевой тарелке нарезанный тонкими миниатюрными ломтиками хлеб. В двух котелках — борщ и каша. Штабной повар, в белом колпаке и куртке, разливает борщ по тарелкам.

— Хорошо готовишь, Иван Данилович! — говорит Жолудев, попробовав борщ. — Спасибо тебе!

— Стараемся! Я ведь и на фронт пошел добровольно. До войны работал в Ленинграде шеф-поваром. Конечно, профессия моя, прямо скажем, не героическая. Не то что снайпер или разведчик… Супруга моя, Марья Ивановна, как услышала, что собираюсь на фронт, говорит мне:

— Куда тебе, Ваня, на войну, ведь уже 49-й пошел, ты только мешать там будешь.

— Не говори так, Маша! И я там нужен буду. Ведь когда человек хорошо поест, у него и сила и настроение появляется. А без настроения как будешь бить фашиста?

— Правильно, Иван Данилович! — поддерживает его комиссар Назаренко. — На войне настроение — великое дело.

— Вот только хлеб ты режешь, Иван Данилович, не по-фронтовому, — говорю я, — это сколько ломтиков надо мне съесть, чтобы от них сила проявилась, да сколько времени затратить…

Все засмеялись.

— Учтем, товарищ майор, — улыбаясь говорит повар, — будете довольны…

Закончился обед.

— Сегодня ночью, — говорит Жолудев, — нас сменят. Дадут пару дней на приведение в порядок и отправят на тыловой рубеж, где мы сможем и пополниться. Продумай, начальник штаба, как сделать, чтобы гитлеровцы не заметили смены. Потом доложишь.

Киев! Как былинный богатырь, вместе с армией разишь ты неприятеля у ворот своих… Как покидать тебя? Здесь мы учились бить врага и стали солдатами. А сколько десантников навсегда осталось у стен города.

И будто продолжая мои мысли, Виктор Григорьевич говорит:

— Сколько киевлян погибло от обстрела и бомбежек. Но какая выдержка. Многие тысячи их уже воюют в боевых частях, в ополчении, истребительных батальонах, в медицинских подразделениях. Они готовы пожертвовать всем для победы над врагом.

В 1967 году в Киеве собрались участники его обороны — ветераны 3-го воздушно-десантного корпуса, его 5-й, 6-й и 212-й бригад. Мы посетили места боев и не узнали их. Появились новые районы, бывшие деревни Мышеловка, Красный Трактир, хутор Теремки, Голосеевский лес оказались в черте города. Все застроено, во всем виден героический труд киевлян. Мы вспомнили товарищей и жителей города, отдавших в те дни свою жизнь за наше мирное завтра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
МЫ ОТХОДИМ

После боев за Киев меня назначили командиром 6-й воздушно-десантной бригады. Начальником штаба стал прибывший из 5-й бригады капитан И. А. Самчук.

Уже вторые сутки днем и ночью идут бои на промежуточном рубеже за город Белополье. С наблюдательного пункта, разместившегося в кирпичном складе старинной постройки, вместе с комиссаром бригады П. Я. Назаренко наблюдаем за ходом боя.

— Товарищ комбриг! — слышен голос разведчика, старшего лейтенанта В. Ф. Бакая. — Похоже, что наши отходят…

Смотрю в бинокль. От окраинных домиков, отстреливаясь, по одному отходят небольшие группки десантников.

— Плохо, Павел Яковлевич! — У нас нет ни сил, ни средств, чтобы вести бой в городе за каждый дом, улицу, перекресток. Выход один — быстро выбить немцев с окраины, пока они не закрепились.

— Это так! — говорит Назаренко. — Я пойду в батальон к Прошо.

Вместе с ординарцем они уходят.

По телефону ставлю задачу командирам батальонов на общую контратаку. В. Ф. Бакай и бригадный инженер старший лейтенант Н. Г. Паршин бегут с приказом в разведывательную и саперную роты. В 11.00, после пятиминутного огневого налета, бригада контратакует врага, засевшего на окраине.

Смотрю на часы: успеют ли десантники подготовиться к атаке?.. Но и больше времени давать нельзя — гитлеровцы закрепятся, потом их не выбьешь…

Начинается огневой налет. На окраине сплошные разрывы снарядов и мин. Видны прямые попадания в дома.

Десантники выходят на исходное положение и, не останавливаясь, контратакуют. К нам доносится громкое «Ура!». Лотом слышны только короткие очереди автоматов, пулеметов, разрывы гранат. Постепенно бой удаляется и затихает.

— Наверное, ничего тяжелее отхода нет, — раздается сзади меня голос Назаренко, вернувшегося из батальона. — Как бы бой ни кончился — надо уходить. А что скажешь людям?

После моего назначения командиром бригады наши отношения с комиссаром Павлом Яковлевичем Назаренко не изменились. Как и раньше, мы работали дружно.

Руководимый им политотдел соединения стал большой организующей силой. Коммунисты личным примером добивались выполнения поставленных задач…

…Ночью на привале за поздним ужином сидящий рядом со мной начальник оперативного отделения штаба бригады капитан Г. Б. Смолин рассказывает:

«В селе Елизаветовке мотор нашей штабной полуторки закапризничал. Прикрытие, с которым мы двигались сюда, ушло за бригадой. А мы вместе с начальником штаба И. А. Самчуком остановились у одной из хат, выходящих окнами на площадь. На другой ее стороне, напротив нас, стоит в боевой готовности отставшее от своей части 85-миллиметровое зенитное орудие. Село забито обозами уже отошедших частей. Как мы узнали несколько позднее, обозы, двигаясь по лесным дорогам и просекам, ухитрились выйти к своим по уже занятой врагом территории. Сейчас обозники — пожилые колхозники-«бородачи», привлеченные для перевозки военных грузов, не зная обстановки, спокойно занимаются своим делом: кормят и поят лошадей, умываются, стирают портянки, варят на кострах похлебку. Над селом в лучах робкого сентябрьского солнца стоит светлое облако дыма.

— Тылы надо выгонять отсюда немедленно, — говорит Самчук, — ведь гитлеровцы рядом…

— А ты, Николай, еще долго будешь копаться? — обращается он к водителю.

— Да с час, наверное…

— Страшно есть хочется, — продолжает Самчук. — Может быть, Григорий Борисович, ты чего-нибудь сообразишь, пока я схожу к «бородачам»? А то я погибну не в бою с врагом, а от самого примитивного истощения в окружении друзей и товарищей…

С Иваном Аникеевичем мы дружим, и я, глядя на его плотную фигуру, смеясь, замечаю: «До истощения, Ваня, тебе еще далеко», — и направляюсь во двор хаты.

— Рубай ему голову, — взяв с меня тридцатку, щебечет хозяйка, передавая мне гуся, — а я швыденько затоплю пичь…

Когда начальник штаба вернулся, из раскрытого окна хаты уже тянуло ароматом свежезажаренного гуся. Водитель доложил, что машина готова.

В этот момент мы услышали характерные выстрелы вражеских танковых пушек и вслед за ними истошные крики: «Фашистские танки!»

С окраины села доносился лязг двигавшихся танков. И здесь

мы впервые увидели так близко, что такое паника. Дико крича и неистово нахлестывая лошадей, обозники, ломая заборы и мешая друг другу, неслись из села. Многие, оставив повозки и имущество, скакали верхом, другие, садами и огородами, бросив все, обгоняя друг друга, неслись к околице.

Выхватив из кобуры пистолет, чтоб не быть раздавленным, бежит через площадь к зенитному орудию Самчук. Когда он оказался у пушки, прогремел выстрел. Выскочивший на площадь вражеский средний танк от прямого попадания снаряда резко вздыбился, а потом со страшным грохотом взорвался. Вслед за ним, видимо, по инерции появился легкий танк. Раздался второй выстрел зенитки, но наводчик промахнулся. Мгновенно оценив обстановку, гитлеровец развернулся и как мышь «нырнул» в переулок. И сразу стал слышен лязг гусениц уходящих на большой скорости танков. Я тоже подошел к зенитке.

— Бородачи бегут в одну сторону, а гитлеровские танкисты — в другую, — улыбается Иван Аникеевич, — сейчас и тех и других ни на каком транспорте не догонишь…

Все засмеялись.

— Постройте расчет орудия, — приказал Самчук командиру.

— Товарищи! Я начальник штаба 6-й воздушно-десантной бригады капитан Самчук. За стойкость и мужество, проявленные в бою, за то, что уничтожили вражеский танк, от лица службы объявляю вам благодарность!

— Служим Советскому Союзу!

— Запишите, товарищ капитан, — обращается начальник штаба ко мне, — необходимые данные для представления расчета к боевым наградам!

— А сейчас, товарищи, свертывайте орудие, поедем догонять свои части вместе. А то за танк придется перед гитлеровцами ответ держать, они невдалеке. Это была их разведка…

— А гусь? — спрашиваю потихоньку своего начальника.

Иван Аникеевич смеется:

— Пусть подождет до конца войны…

И мы идем к машине.

Уже выехав за село, Самчук говорит:

— Паника страшна своей стихийностью. Главное в этой обстановке — сохранить присутствие духа, как это сделал командир орудия…»

…15 октября. Ночь. Нескончаемый дождь. Грязь по колена. Намокшая одежда. Серые лица. После дневного боя бригада отходит. В селах, через которые пролегает наш путь, молча провожают нас взглядами старики и женщины. Бойцы и

командиры помогают нести оружие уставшим. Выбившихся из сил подбирают идущие в хвосте каждой части повозки. Застрявшие машины вытаскивают проходящие подразделения. Тяжело, но во всем соблюдается порядок.

Вместе с начальником штаба капитаном И. А. Самчуком мы едем на маленьких монгольских лошадках в хвосте колонны.

— Враг у стен Москвы! Что может быть трагичней для каждого советского человека. Неужели фашисты возьмут Москву?

— Не думаю, Иван Аникеевич! Но если бы даже взяли — это не конец войны. Наполеон уже брал Москву. Но народная война только начиналась. Пришлось уходить… Бросить армию… Потерять Францию…

…22 октября. Вторая половина ночи. Дождь с мокрым снегом. Вместе с адъютантом и радистом, промокшие и грязные, подъезжаем на открытом «газике» к штабу бригады, разместившемуся в селе Заходы. У дежурного уточняем обстановку, а потом идем в подобранную для меня невдалеке от школы квартиру. В доме темно. Посыльный потихоньку стучит в окно. Загорается свет, и хозяйка открывает нам дверь.

— Здравствуйте! Извините, пожалуйста, ведь уже так поздно…

— Пожалуйста! — радушно приглашает женщина. Она с сочувствием смотрит на нас. В тусклом свете лампы в мокрых плащах, грязных сапогах, усталые от бессонных ночей мы выглядим не лучшим образом… Потом хозяйка ведет нас в комнату. В ней кровать, этажерка с книгами, платяной шкаф, стол с креслом — на нем уже стоит полевой телефон.

— Устраивайтесь! Умывальник в сенях. Сейчас будет чай — согреетесь.

Она уходит.

— Вы переобуйтесь, — заботливо говорит адъютант, — а я возьму сапоги, чтобы к утру их высушить.

…Меня пригласили в соседнюю комнату поужинать. На столе шумит самовар, стоят стаканы, нарезан хлеб. В графине домашняя настойка. У стола хлопочет маленькая седая женщина.

— Моя мама, — представляет ее хозяйка.

— Здравствуйте! — кланяюсь я и не свожу с нее глаз.

— Ольга Павловна! — говорит старушка, протягивая руку, и тепло улыбается.

— Вы так похожи на мою покойную мать… От неожиданности я даже растерялся. Тот же взгляд, та же добрая улыбка… Это удивительно!..

— Наверное, все старые матери похожи друг на друга…

Мы садимся за стол.

— Это у меня еще от свадьбы осталось, — наливая в рюмки, говорит хозяйка… — За что же мы выпьем?

— За нашу победу!

Мать и дочь невесело смотрят на меня и молча чокаются.

— Это ваш брат? — обратил я внимание на фотографию, висящую на стене.

— Муж!.. Мы вместе закончили пединститут, получили назначение в здешнюю школу. В субботу приехали из ЗАГСа, а в воскресенье он ушел на фронт… В сентябре пришла «похоронка» — «погиб смертью храбрых». — Она опускает голову.

— Извините, пожалуйста… «Похоронку» надо спрятать подальше. Ведь завтра здесь будут немцы. Они жестоко расправляются с семьями советских командиров…

— Как немцы! А что будет с нами? — в испуге спрашивает молодая женщина.

Глаза ее матери — Родины-матери — с укором смотрят на меня, как будто это я, молодой и здоровый, пустил гитлеровцев в их село. Не прикрыл их собой, отдал во власть коварному и жестокому врагу…

…8 ноября 1941 года. В этот день, через политотдел корпуса, мы узнали содержание речи И. В. Сталина, выступившего 7 ноября перед войсками, уходившими прямо с парада в Москве на фронт. И хотя Сталин говорил о тяжелом положении на фронте, слова его своей определенностью и верой в конечную победу вызвали небывалый подъем среди десантников и глубоко запали в наши сердца.

…Уже третьи сутки ведет тяжелые подвижные бои выдвинутая в качестве передового отряда под город Курск 6-я воздушно-десантная бригада. Задача — не допустить внезапного удара по поселку Тим. Его обороняют главные силы 3-го воздушно-десантного корпуса.

Сегодня утром, введя в бой главные силы, 16-я моторизованная дивизия гитлеровцев, отбросив бригаду к Черниковым Дворам, с ходу ворвалась в Тим. Уютный поселок, расположенный на самой высокой части Среднерусской возвышенности, весь в дыму пожаров и виден издалека.

Вместе с отходящими частями бригады я подъехал к околице Тима — Выгорному Второму. Его приказано оборонять. Сюда уже прибыл штаб, и капитан И. А. Самчук докладывает, что части сосредоточились полностью, за исключением артиллерийского дивизиона с ротой прикрытия. Из села Марьевки дивизион обеспечивал огнем отходящие части бригады.

— Садись со мной, — сказал я начальнику оперативного

отделения штаба бригады капитану Г. Б. Смолину, — выскочим вперед!

— Опять в разведку, — вспоминает он нашу совместную поездку в 5-ю бригаду к А. И. Родимцеву, перед тем как мы оказались в окружении на реке Сейме.

— Нет. В Марьевку! Надо быстрей снять оттуда дивизион Павленко, а его радиостанция не отвечает. Иначе он попадет в лапы к гитлеровцам.

Дорога, по которой мы едем, сильно разбита, и наша новая «эмка» скрипит как немазанная телега.

— Это что за ящик? — спрашивает Григорий Борисович, увидев посылку, которую мне прислали в подарок трудящиеся к 7 ноября. Перед отъездом адъютант положил ее в машину, посоветовав «хоть раз за сутки поесть».

— Возьми себе пачку «Шедевра», — предлагаю Смолину, — таких папирос ты, наверное, давно не курил, и перекуси чем-нибудь.

В этот момент мы увидели, как из-за перевала выскочили машины с орудиями и повозки с минометами. Ездовые стоя нахлестывали лошадей. Где-то впереди захлопали пушечные выстрелы вражеских танков.

— Быстрее, Федя, к перевалу, — говорю я водителю, — надо посмотреть, что впереди…

От резкого торможения я едва не разбил головой переднее стекло. Навстречу нам, чуть не столкнувшись, вынеслась машина с орудием на прицепе. Дверь кабины открылась, и командир артдивизиона закричал:

— Скорее назад! Танки!

Его машина понеслась прямо по полю. Водитель быстро развернулся и дал газ.

— Два легких танка, — говорит глядя через заднее стекло машины Смолин.

Почти сразу раздались выстрелы и вокруг нас стали рваться снаряды. Резко прыгая по кочкам и ухабам, мы неслись вперед. Неожиданно нас занесло в сторону. Машина остановилась. Выскочив первым, Федя доложил: «Пробило правую переднюю покрышку…» И тут же стал подавать артиллеристам сигналы остановки.

Вместе со Смолиным и водителем мы бегом направились к остановившейся в небольшой ложбине машине Павленко. Вдруг Смолин, как будто что-то вспомнив, повернулся и побежал к нашей «эмке».

— Куда ты? — закричал я.

— Бегите к машине! Я вас догоню.

На минуту я остановился. Вытащив из «эмки» посылку, Смолин уже бежал обратно. Мы сели в машину и понеслись вперед. Проскочили по шаткому деревянному мосту через небольшую речку с обрывистыми берегами.

— Остановись! — показал я рукою водителю.

С кузова спрыгнул Павленко. Я приказал ему занять здесь огневые позиции и открыть огонь по танкам. Орудие, с которым мы сюда подъехали, уже через несколько минут от-крыло огонь. Первый снаряд угодил в борт легкого танка, и он загорелся. Остальные начали пятиться, искать укрытий. На выстрелы своих пушек стали возвращаться орудия, проскочившие вперед. Павленко и Смолин, стоя на мосту, ставили задачи подходившим артиллеристам и стрелкам. Порядок был восстановлен.

— Организуйте, — приказал я Павленко, — отход дивизиона перекатами в Выгорное Второе.

В пути Семен Иванович рассказал мне, что его радиостанция вышла из строя. Дивизион снялся с огневых позиций уже под огнем танков, обходивших его с флангов.

— Еще немного, — признался Павленко, — и мы оказались бы в окружении…

Я поблагодарил командира дивизиона. Артиллеристы своим огнем «до последнего» обеспечили организованный отход частей бригады в Выгорное Второе.

— Зачем, Григорий Борисович, — спросил я вечером у Смолина, — ты побежал за посылкой? Неужели она стоит жизни?

— Нет, конечно! И дело не в ней. Когда мы побежали к машине Павленко, я вдруг представил себе, как через несколько минут гитлеровцы с издевкой и смехом будут пожирать содержимое посылки. Этого удовольствия я им доставить не мог, чего бы это мне не стоило…

…5 декабря 1941 года началось контрнаступление наших войск под Москвой. Оно вдохнуло в нас новые силы и надежды. Здесь, в Курской области, враг еще теснил наши войска и занял город Елец. 87-й стрелковой дивизии, сформированной на базе 3-го воздушно-десантного корпуса, предстояло остановить гитлеровцев и развивать успех в направлении Щигры, обеспечивая левый фланг наступавшей на Елец ударной группировки Юго-Западного фронта.

…11 декабря. На наблюдательном пункте, наспех оборудованном в большой клуне, я, комиссар полка И. И. Морозов, начальник штаба Г. Б. Смолин, начальник тыла Н. Н. Чеверда. Здесь же и прибывший к нам накануне член Военного совета 40-й армии бригадный комиссар Иван Самойлович Грушецкий. Сегодня в полдень 96-й стрелковый полк,

переформированный из 6-й воздушно-десантной бригады, освободил железнодорожную станцию и поселок Мармыжи.

— Были бы в достатке танки и авиация, — говорит Иван Самойлович, — с нашими людьми можно творить чудеса…

Входит начальник разведки старший лейтенант В. Ф. Бакай.

— Разрешите обратиться к командиру полка? — И получив разрешение Грушецкого, докладывает:

— Товарищ подполковник! В тупике на станции стоит отбитый у немцев эшелон с нашими бойцами, попавшими в плен, и молодежью, которую они пытались угнать в Германию.

— Их надо немедленно вывести со станции! Как только погода прояснится, прилетят «Ю-87» и в первую очередь постараются уничтожить этот эшелон…

— Разрешите доложить, — говорит Чеверда, — людей можно своим ходом переправить в Серебрянку. На ночь освобожденных из плена поместим в церкви, молодежь — по хатам. А завтра ими займется армейский тыл.

— Согласен!

— Товарищ старший лейтенант, поезжайте к эшелону, подготовьте освобожденных к переходу в Серебрянку, но не тяните с этим на морозе. Мы подъедем к эшелону минут через пятнадцать. Поговорим с людьми и шагом марш!

— Есть! — Бакай отдает честь и уходит.

…У эшелона стоит колонна молодежи — шестнадцати-семнадцатилетние подростки. Напротив нее заканчивается построение побывавших в плену. Заросшие, в старых шинелях и пилотках, на ногах опорки. Вид измученный. У многих на головах и руках повязки. Но глаза веселые, ведь пришло освобождение.

Невдалеке большая толпа. Кажется, забыв о своих делах, сюда пришли люди со всего поселка. Сумрачны лица жителей. Смотрят то на пленных — нет ли своих, то на молодежь. Обмениваются мнениями. Впереди них, лицом к эшелону — наша разведрота. Мы останавливаемся возле разведчиков.

— Смирно! — несется над эшелоном.

— Вольно! — командует Грушецкий, а потом говорит: — Товарищи! Прежде всего хочется от души поздравить вас со счастливым освобождением из фашистской неволи. Такое, как случилось с вами, бывает не часто! Посмотрите друг на друга — наши дети и бойцы, оказавшиеся в плену, и вы поймете, что фашисты хотят уничтожить не только наше настоящее, но и наше будущее… Вероломно нарушив договор с нами, гитлеровцы воспользовались преимуществом внезапного нападения. Они дошли до Москвы. А сейчас их там бьют. И здесь, далеко от Москвы, их тоже бьют. Мы будем их бить до тех пор, пока не

разобьем.

— Товарищи! — завершаю я разговор. — Сейчас мы направим вас в соседнее село. Здесь оставаться нельзя. Налетит вражеская авиация, и вы можете погибнуть…

— Товарищ, подполковник! — громко обращается ко мне кто-то из колонны бывших пленных. — Мы просим немедленно зачислить нас в армию! Будем драться с фашистами до последнего вздоха!

— Молодцы! Правильно! — раздались голоса из группы молодежи.

— Спасибо, сыночки! — сказала пожилая женщина.

— Хорошо, товарищи! — заверил я их. — Отдохните, а завтра вами займутся!

Невдалеке от меня стоят старые дружки Подкопай и Попов-Печор.

— Вот не хотел бы попасть в их положение, — говорит Подкопай, — и стыдно, и обидно…

— Смотри сколько их, — говорит Попов-Печор. — Наверное в окружение попали, а выйти не удалось…

Колонна проходит мимо жителей. Внимательно смотрят они на освобожденных из плена.

— Мама! — раздался чей-то голос.

Пожилая женщина инстинктивно бросилась вперед. В двигающейся колонне она увидела худенького паренька.

— Иди, Алеша! Иди, сынок! — И замахала прощально рукой.

Было холодно. По земле неслись снежные комья.

Завершался сорок первый год.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ВЕСНОЙ 1942-го

В январе 1942 года приказом народного комиссара обороны 87-я стрелковая дивизия за проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками массовый героизм, дисциплину и организованность была преобразована в 13-ю гвардейскую. 96-й стрелковый полк, которым я командовал, стал 39-м гвардейским.

Примерно через месяц, в конце февраля, меня назначили командиром 190-й стрелковой дивизии, формировавшейся в Сталинграде. После девяти месяцев пребывания на фронте многое в тылу показалось мне непривычным. Вокруг тихо, нигде не стреляют, работают клубы, кино, театры. Жизнь идет своим чередом.

В Сталинград я прибыл в первых числах марта. День выдался ненастный. С Волги дул пронизывающий ветер. Фронт был еще далеко, и город, казалось, жил обычной жизнью. Но напряжение чувствовалось во всем — в длинных и молчаливых очередях, в суровом облике спешащих людей, в круглосуточной работе фабрик и заводов…

В то время личный состав воздушно-десантных войск носил лётную форму одежды. Когда мы вели бои под Киевом, немцы даже пустили слух о том, что в Красной Армии уже нет пехоты, а вместо нее воюют летчики. На фронте, за время после переформирования 6-й воздушно-десантной бригады в стрелковый полк, я так и не успел обзавестись общевойсковой формой. И командующий войсками округа генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко встретил меня несколько удивленной репликой: «Летчик, а назначен командиром стрелковой дивизии». Недоразумение быстро рассеялось, когда я доложил генералу, что прибыл с должности командира 39-го гвардейского полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

Расспросив о положении на фронте, в каких операциях довелось участвовать, командующий дал ряд указаний о комплектовании дивизии, которое только начиналось. Чувствовалось, что это не первоочередное формирование.

Дни тянулись медленно. После напряженной фронтовой жизни мне было не по себе. Неожиданно меня вторично вызвали в Москву и назначили командиром 25-й гвардейской стрелковой дивизии, формировавшейся в Калининской области.

…Вместе с комиссаром дивизии полковым комиссаром Е. В. Бобровым едем представиться и решить ряд служебных

вопросов к секретарю Сонковского райкома партии и председателю райисполкома. Вторая половина дня. Апрельское солнце по-весеннему освещает одноэтажные деревянные дома, булыжную мостовую, длинные очереди людей у редких магазинов.

В небольшом, обставленном старой мебелью кабинете, худой и усталый секретарь райкома Дмитрий Антонович Скворцов. Рядом с ним коренастый брюнет, председатель райисполкома Александр Иванович Орнадский. Они встают и делают несколько шагов навстречу. Мы представляемся, потом усаживаемся. Я достаю папиросы и кладу их на стол. Дмитрий Антонович пододвигает пепельницу.

— Где воевали, товарищи? — спрашивает он и смотрит на наши еще не потерявшие блеска ордена Красного Знамени.

— На Юго-Западном фронте, в десантных войсках.

— Мне, — говорит Бобров, — довелось воевать в морской пехоте под Москвой и Старой Руссой.

— А я, — замечает Скворцов, — просился на фронт — не отпускают. Так и работаю в этом районе с довоенной поры.

За время пребывания в тылу я уже от многих людей слышал жалобы на то, что их не направляют на фронт. Сомневаться в их искренности не было оснований. Ведь вся страна жила фронтом, и у каждой семьи были свои счеты с врагом…

Секретарь закуривает и продолжает:

— Какая жизнь была! Сколько романтики! Мы ведь не просто трудились, мы строили новое, прекрасное будущее…

— На него и замахнулись фашисты, — говорит комиссар.

— Вот вы, товарищи, крупные командиры, — вступает в разговор председатель райисполкома. — Воевали на разных фронтах, многое видели, пережили и, видимо, во многом разобрались… Скажите, почему все-таки наша армия отходит?

«Наверное, — подумал я, — во всех уголках нашей Родины спрашивают об этом люди друг друга. Сколько раз задавал я подобный вопрос и самому себе. Ведь на поверхности событий видны только наши неудачи. Что скрыто за ними?»

— Нелегкий вы задали вопрос, Александр Иванович, — говорит Бобров. — Вряд ли кто сможет уверенно ответить на него уже сейчас. Если говорить крупно, наше правительство, видимо, и пошло на договор с немцами о ненападении, чтоб успеть укрепить оборону страны.

— Внезапный, вероломный удар и большие потери в людях и технике в первые дни войны, — продолжаю я, — тоже сказались. Так что, не в порядке оправдания, причин набирается немало.

— И долго может так продолжаться? — спрашивает

секретарь.

— Сейчас можно только предполагать. Бои под Киевом, Ленинградом, разгром гитлеровцев под Москвой, само настроение бойцов и командиров на фронте — все это добрые приметы. Мы набираемся сил и умения…

— Тяжело на фронте, нелегко и в тылу, — говорит председатель райисполкома. — Не хватает рабочих рук и транспорта. Всюду работают женщины, старики и подростки. Это они выполняют наши планы и поставки. В условиях карточной системы, когда не хватает самого необходимого, люди отдают армии теплые вещи, подписываются на государственные займы, вносят свои сбережения на строительство самолетов и танков… «Все для фронта!» — это не просто лозунг, это то, чем мы сейчас живем.

И опять говорит секретарь:

— Приеду поздно ночью из района, устал до предела, давят грудь заботы, а вспомню, что делают фашисты на нашей земле и готов опять сутками работать без сна и отдыха…

И я думаю о том, что когда враг будет разбит и наступит мир, тяжелым грузом на чашу весов лягут испытания наших людей по обе стороны фронта.

Председатель смотрит на часы. Мы переходим к разбору наших нужд.

…Закончилась встреча с очередной партией пополнения. Зал клуба опустел. Вместе с комиссаром Е. В. Бобровым мы сидим за столом и курим.

— Знаешь, комдив, — говорит Евгений Васильевич, — когда ты рассказывал пополнению, кто может стать героем, мне вспомнились первые бои под Москвой 71-й стрелковой бригады морской пехоты, где я был комиссаром. Как много видел я там беззаветного героизма… Но не хватало умения и опыта.

— Почему мы отходим? Есть причины неудач, не зависящие от нас, но многое можем сделать и мы. Вот посуди, комиссар, сам. На бойца, который сидит в одиночном окопе, не чувствует локтя товарища, не видит, а часто и не слышит команд своего отделенного и взводного, обрушивается мощный огонь артиллерии и авиации, а потом удар танков и пехоты. Его психика не выдерживает, и он отходит… Здесь нужен управляемый всеми силами и средствами коллективный отпор. Нужна траншейная система обороны. Глубокие траншеи создадут условия для борьбы с танками противника, для маневра и взаимодействия, уменьшат потери от огня артиллерии и авиации…

— Возьмем наступление. В ходе артподготовки враг сидит в глубоких траншеях и укрытиях. А когда артиллерия переносит огонь в глубину, противник выходит из укрытий, встречает наступающего плотным огнем и останавливает. Значит, надо, подавляя врага огнем всего стрелкового оружия, быстрей подойти к нему на бросок гранаты и атаковать. Но глубокие боевые порядки, начиная со взвода, перебежки и переползания, которые практикуются у нас в наступлении, замедляют его темп и не позволяют одновременно использовать оружие всего подразделения. Чтобы добиться успеха в бою и уменьшить потери, надо до роты включительно наступать «цепью», а командирам управлять боем, а не вести за собой бойцов. Я дал команду штабу готовить показные учения. Пригласим на них командиров частей, посмотрим, посоветуемся, а потом и решим окончательно… Ты не возражаешь?

— Нет, конечно…

…Я еду в 81-й полк. Снег уже стаял, но земля подмерзла. Всюду с большим напряжением идут занятия по боевой и политической подготовке. Командир полка майор Ф. Г. Кривомлин встречает меня у дороги. Невдалеке, заканчивая перерыв, стрелковый взвод усаживается в полевом «классе», отрытом в еще мерзлом грунте. В центре «класса» — станковый пулемет «максим». Предстоит изучение материальной части.

— В первой пульроте, — информирует командир полка, — хорошие пулеметчики!

— Из довоенных?

— Нет. Фронтовики и молодежь…

Под шутки и смех одному из бойцов завязывают полотенцем глаза. В таком виде он должен разобрать станковый пулемет. Начинается занятие. Наступает тишина. С завязанными глазами боец приступает к разборке. На лицах его товарищей, как на спортивном состязании, азарт и надежда. Такое испытание, да еще в присутствии комполка и комдива.

Несколько раз, как бы в раздумье, рука бойца, разбирающего пулемет, замедляет движение, но потом опять уверенно продолжает разборку. И вот — общий вздох облегчения — пулемет разобран! Счастливый и потный боец срывает с себя повязку, видит радостные лица товарищей, теплые улыбки командиров…

…На чистом поле, перед опушкой леса работает стрелковая рота. Вонзаясь в подмерзший грунт, мелькают малые лопаты. Рядом, навалом, в большой куче лежат кирки, ломы и большие

лопаты. Большинство красноармейцев в шинелях под пояс. Здесь же и младшие командиры. Собравшись повзводно в кучки, они о чем-то весело беседуют.

В мелко отрытых ячейках сидят и разговаривают два бойца.

— А ты, Иван Степанович, в боях был? — спрашивает своего упитанного, средних лет соседа молодой, худенький красноармеец.

— Был и выходил из окружения…

— На фронте, скажу тебе, тезка, траншей не роют. Оборудуют одиночные ячейки. А если подольше стоим в обороне — окопы на отделение. И правильно! Зачем силу зря терять. Не пустишь немца здесь, он прорвет оборону в другом месте, а потом или в плен сдавайся, или из окружения выходи…

На левом фланге с большим напряжением трудится третий взвод. Работы почти закончены. У стоящего в козлах оружия — аккуратно сложенные шинели. Командир взвода и младшие командиры показывают бойцам, как устранить недостатки в маскировке.

Ближе к опушке леса на поваленном дереве сидят и курят три молоденьких командира. Здесь белесый с нежным девичьим лицом и голубыми глазами старший лейтенант — командир роты и два лейтенанта — командиры взводов.

— Не понимаю я командира третьего взвода! — рассуждает ротный. — Ну чего все время торчать с людьми? Поставил задачу, проинструктировал младших командиров и занимайся своим делом…

У командира первого взвода из-под шапки выглядывают рыжие-рыжие волосы.

— Мы с командиром второго взвода так и поступили, — говорит он, затягиваясь дымом папиросы.

— А перед концом занятий, — продолжает командир второго взвода, — проверим, что сделано и, как говорит наш политрук, «отметим лучших, обратим внимание на отстающих». Важно, чтоб люди поняли, как придется работать на фронте…

Приложив руку к глазам, он смотрит на скачущих вдоль опушки леса двух всадников.

— Кажется, к нам комполка…

Командиры поднимаются. На полном галопе, резко остановив коня, легко соскакивает на землю майор Кривомлин и бросает повод ординарцу.

…По неровно отрытой траншее, на ряде участков укрывающей только до пояса, идут командир полка, ротный и взводные. Вот они уперлись в неотрытый участок и пошли поверху, потом опять спускаются в траншею. Майор Кривомлин

подходит к станковому пулемету. Повернул ствол направо — перед ним бугор, повернул налево — насыпанный бруствер. Ниши отрыты не всюду, учебные боеприпасы лежат на дне траншеи внаброс. На фоне местности резко выделяются участки незамаскированного бруствера. Люди ходят в рост, не маскируясь. Резко, указывая рукой на недостатки, в гневе говорит о них командир полка.

Они подходят к позиции третьего взвода и сразу скрываются в глубокой, ровно отрытой траншее. Здесь порядок. Боеприпасы в нишах. Майор Кривомлин проверяет обзор и обстрел у станкового и ручных пулеметов, чему-то весело смеется вместе с расчетами…

Рота построена в две шеренги. Перед строем командир полка.

— Личному составу третьего взвода объявляю благодарность!

— Служим Советскому Союзу! — громко разносится над полем.

— Первому и второму взводам учение повторить!

…Полдень. С опушки рощи несутся звуки лезгинки. В центре широкого круга гвардейцев, сняв шинель и шапку, лихо пляшет стройный лейтенант-грузин. Вместе с Бобровым, комиссаром 53-го артполка старшим политруком Г. Х. Шаповаловым стоим и мы среди зрителей…

— Приступить к занятиям! — раздается команда дежурного. Все усаживаются в полевом «классе». Начинается политзанятие.

— Скажите, товарищи, — задает вопрос Бобров, — какими вы представляете себе фашистов?

— Разрешите? — поднимает руку и представляется средних лет боец.

— На северо-западе, когда мы освободили село Маврино, — товарищ комиссар Бобров знают, — хозяйка избы, где мы остановились на ночь, рассказала:

— Зимой это было, под рождество. Днем заходят ко мне в хату три здоровенных гитлеровца в форме СС. У одного в руках лукошко с яйцами и салом. Еще с порога он кричит: — «Матка! Жарить сало, яйка», — и сует мне в руки лукошко. Сели они, не раздеваясь за стол, достали шнапс и хлеб.

— Матка! — кричит другой СС. — Стакан, тарелка.

Нарезали они горой хлеб, разлили шнапс, подала я им яичницу, сидят, едят и пьют и все время гогочут…

А тут, слышу, скрипит дверь. Оглянулась — в горницу входит Леночка, дочка моя, четыре годика ей… Посмотрела я на нее, и в глазах у меня слезы. В старом платьице, в моих продырявленных валенках, худенькая, бледная, в чем только душа держится. Услышала Леночка, наверное, запах жареного — голодная ведь —

и пришла. Увидела она хлеб и сразу к столу — ручонками тянется и просит — хлеба! — Фашист, что сунул мне в руки лукошко, со всей силы ударил ее складным ножом по ручке. Упала Леночка на пол, кричит, бьется в конвульсиях, а СС едят и гогочут. Закричала и я не своим голосом, схватила Леночку на руки и скорее из горницы…

— Раздробил фашист пальчики дочке, — плача продолжает хозяйка. — В больнице в ту же ночь фельдшер отрезал ей кисть ручки. А она, как пришла в себя, все спрашивает, а где моя ручка, мама?..

…Ротный район обороны с траншеями, ходами сообщения, землянками для отдыха, дзотами, выносными площадками для станковых пулеметов, огневыми позициями орудий прямой наводки, участками минирования, проволочными заграждениями. Передний край проходит по скатам небольших высот. Мы с командиром 73-го полка майором А. С. Беловым стоим на НП командира роты. Местность впереди просматривается на большом расстоянии. И в памяти возникли первые месяцы войны. Тогда, очень часто, приходилось видеть тактическую целесообразность вражеских позиций и приближенные к ним в невыгодных условиях рубежи нашей обороны. Нам были дороги каждое село, роща, каждый клочок родной земли. Хотелось прикрыть их собой, не дать врагу издеваться над нашими людьми. Но не всегда такое расположение наших подразделений было оправдано и часто приводило к неудачам в бою.

Начинается тактико-строевое занятие «Рота в обороне». По сигналу боевой тревоги гвардейцы выбегают из землянок и занимают свои места в готовности отразить «врага». Командир полка смотрит на часы и докладывает:

— Три минуты!

— Неплохо! Вот такую оборону не так-то просто прорвать и с танками и с авиацией. Это не одиночные ячейки и окопы…

— Да! — подтверждает Белов, — об этом уже и фронтовики говорят…

…Вместе с командиром 78-го полка подполковником К. В. Билютиным мы находимся у опушки рощи. По дороге из леса в походной колонне вытягивается подразделение.

— Восьмая стрелковая рота старшего лейтенанта Ленского — лучшая в полку, — представляет ее Билютин.

— Посмотрим…

Мы наблюдаем, как, не останавливаясь, рота расчленяется на взводы и отделения, развертывается в «цепь». Слышны залпы из

винтовок. Гвардейцы выдвигаются к проволочному заграждению. Под прикрытием огня двух станковых пулеметов рота свертывается во взводные колонны и устремляется в проходы. Мгновение — и они уже позади. Развернувшись в «цепь» и одновременно бросив боевые гранаты, бойцы с громким «Ура!» атакуют «врага».

— Хорошо! За 5 минут — 500 метров и уже в траншеях «врага». Это не наступление с перебежками и переползанием, где теряется время и гибнут люди.

— Это точно, — поддерживает командир полка.

…С занятий мы едем в моей машине вместе с Бобровым.

— Не жалеет пота наш народ! — говорит Евгений Васильевич. — Многое делают наши моряки и фронтовики. Они и рассказывают, и показывают, и пример подают…

— Правильно решили в Москве, — заметил я, — формировать дивизию на базе 2-й гвардейской бригады. Хоть и мало морячков от нее осталось, но зато все с гвардейскими традициями и боевым опытом.

Машина въезжает в село. Заходящее солнце освещает уже только крыши хат и верхушки деревьев.

— Разрешите остановиться — воды долить, — обращается водитель.

Мы подъезжаем к колодцу и выходим из машины. Еще не старая, плохо одетая, истощенная женщина набирает в два больших ведра воду. На земле лежит коромысло. Увидев нас, она вначале застеснялась, а потом, решившись, говорит:

— А что, товарищи командиры! Немец сюда не придет?

С надеждой во взгляде она ждет ответа.

— Надо думать, — несколько замявшись, говорит Бобров, — что фашистов сюда не пустят… Ведь с каждым днем растут наши силы, а под Москвой гитлеровцев разбили еще в начале зимы.

— Дай-то бог! — вздыхая, говорит женщина. Она берет ведра на коромысло и, с трудом поднимая их на плечо, медленно идет к себе.

…Воскресенье. Солнечный майский день. Тепло. В 78-й полк приехал недавно организованный самодеятельный ансамбль. «Артисты» готовятся к выступлению. Для них подготовлена грузовая машина с откинутыми бортами.

На выгоне, за селом, собрался весь полк. Много здесь и крестьян — женщин и девушек. Возле них, оказывая всяческие знаки внимания, вертятся молодые бойцы. Вместе с командованием полка мы сидим на табуретках, принесенных из

штаба. Начинаются выступления. Веселый смех зрителей. Искренние аплодисменты.

— Спасибо, Евгений Васильевич, что сагитировал приехать! Отлично отдохнули.

Мы возвращаемся в Сонково.

Кругом поля. Бойцы вместе с женщинами и подростками пашут на выбракованных лошадях и коровах. Проезжаем через села. На одной из хат средних лет боец ремонтирует крышу. Еще не старая хозяйка подает ему доски. Тут же стоят и детишки. Во дворе другой хаты усатый старшина колет дрова. На колхозном дворе группа бойцов вместе со стариками ремонтирует повозки, сбрую, инвентарь…

— Соскучились бойцы по земле, по домашней работе.

— Да и детишек жалко, — замечает Бобров, и мы опять замолкаем, думая, наверное, об одном и том же…

…Стемнело. Я сижу на квартире, готовлюсь к занятиям. Стук в дверь.

— Можно?

Входит уже пожилая хозяйка дома Мария Петровна Коврова.

— Не хотите ли с нами чаю попить? — приглашает она.

— С удовольствием! Я сейчас! — И, достав из шкафчика пачки сахара и чая, иду к хозяевам.

За большим, накрытым скатертью столом с кипящим самоваром, целое общество: хозяин дома Иван Иванович Ковров, уже седой, лет шестидесяти, с интеллигентной бородкой и в пенсне. Его дочь Ольга с детьми — Леночкой и Игорем. Эвакуированная семья — бабушка Наталья Ивановна Ченцова и ее маленькие внуки Таня и Толя.

— Добрый вечер! — Я передаю чай с сахаром хозяйке. — Ехал с фронта, товарищи снабдили на дорогу…

— Вы это напрасно! — говорит хозяин дома. — Нам хватает пайка. Мы почти все работаем. Я главврач больницы. Марья Петровна — терапевт. Ольга — педагог. Наталья Ивановна тоже получает паек на себя и детей.

— Я ведь обеспечен, а ребята, наверное, не откажутся, да и что говорить об этом пустяке.

Хозяйка дома заваривает свежий чай, высыпает сахар в сахарницу, а детям кладет в чашки по два куска. Меньшие ребята громко выражают свой восторг. Старшие тоже пьют чай с видимым удовольствием.

— А мы уже привыкли пить чай с солью, — говорит Мария Петровна.

— Не вижу в этом никакой беды, — опять вступает в разговор

хозяин дома, — соль даже менее вредна, чем сахар.

— А за что, дядя, — спрашивает старший Игорь, — дали вам орден Красного Знамени?

— За оборону Киева!

— Но ведь Киев сдали, — говорит Ковров, — за что же дают ордена?

— Бои под Киевом начались 1 августа 1941 года, а сдали его 17 сентября. За это время наше командование успело подтянуть к Москве резервы, а когда гитлеровцы, захватив Киев, двинулись к столице, они были вначале остановлены, а потом разбиты. Вот за это и награждают орденами и медалями…

Но хозяин дома не сдается.

— Наверное, я чего-то не понимаю. Вот если бы вы наступали на Берлин, тогда все было бы понятно…

— Ты неправ, папа, — говорит его дочь Ольга. — Ведь в любой обстановке — на нашей земле, или на земле врага — люди совершают подвиги, отдают свои жизни, защищая Родину. Разве они не заслуживают за это признательности народа?

— Я историк, — обращается ко мне Ольга, — веду старшие классы. Как не вспомнить войну 1812 года! Сколько героических подвигов было совершено в то далекое время! О них и сейчас помнит народ и в песнях поет о героях. Я верю, что и в этой войне фашисты будут разбиты и наша армия вновь возьмет ключи от Берлина.

— Верно, Оленька, — говорит ее мать, — и я так думаю.

В разговор вступает эвакуированная бабушка Наталья Ивановна.

— Верой только и живем! Но как тяжело сейчас! Ведь на моих глазах погибла мать этих детей, моя родная дочь Нина. А сколько еще погибло вместе с ней! После налета вражеских самолетов шоссе за Минском было усеяно телами погибших женщин, детей, стариков… Вы знаете, ночами я долго не могу уснуть. Как только тухнет свет, перед моими глазами вновь и вновь встает этот страшный час…

Она вытирает платочком глаза и встает.

— Извините, детям пора спать! — Она забирает детей и уходит.

Я тоже встаю.

— Спасибо! — благодарю хозяйку дома. — Давно уже не был я в домашней обстановке и сейчас как будто побывал дома. У меня еще сегодня работа, а вставать рано…

«Тревога!» — раздается поздно ночью во всех частях и подразделениях дивизии. Пришло время подвести итоги. В

первой декаде июля начались смотровые дивизионные учения.

Вместе с командующим 2-й резервной армией генерал-майором Р. И. Паниным и членом Военного совета полковым комиссаром А. Н. Киселевым мы стоим на исходном пункте, проверяя по времени выход частей дивизии в районы сосредоточения. В предрассветном тумане нескончаемыми колоннами проходят трехтысячные гвардейские стрелковые полки.

— Какая махина! — говорит командующий, — один ваш полк это почти фронтовая дивизия.

А в мыслях моих: как покажут себя гвардейцы? Вспомнились дни формирования. Как легко работалось! Возможность творчески использовать фронтовой опыт придавала силы.

Нам предстояли не только экзамены. Это была генеральная репетиция перед боями. В ходе учений мы должны были определить, на что способны в бою командиры и штабы, части и подразделения, каждый боец в отдельности? Как «сработает» штаб дивизии по планированию, управлению, контролю? Все ли мы сделали для того, чтобы первый настоящий бой дивизии был удачным? От его успеха будет зависеть вера гвардейцев в свои силы, доверие к своим командирам, создаваемые традиции, на которых будет строиться воспитание личного состава.

Искусство ведения боя. Как много в нем зависит от таланта командира, его воли, умения верно оценить сложившуюся обстановку! Но успех будет достигнут лишь тогда, когда войска хорошо обучены и спаяны не только волей командира, но и единым пониманием поставленных перед ними целей.

В памяти моей до сих пор остались дни и ночи учений. Марш и встречный бой. Оборона и наступление. Меры боевого и материального обеспечения. В ходе их тринадцать тысяч воинов дивизии продемонстрировали свою волю к победе, организованность и выучку. 10 июня состоялся разбор. Напряженная учеба принесла хорошие плоды.

…В три часа ночи прямо в поле мне доставили шифровку:

> «25-ю гвардейскую дивизию четырнадцатью эшелонами немедленно отправить на Воронежский фронт. Срок погрузки 14 часов».

К этому времени гитлеровцы, прорвав на 300-километровом фронте нашу оборону восточнее Курска, продвинулись вперед на 170 километров. Враг вышел на Дон, захватил западную часть Воронежа и плацдарм на левом берегу Дона в районе севернее г. Коротояка. На этом рубеже противник был остановлен.

Пришло время расставаться с гостеприимным Сонково.

Поздний вечер. У безлюдного перрона станции, тускло освещаемого двумя фонарями с керосиновыми лампами, готовый к отправлению эшелон со штабом дивизии и штабными подразделениями. Я не заметил, как на перроне у фонаря появилась женщина с девочкой на руках. Возле них стоит средних лет красноармеец. Потом он целует их и садится в вагон. Люди смотрят. Поезд медленно трогается. Как будто с родной семьей, прощается с женщиной и ее ребенком весь эшелон. Ей машут руками, кричат «До свидания!», «Мы вернемся с победой!» Из проходящих вагонов летят на перрон полевые цветы…

Прощально машут руками дочь и мать…

ГЛАВА ШЕСТАЯ
НА ПЛАЦДАРМЕ

Воронежский фронт. 6 августа 1942 года. Рассвет. Пустынны улицы станицы 1-е Сторожевое. В садах не шелохнется лист. Дремлет Дон, чуть прикрытый дымкой тумана. Ближе к берегу просматриваются замаскированные вражеские траншеи и дзоты. На нашей стороне, в зарослях камыша, у плотов и лодок, в готовности к форсированию реки, первый эшелон 78-го полка. Невдалеке — во втором эшелоне — третий батальон.

В траншее у кустарника стоит группа гвардейцев 1-го взвода 8-й стрелковой роты.

— До чего же здесь места красивые, не оторвешься, — говорит самый молодой боец взвода Петя Шкодин. — Останусь жив, после победы приеду в здешний колхоз и скажу председателю: «Отсюда я в августе 1942 года Гитлера гнал и с той поры не могу ваши края забыть. Принимай, председатель, гвардии красноармейца Шкодина Петра Тихоновича на постоянное место жительства». Председатель посмотрит на меня: парень хоть куда — молодой, красивый, вся грудь в медалях, — и скажет: «Со всем нашим удовольствием, Петр Тихонович!»

— Не о том ты, Петро, думаешь сейчас, — подходя ближе и глядя па часы, говорит помкомвзвода Болтушкин. — Главное, если окажешься в воде, не бросай оружие. На ту сторону и вплавь доберешься, а без оружия что будешь делать? Голыми руками фашиста не возьмешь…

Начинается артподготовка. На плотах, лодках, дубках, бочках, ведя на плаву огонь по противнику, гвардейцы устремились к правому берегу Дона. На корме одной из лодок — командир 2-го батальона старший лейтенант Г. Л. Релин. С ним радист с радиостанцией и два бойца на парных веслах. С визгом летят пули, река кипит от разрывов снарядов и мин. Видны перевернутые лодки и плоты, оглушенная рыба. Не бросая оружия, воины плывут к берегу.

Как на крыльях, обгоняя всех, несется лодка комбата, вот она уже на середине реки. Поднявшись во весь свой громадный рост, что-то кричит Релин, показывая автоматом на правый берег. Кажется, что там, под кручей, в дыму и пыли возникают контуры концлагеря. За колючей проволокой силуэты людей — мужчин, женщин, детей.

— Смотрите! — кричит Болтушкин. — Это же комбат-два Релин! Вот герой. Весь батальон прямо рвется за ним. Не дай бог,

убьют…

Видно, как Релин сходу выскакивает на землю. Оглядывается. К берегу несутся плоты и лодки. Прямо в воду прыгают с них бойцы и устремляются вперед…

…Первый день на Сторожевском плацдарме тихо. Только изредка слышен разрыв мины или снаряда, треск пулеметной очереди. Полдень, очень жарко. Вместе с адъютантом И. Г. Козырем и радистом мы едем в открытой машине, направляясь в 81-й полк. В памяти возник рассвет 6 августа. С началом форсирования наш правый сосед — 53-й УР[1] — был отброшен на исходное положение. Мои худшие опасения подтвердились.

Укрепленные районы предназначались для обороны. Это были соединения типа бригад, основу которых составляли артиллерийско-пулеметные батальоны. Форсировать Дон в зоне такого мощного опорного пункта, как Сторожевое, 53-у УРу оказалось не по силам. И сразу создалась критическая обстановка… Теперь все это уже позади…

Проезжаем мимо похоронной команды, собирающей вражеские трупы к общей могиле. Люди работают в противогазах. На полевой дороге то и дело попадаются воронки от бомб, снарядов и мин. Кругом неубранные, вытоптанные поля, покореженные, обгоревшие деревья. В голове пронеслось сравнение со стихийным бедствием и сразу исчезло. Чтобы взорвать и сжечь этот цветущий уголок России, убить и искалечить столько людей, фашисты использовали многое из того, над чем трудился созидательный ум ряда поколений во всем мире…

— Завоеватели! — говорит Иван Григорьевич, — даже по три метра земли не получили…

— Они сражались за «новый порядок», в котором собирались стать господами… А за это надо платить…

Из-за горизонта на небольшой высоте появляется звено «юнкерсов». Над ними высоко в небе барражирует пара «мессеров».

— Что-то важное разведали, идут бомбить с прикрытием… Уж не командный ли пункт нашей армии?

Мы подвернули под дерево и стали наблюдать за самолетами. Они развертываются над лесом западнее села Титчихи. Там возникают столбы дыма, доносится гул разрывов бомб.

— Поехали! Бомбят командный пункт дивизии.

Мы едем на большой скорости.

Только вчера, по распоряжению штаба армии, маскировка

нашего командного пункта проверялась с воздуха. Замечаний не было. Может, диверсанты просочились и навели, но кто скажет об этом?.. А рассчитываться надо нам…

На КП нас встречает начальник штаба И. А. Данилович.

— Двое убитых и пять раненых. Надо немедленно уходить. Налет могут повторить.

Штабы для обеих сторон являлись важной целью. Чтобы нарушить управление войсками, на уничтожение командных и наблюдательных пунктов нацеливались диверсионные группы, авиация и артиллерия. Сейчас, когда захват плацдарма уже завершился, во вражеской попытке покончить с нашим командным пунктом усматривалось еще и что-то личное. Так, поверженный в рукопашной схватке враг, очнувшись, хватается за оружие, чтобы сделать последний выстрел…

…Кто из ветеранов Великой Отечественной войны не помнит приказа народного комиссара обороны № 227? Он прозвучал как набат. Было такое чувство, будто словами приказа «Ни шагу назад» с нами говорит сама Родина.

9 сентября. Полдень. На Сторожевском плацдарме не стихают бои. Кажется, что, несмотря на многократное превосходство в силах и средствах, гитлеровцы стремятся передушить нас вручную.

Я веду наблюдение за ходом боя на высоте 187,7. Грозной крепостью нависает она над всем плацдармом. Рядом стоит дивизионный разведчик майор И. И. Попов. Неожиданно он резко поворачивается ко мне:

— Товарищ полковник! Фашисты наступают из Сторожевого к лесу…

Смотрю в бинокль. Справа не менее двух полков гитлеровцев и хортистов, развернувшись в цепи, наносят удар под основание плацдарма. Их поддерживает артиллерия. Впереди, ведя огонь с ходу, движется около тридцати танков. Отстреливаясь, медленно отходят небольшие подразделения наших бойцов. С ними один танк КВ. Маневрируя и ведя огонь с ходу и коротких остановок, пытается он сделать невозможное. С опушки леса ведут беглый огонь несколько наших полковых и батальонных орудий.

— Гитлеровцев надо задержать!

— Уже дал команду открыть подвижный заградительный огонь всей группой! — докладывает только назначенный командующим артиллерией дивизии полковник Ф. И. Соловьев.

— Начальник штаба! Дайте сигнал — учебный батальон, противотанковый дивизион и пульроту пулеметного батальона на рубеж № 3. Роту танков на опушку леса!

— Понял! — отвечает Данилович.

В воздух летит зеленая ракета.

— Товарищ Соловьев! Прикройте выход резерва на рубеж № 3.

— Есть!

— Все трудности, комиссар, у нас еще впереди, а приходится вводить дивизионный резерв. Нам не из чего выбирать. Если не остановим врага перед лесом, существование плацдарма окажется под угрозой.

— Это верно… — кивает Бобров и смотрит в стереотрубу. В бинокль становится видно, как возникает стена разрывов снарядов перед наступающими танками врага. На отсечную позицию у опушки леса выходит резерв. Развернувшись с ходу в цепь, курсанты занимают траншеи. Слаженно, как на учениях, занимают позиции орудия противотанкового дивизиона. Машины сразу уходят в лес. С пулеметами на катках бежит пулеметная рота.

И вот уже по вражеским машинам открыли огонь восемь орудий дивизиона. Несколько танков загорелось и подбито, во остальные идут вперед. Уже ясно различаются за ними развернутые роты гитлеровцев. С флангов открывают по ним огонь шесть станковых пулеметов. Цепи ломаются и залегают. Потом опять поднимаются и идут за танками. От огня снайперов падают вражеские офицеры. С предельным напряжением ведут огонь артиллеристы противотанкового дивизиона. Один за другим останавливаются танки фашистов, их обгоняет пехота. Курсанты ведут по ней залповый огонь. Раздается одновременный взрыв гранат. Гитлеровцы залегают.

Сквозь деревья просматриваются несущиеся к опушке леса четыре танка КВ. Они с ходу занимают подготовленные позиции. Стволы пушек направляются на цели.

Над полем боя появляется наша авиация. С ревом атакуют врагов штурмовики. И вот уже пятятся, ищут укрытий танки с белыми крестами на бортах. Вражеская пехота отходит за них и начинает откатываться к Сторожевому.

Из груди вырвался вздох облегчения.

— Майор Сергеев! Доложите вашему комдиву: 25-я гвардейская дивизия благодарит 291-ю штурмовую авиадивизию и ее командира полковника Витрука за отличную боевую работу!

— Есть! — с подъемом отвечает майор и бежит к рации.

Еще много дней шли тяжелые бои за плацдарм. В условиях быстро меняющейся обстановки, превосходства врага в силах и средствах, неустойчивость позиций в батальоне или даже роте на главном направлении могла повлечь за собой катастрофические

последствия. Этим подразделениям мы уделяли особое внимание. Именно здесь в ходе боя работали наши политотдельцы. Они поддерживали стойкость гвардейцев, вконец измотанных за время не прекращавшихся ни днем, ни ночью боев.

16 сентября, когда все резервы были исчерпаны, наступил финал. Враг захватил село Урыв, рощу Ореховую, высоту 187,7. Ключи от плацдарма оказались в его руках. Оборону заняли штабные подразделения и командиры штабов. И вновь начался огневой налет. С танками впереди показались идущие в рост вражеские цепи. С каждым мгновением они все ближе. Уже отчетливо видны лица орущих гитлеровцев…

Как шквал мощного урагана по плацдарму пронеслось — «Ни шагу назад!!!»

Вспышки выстрелов, разрывы снарядов и мин, мощный грохот гранат, на отдельных участках рукопашные схватки. В рядах врага замешательство. В этот момент над соседним селом Архангельским появилась наша авиация. Оттуда доносится шум тяжелого боя.

— Командарм Харитонов, — докладывает подошедший начальник штаба, — чтобы уменьшить нажим на плацдарм, нанес удар по Архангельскому…

Мы смотрим на поле боя.

— Кажется, гитлеровцы тормозят, — говорит Данилович.

Видно, как отдельные танки вместе с пехотой начинают оттягиваться в тыл.

— Похоже, что так. Видно, нервы у них не выдержали…

Как по команде, достаем папиросы. Какое-то время молчим и жадно курим.

— Наверное, мы научились мерять нашу землю шагами, — говорит комиссар. — Потерять решающие пункты и все-таки выстоять — это и есть «Ни шагу назад».

Уже много лет прошло после войны, но чувства не остыли.

И в памяти моей завершающий этап этого боя звучит как победный гимн моральной силе наших воинов. Казалось, что воля выстоять перенесла людей за грани возможного.. Их можно было убить, но не победить.

…Не все, наверное, знают, как много усилий требуется от войск и штабов, чтобы разгадать намерения врага, определить, что, где и когда можно от него ожидать.

Изучение противника всеми средствами ведется постоянно. Особенно целеустремленно — перед началом операции. В ходе подготовки наступления общевойсковые командиры,

артиллеристы, танкисты, инженеры уточняют силы и характер вражеской обороны, ее истинный передний край, огневую, противотанковую и противовоздушную системы, расположение резервов. При этом авиация — фотографированием и наблюдением — освещает на большую глубину оборону противника и ведущие к ней дороги. Все эти данные собираются в штабе, по ним готовятся анализ и предложения, которые докладываются командиру и в старший штаб и учитываются ври выработке решения.

Помню, как в ходе подготовки наступления со Сторожевского плацдарма в дивизию приехал начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский. Глядя на мою разведывательную карту, он заметил:

— По характеру огневой и противотанковой систем, расположению резервов и заграждений можно с известной степенью вероятности сделать вывод об истинном начертании переднего края, о плане обороны противника в целом…

В разведке нет мелочей. Запись в дневнике или подобранное на поле боя письмо могут рассказать о настроениях вражеских солдат и офицеров, а сопоставленные с другими данными — ответить на многие интересующие нас вопросы.

…18 сентября. В первый день, когда несколько затихли бои на Сторожевском плацдарме, адъютант И. Г. Козырь принес мне перевод дневника, найденного в районе северо-западнее Селявное у убитого ефрейтора 3-го батальона 1-й венгерской мотобригады Иштвана Балога. Это был интересный документ, показывающий постепенное прозрение хортистских солдат. Дневник дошел до Москвы, и Емельян Ярославский опубликовал из него ряд выдержек со своими комментариями. Они появились в газете «Правда» от 29 сентября 1942 г. Привожу некоторые выдержки из дневника, характерные для понимания настроений венгерских солдат в то время.

Дневник начинался молитвой перед дорогой:

> «Именем бога, мы отправляемся на бурлящую кровью русскую землю. Просим его вернуть нас в силах и здравии и привести к окончательной победе. Мать-хранительница Венгрии, проси за нас и защити от всех врагов и бед! Аминь! Святой король Стефан! Распростри свою чудотворную правую руку над нами и проси за свой народ-сироту. Аминь!»

И вот ефрейтор Иштван Балог в пути. Перед ним проносятся цветущие края его родины. Но чем дальше, тем суровее и печальнее становится его путь. Поезд идет мимо полей сражений

с разбитой немецкой техникой и кладбищами их солдат. Здесь впервые Иштван Балог записывает:

> «Везде видны остовы разбитых немецких машин, не покидает ли немцев военное счастье?»

В то время в хортистской армии дисциплина поддерживалась свирепыми мерами. За малейший проступок солдат избивали, часто подвешивали за руки на несколько часов. После выгрузки из эшелона за допущенную провинность ефрейтору угрожает подвешивание за руки. Это вызывает в нем новые мысли, и он записывает:

> «К сожалению, мы еще живем, как в XIV веке».

Через короткое время Иштван Балог уже в боях на Дону, в районе «Петли смерти», как называли венгры Донскую петлю у 1-го Сторожевого и Урыва. Как чувствует себя, о чем думает, к какому заключению приходит ефрейтор в тех условиях? На эти вопросы я искал ответа в его дневнике:

> «9 августа. Все время артиллерийский обстрел, с 3-х до 6-ти часов над нами постоянно проносились снаряды. Дома готовятся к праздникам, а мы здесь ежеминутно ожидаем смерти».

Ужас вызывают у него наши «катюши»:

> «Сердце остановилось. Моментально загорелась деревня. Все бежали куда могли. Огонь утих. Кругом бушует море дыма. Имеются раненые. 15—20 самолетов бомбят нас. Дома не могут себе представить, какой бой нервов нам надо с собой провести, чтобы продержаться в таком аду».

На следующий день появляется новая запись:

> «Идем на наше старое место. Русские опять прорвали фронт. Прибыли к Урыву. Очень сильный бой. Мы отошли. После этого в пехотном полку разразилась настоящая паника».

С каждым днем настроение ефрейтора падает:

> «16 августа. Грустное воскресенье. Много венгерских товарищей поливают своей кровью русскую землю.

Убитые покрывают ее. Не успеваем отвозить раненых. И вчера и сегодня в нас била наша же артиллерия».

Но вот от сетований на создавшееся положение и обращений за помощью к богу Иштван Балог переходит к критике окружающего. Ему стали видны недостатки своих начальников в руководстве боем. В нем появляется недоверие к своему командованию:

«17 августа. Русские самолеты бомбят нас. Венгерские самолеты кружились в высоте, не смогли нас найти, чтобы оказать помощь, или боялись. Самолеты нам не помогают. Утром наша артиллерия била в нас. Помоги бог, чтоб скорее окончился этот бой!»

И далее:

«Опять наступаем. Нас все бомбят. Оба раза пришлось отступить. Много убитых и раненых. Теперь только бог может нам помочь! Ему мы доверяем».

«19 августа. Не дождемся улучшения положения. Хорошо бьют русские снайперы. Стоит только показаться, как они тебя продырявят. Обычно смертельно…»

На личном опыте ефрейтор убеждается в храбрости и стойкости советских войск:

«Ужасно отчаянный народ. Воюют до последней минуты, не хотят сдаваться. Святая богоматерь, помоги нам, чтобы никакой беды не случилось…»

На следующий день он записывает:

«О бог, что значит человеческая жизнь?.. Они опять наступают. Подсчитали потери роты: 20 убитых, 94 раненых, трое пропали без вести. Помоги, бог, чтоб скорей окончилась война победой немцев…»

Моральное состояние Иштвана Балога становится все хуже:

«Настроение подавленное. Все друзья ранены. Дай нам бог дальнейшей силы».

Через несколько дней в его дневнике новая запись:

«Перед нами русские уничтожили немецкую дивизию…»

И далее:

«Нам запретили писать домой, лишили нас единственной радости. Будет ли у нас еще домашнее, доброе воскресенье? Будет ли звучать еще песня под окном! Куда нас забросила жизнь? Помнят ли о нас дома? Они не знают, в какой борьбе мы участвуем. Дрожит земля. Кровь покрывает землю. Хрип смерти заполняет минуты затишья, а потом снова начинается ад, дым, огонь и взрывы. Смерть жнет. Даже из облаков она сыплется со страшным ревом…»

Наконец последняя страница незаконченного дневника:

«15 сентября. У русских замечательные снайперы. Не дай бог оказаться их целью. Здесь находятся лучшие части русских — сибирские стрелки…»

Закончив читать, я невольно сравнил боевой дух наших гвардейцев с моральным состоянием ефрейтора. Солдаты с такими настроениями долго воевать не будут.

…Со стабилизацией обороны на Сторожевском плацдарме дела у разведчиков пошли неважно. Часто разведгруппы возвращались ни с чем. Причин неудач приводилось много: то наткнулись на минные поля большой глубины, прикрытые проволочными заграждениями с колокольчиками, то разведчиков выдал лай собак, то трава у переднего края была насыщена фосфором, от которого потом светилась одежда, и т. д. Все это были не выдуманные причины, но внезапное их возникновение говорило о недостатках в подборе разведчиков, о плохой подготовке поиска. Начальник разведки дивизии майор И. И. Попов подтвердил, что задачи на проведение поиска он получает внезапно, не имея времени на подготовку. Посоветовавшись, мы провели для разведчиков ряд показных занятий. Несколько раз собирали их для анализа проведенных поисков:

— Что же ты под самым носом у гитлеровцев раскашлялся, — говорит одному из разведчиков командир взвода старший сержант Александр Пригорин. — А ты защелкал затвором, — пеняет Пригорин другому. — Вот немцы и открыли по нас огонь…

В самый критический момент, когда надо было поддержать

группу огнем, ручной пулемет, из-за попадания снега в затворную раму, отказал. Пришлось уходить, не выполнив задачу. Пулеметчик, уже немолодой таджик, участник боев под Москвой и Старой Руссой, не оправдывается. Он только просит, чтоб его не отчисляли из взвода, и бурно клянется, что больше такого не допустит…

Уже значительно позже Пригорин рассказал мне, что сразу после разбора пулеметчик отправился к танкистам. Поведав о своей беде, он выпросил у них немного хорошего бензина и веретенного масла. Всю зиму носил он в грудном кармане гимнастерки два маленьких плоских пузырька с бензином и маслом.

По предложению майора Попова каждый взвод разведчиков разбили на две группы. Они устанавливали за намеченным объектом наблюдение, продолжавшееся в течение трех-четырех суток, и только после этого люди шли на поиск. Через три дня с начала организации разведки по-новому появились пленные.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ЗАТИШЬЕ

…Чем заняты люди на передовой, когда нет активных боевых действий? Работают, несут боевую службу, вспоминают прошлое, говорят о будущем. Чаще всего это высказанные вслух думы о былой мирной жизни, заботы о доме, родных и близких. Вспоминают и героические эпизоды из прошлых боев, обстоятельства гибели товарищей и командиров. Говорят и о более простых вещах — погоде, харчах, куреве, прохудившейся обуви и обмундировании. Иногда, за обедом, ужином, или во время отдыха рассказывают забавные истории и поют песни. Этот раздел моих записей помечен заголовком «Рассказывают гвардейцы».

Вторая половина ноября. Ночь. Холодно и темно. Снег. Изредка с переднего края противника поднимается ввысь осветительная ракета, высвечивая контуры нашей обороны, дежурных у орудий, наблюдателей…

Уже четвертый месяц удерживают гвардейцы 25-й дивизии Сторожевский плацдарм. На нем появились приметы фронтового уюта — землянки для отдыха и обогрева, чай, горячая пища по расписанию, баня. Даже стрелковые ячейки стали чем-то похожи на старую мебель давно ушедшего домашнего быта. В землянке первого взвода тепло. При свете «гильзы» люди ужинают.

— Я вот все думаю, — раздается голос Павлова, — далеко все-таки зашел немец!

Разговор поддерживает помкомвзвода Болтушкин.

— Так ведь на войне за все, что не успеешь да не сумеешь, платить приходится. Я вот с белофиннами воевал. А там ни дорог, ни троп. Кругом лес, глубокий снег, мины, а на деревьях «кукушки». Откуда бьют, не видно, а люди падают. Потом с фланга налетят лыжники — обстреляли и ушли. Пока разобрались что к чему, многих людей потеряли. Зато после через какие «доты» прошли!

— Ничего, придет черед и фашиста…

И опять в землянке тихо.

— Расскажи що-нэбудь, Сашко, из своей молодой жизни! — обращается сержант Вернигоренко к бойцу Торопову. — Не всэ ж про войну говорыты.

— Да уже все рассказал, — смеется Саша, — жизни-то той сколько? — Немного помолчав, он начинает рассказ: — Из запасного полка на плацдарм мы шли маршем. Днем идем,

ночуем в селах. Принимают хорошо — на фронт ведь идем! Но чем ближе к передовой, тем скучней. В селах ногой ступить негде. Никогда не думал, что в тылах людей столько. И авиация стала беспокоить… Подходим мы как-то к вечеру к большому селу. Притомились — переход был большой. Командир нашей роты капитан из запасников сейчас же команду подает: «Подтянуться!» И еще ножку дать требует. Он нашим ротным и в запасном полку был. На занятиях, бывало, только и слышишь: «Боец Павлов! Вы плохо ведете наблюдение».

Остановил капитан роту на улице под посадкой, а сам пошел к коменданту договориться о ночевке. Бойцы, конечно, разминаются, закуривают, некоторые прилегли под деревьями, ноги вытянули. А мы с Павловым переговариваемся, вокруг смотрим. Против нас у раскрытого окна хаты сидит старый-престарый дед. Длинная белая борода, давно не стриженная голова — видны только глаза и нос. Он курит трубку и с интересом поглядывает на нас.

Смотрю, с кошелкой в руке прямо к нам идет красивая молодка. Я встал, заправился и говорю Павлову:

— Учись, братец, как надо с молодыми дамами знакомиться…

— Можно вас, гражданочка, по одному вопросу спросить? — говорю я, приложив руку к головному убору.

— А чего ж нельзя! Можно, — отвечает молодка и во все глаза смотрит на меня.

— Вы не подскажете, где можно нашей роте переночевать? Отдохнуть с дороги в приятном обществе…

— Ну, всей роте приятного общества не найти, — смеется молодка, — а переночевать можно у нас на Выселках.

— Где же они, эти Выселки?

— С километр за селом. Идти по этой улице, а там увидите. У нас пока никто не стоит. Всего пять хат.

От такого оборота дела я страшно обрадовался. Щелкнул каблуками и говорю:

— Разрешите представиться! Красной Армии боец Торопов Александр Федорович!

— Будем знакомы! — протягивает руку молодка, — Катерина Ивановна!

— Ну, спасибо вам! Сейчас доложим капитану. А ваша хата где?

— В конце Выселок. Крайняя справа…

— Может, еще увидимся?

— А почему не увидеться? Размещаться у меня негде. Хата маленькая, а живут мои старики да эвакуированные. А чаем

напою. Приходите…

— Живем, ребята! — говорю я, подойдя ближе к взводу…

…Разместились мы в четырех хатах. Люди моются, чистятся. Хозяева готовят самовары.

— Получил приглашение прийти вечерком на чай, — рассказываю я Павлову.

— Когда это ты успел?

— Еще в селе… С первого взгляда…

— Кто ж это там одарил тебя первым взглядом? — смеется Павлов. — Уж не дед ли с той хаты, где мы сидели, ожидая командира.

— Боец Павлов! — говорю я голосом нашего капитана, — вы плохо ведете наблюдение! Вы не заметили симпатичной молодки, что направила нас сюда, на Выселки…

— Не горюй, Саша! Всей ротой заметили и оценили твои таланты. Ведь как хорошо разместились на ночевку, да еще с чаем. Смотри! — во всех хатах дымят самовары…

— Чай это еще не все, важно, с кем ты его пьешь, тогда и настроение будет соответствующим…

Подошел я к старшине роты сержанту Сухину и, получив разрешение, отправился через дорогу в хату, где живет молодка.

Захожу. Чистая горница освещена керосиновой лампой. За столом сидят дедушка и бабушка молодки. И еще одна пара стариков — по одежде видать, эвакуированные. Все очень пожилые. Здесь же и Катерина Ивановна. На столе, накрытом белой скатертью, весело шумит самовар. В плетеной хлебнице нарезанный крупными ломтями хлеб. В небольшой миске мед. Кувшин с молоком. Общество пьет чай.

— Добрый вечер! — сказал я, поклонившись всем, и снял шапку.

— Добрый вечер! — отвечают хором.

— Раздевайтесь! — приглашает Катерина Ивановна. — Садитесь вот сюда, — показывает она на свое место.

— Вот хорошо, что пришли. А то у всех постой, а у нас никого. Хоть напоим вас чаем с медом, да новости послушаем…

— Спасибо!

— Бабушка! Налейте гостю чай, — просит Катерина Ивановна и выходит из горницы…

— Не беспокойтесь, бабушка, — говорю я, — успеем еще…

Мне наливают чай, накладывают мед, подвигают хлеб.

— На фронт, сынок? — спрашивает один из стариков.

— На фронт! Воевал под Москвой, там меня ранило. Выздоровел, а теперь опять на фронт.

— А немцы, они небось страшные? — спрашивает бабушка

помоложе.

— Техники у них много, бабушка, — отвечаю я. — Танков, орудий, самолетов — вот они и прут.

— А мы с бабкой эвакуированные, — говорит второй старик. — Из-под Бобруйска. Может слышали про такой город?

— Как же, знаю.

— Что делают изверги с нашим народом! Я вот еще под началом генерала Куропаткина с японцем воевал. Но такого не было…

— Одно слово — антихристы, прости господи, — говорит бабка постарше и мелко крестится.

— Бают люди, будто у них и рога на голове?

— Нет, бабушка, — засмеялся я, — это у них на касках выступы такие сделаны. Рогов у них нет. Но фашисты хуже всякой скотины и даже зверя!

— Думаете вы, солдаты, все-таки одолеть немца или как? — опять спрашивает первый старик.

— Обязательно одолеем, дедушка! Такого еще не было, чтобы немец над русскими верх брал. Поднатужимся и одолеем…

— Далеко зашел немец, — говорит другой старик. — Это ж сколько его обратно гнать придется!

— А что, сынок, — наливая мне очередную чашку, спрашивает бабка помоложе, — и девушки с вами воюют?

— Воюют. Врачи, сестры, санитарки, связистки. Есть и снайперы и разведчики. Хорошо воюют!

— И как они, бедные, среди вашего брата все время толкутся! — говорит бабка постарше, — я б, наверное, не выдержала.

— Молодые, выдерживают. Надо ведь, — отвечаю. — А где это Катерина Ивановна?

— Да с мужиком своим. По ранению попал в госпиталь, что в нашем селе. Узнала она и выпросила долечиваться к себе. Вот и возится с ним, как с дитем. Из постели не выпускает.

— Спасибо за угощение, — говорю я им и встаю. — Очень приятно с вами время провел.

— Да посидите еще, успеете, — просят старики.

— Спасибо. Не могу. На один час отпросился. — Попрощавшись со всеми за руку, я вышел.

А у ворот меня встретил Павлов.

— Что, Саша, так быстро?

— Да старики там одни, — засмеялся я, — а молодка со своим мужиком в горнице сидит. Однако чаю с медом попил…

— Хороший ты хлопец, Сашко, — улыбаясь заключает Вернигоренко, — и откровенный, и самокритичный.

О приезде Р. Я. Малиновского на Сторожевский плацдарм я уже писал в книге «На разных фронтах». В ней освещены главным образом вопросы боевой готовности, которых мы тогда в ходе работы касались. Просматривая свои записи сейчас, я подумал о том, что у современного читателя вызовет, наверное, интерес и личность Родиона Яковлевича. Ведь для командира любого ранга умение найти путь к сердцу солдата не менее значимо, чем его воинский талант. С этими, мыслями я и решил вернуться к встрече с Малиновским в ноябре 1942 года.

…Вместе с Родионом Яковлевичем продолжаем наш путь по ходу сообщения. Тихо. Впереди встретивший нас командир 8-й роты 78-го полка старший лейтенант И. И. Ленский. У стыка с траншеей переднего края он останавливается и снимает фанерную указку, на которой чернильным карандашом написано — «Осторожно! Вражеский снайпер!»

— Что случилось? — спрашивает Малиновский. — Снайпер в отпуск уехал?

— Так точно, — отвечает Ленский, — в бессрочный! Вчера Голосов и Серовикова постарались, а то прямо прохода не стало. Чуть зазеваешься и готов, или убит, или ранен…

— Вы в курсе дела, как это им удалось? — заинтересовался Малиновский.

— Да! Голосов рассказывал… Все очень просто. Видите бугорок, — показывает он рукой на небольшую высотку перед вражеской траншеей, — за ним и устроился снайпер. У него там две позиции. С фронта их не увидишь. Сделает с одной позиции выстрел и сразу на другую. Голосов и Серовикова следили за ним несколько суток. Вчера они еще затемно устроились против позиций снайпера и стали ждать. Он появился на рассвете. Серовикова выстрелила, но, видимо, не попала. Снайпер скрылся и вскоре показался на второй позиции. Там его Голосов и прикончил. Буквально через 15 минут, в отместку, гитлеровцы открыли по нашему району сильный минометный и пулеметный огонь. «Чего это немец разозлился?» — недоумевали гвардейцы. А когда узнали, в чем дело, сразу определили: «Салют устраивают по своему снайперу. Что ж, мы не против — пересидим».

Мы заходим в хорошо замаскированный дзот. В нем станковый пулемет «максим» со стрелковой карточкой на щитке. Ведет наблюдение молодой командир. Три пожилых гвардейца поднимаются и четко принимают строевую стойку.

— Первый расчет первой пулеметной роты. Командир расчета сержант Малиновский!

— Смотри! Не родственник ли мне? — с удивлением

спрашивает Родион Яковлевич. — Откуда родом?

— Из Новосибирска!

— Нет. Значит однофамилец… Ну покажи мне, тезка, ориентиры и какое до них расстояние? Проверю бой пулемета…

— Ориентир-1 — куст — 300 метров.

— Ориентир-2 — валун — 500 метров.

— Ориентир-3 — сломанное дерево — 1000 метров.

— Понял!

Р. Я. Малиновский подходит к пулемету, поднимает крышку короба, вынимает из приемника ленту и проверяет работу частей пулемета.

— Будешь вторым номером, — говорит он командиру расчета и сразу открывает огонь по ориентирам. Пулемет работает бесперебойно.

— Пулемет в отличном состоянии! Ничего не скажешь… Благодарю за службу!

— Служим Советскому Союзу, — с подъемом отвечает расчет.

— Разрешите спросить! Гвардии красноармеец Дерунов! Вы, наверное, в солдатах долго служили? Уж больно здорово с пулеметом управляетесь…

— Служил немало, — подтверждает Родион Яковлевич. — Давно это было — еще в первую мировую… Но что хорошо знаешь — не забывается…

Он пожимает руку командиру расчета.

— Будь здоров, сержант! Останемся живыми, напиши мне, встретимся!

Отдав честь расчету, выходим и продолжаем наш путь.

Начинается минометный налет, невдалеке от нас взрываются мины, запахло пороховой гарью, со свистом пролетают осколки.

— Надо бы переждать, — говорит командир роты, обращаясь к Малиновскому.

— Пожалуй, — поддерживает его Родион Яковлевич, и мы опускаемся на дно траншеи. — На рожон лезть не надо. — Потом немного помолчав, Малиновский продолжает:

— Смерти, конечно, боятся все. Но опасность видят по-разному, в зависимости от боевого опыта. Там, где старый солдат идет не дрогнув, новичок теряется от страха…

Когда налет кончился, мы двинулись дальше. Оглядываясь вокруг, Родион Яковлевич одобрительно замечает:

— Весь плацдарм изрезан траншеями и ходами сообщения. Вот где видно, что такое солдатский труд! Когда вы их успели отрыть?

— Начали работать с начала августа, как только захватили плацдарм…

— Траншеи, товарищ комдив, не вражеское изобретение. Я помню, как еще в первой мировой они применялись обеими сторонами. Немцы остались верны им и поныне. А мы, перейдя на «ячеечную» систему обороны, видимо, просчитались…

— Без траншей вряд ли удалось бы нам удержать плацдарм…

Мы заходим в землянку.

— Первый взвод восьмой стрелковой роты! — докладывает помкомвзвода старший сержант Болтушкин.

— Здравствуйте, гвардейцы! — приветствует взвод Родион Яковлевич.

— Здравия желаем, товарищ генерал!

Малиновский улыбается. На нем шапка-ушанка и плащ-накидка.

— Что ж у меня на лбу написано, что я генерал?

Представляется командир отделения Вернигоренко.

— Так наш комдив за полковником ходыть не будуть, бо вин и сам уже генерал…

Гвардейцы смеются.

— Правильно определили, гвардейцы! А теперь садитесь и расскажите, как воюется, только не оглядывайтесь на своего ротного…

Встает Вернигоренко.

— Та як вам сказать, товарищ генерал! Ежели ранят, то вынесут, а убьют — похоронят. Одеты, обуты хорошо, не то што хортисты. И кормят неплохо… Воно якбы ще й не стрилялы, так зовсим гарно було б…

Бойцы улыбаются.

— Бачитэ, на нашу думку, мабуть, пора наступать и нам… Кругом снигы, мы на лыжах, а ворог пиший — не уйты йому вид нас…

— Это что ж, — с интересом спрашивает Малиновский, — все так думают или только сержант Вернигоренко?

— Все! Давно уже обсудили, что к чему, — дружно отвечает первый взвод.

Беседой с гвардейцами Родион Яковлевич остался доволен. Люди выглядели опрятно, были тепло одеты, здоровы и по-боевому настроены. Много раз наблюдал я, как положительно сказывается на воинах подразделений посещение их старшими начальниками.

Мы возвращаемся на командный пункт.

— Садитесь ко мне, — приглашает Малиновский, — поговорим. — Он протягивает мои любимые папиросы «Герцеговина Флор», которых я давно уже не видел. Мы закуриваем…

— Как дамоклов меч все это время висит над сталинградскими коммуникациями врага Сторожевский плацдарм. Он привлек к себе крупную вражескую группировку, которая при других условиях могла бы принять участие в Сталинградской битве…

— Да, здесь было очень трудно…

И всю дорогу я рассказываю Родиону Яковлевичу о контрударе гитлеровцев и хортистов на Сторожевском плацдарме…

19 ноября 1942 года под Сталинградом наши войска перешли в контрнаступление. Через четыре дня оно закончилось окружением 6-й и 4-й танковой армий врага. Это известие потрясло нас и вызвало небывалый боевой подъем…

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
В НАСТУПЛЕНИИ

Знает ли солдат, что ждет его в ходе атаки? Знает! Могут ранить, а могут и убить…

Но он знает и то, что командиры, в чьих руках авиация и артиллерия, танки и саперы, средства противовоздушной обороны и главное — боевой опыт и уменье, сделают все, чтобы солдат смог выполнить поставленную ему задачу.

Думает ли солдат о возможной гибели в бою? Думает, конечно, так как понимает, что идти вперед надо сквозь тысячи осколков и пуль. Но каждый надеется, что и на этот раз «все обойдется».

Большей частью о возможной гибели в бою думают семейные солдаты. И не столько лично о себе, сколько о том, как будет тяжело семье, когда его не станет. Молодые, опять-таки, боятся не столько самой гибели, а того, что не сумеют уничтожить до этого хотя бы одного фашиста.

Но ведь, что сделаешь — присяга, приказ, да и надо — фашист, смотри, что творит! Кто ж ему укорот даст?..

Когда же к осознанному умом пониманию необходимости идти в бой добавляется еще и вклад сердца, возмущенного врагом — его жестокостью и силой, наглостью и коварством, тогда рождается настоящий порыв, который творит чудеса. И здесь горячее слово коммуниста, его пример — неоценимы…

Велико значение и повседневной заботы о воинах. Здесь и быстрая эвакуация раненых, и похороны убитых, и своевременная доставка боеприпасов, и подноска горячей пищи на передовые позиции, и обеспечение теплыми рукавицами, и письмо на родину гвардейца. Все требовало организующей руки командира, теплого душевного слова политработника и не могло не сказаться на моральном состоянии воинов.

…13 января. Рассвет. Температура минус 25 градусов. Кругом снег. Сегодня утром со Сторожевского плацдарма южнее Воронежа начинается наступление.

В отделение к сержанту Сухину пришел парторг роты красноармеец Скворцов. В ячейке они стоят рядом — молодой Сухин и 49-летний участник первой мировой и гражданской войн, бывший председатель сельсовета Андрей Аркадьевич Скворцов.

— Ты комсомолец, Александр, и командир отделения, — задушевно говорит Скворцов, — посмотри пристально вперед и

ты увидишь, сколько гибнет там наших людей, сколько томится их в неволе за вражеской завесой. Сокрушить ее, эту завесу, — наш долг. Расскажи об этом бойцам, помоги им пойти на подвиг…

— Будет сделано, Андрей Аркадьевич! — волнуясь, горячо отвечает Сухин. — У каждого ведь свои счеты с фашистами… Рассчитаемся.

Чуть пригнувшись, высокий и худой парторг идет дальше…

…Полдень. Уже прорваны первая и вторая позиции и весь боевой порядок устремился вперед. На лыжах, в белых маскхалатах идут разведчики. Целиной, вместе с лыжниками, штурмуя и обходя опорные пункты противника, двигаются выкрашенные в белый цвет танки. По расчищенным дорогам в колоннах идут пешие подразделения. Люди одеты в белые полушубки и валенки или в шинелях поверх телогреек и ватных штанов. Меняют огневые позиции артиллерия и минометы. В небе наша авиация.

Вместе с составом наблюдательного пункта в открытой машине я еду вперед. Начинается вьюга.

— Пленных ведут, — говорит адъютант лейтенант И. Г. Козырь.

Сквозь вихри снега просматривается длинная колонна мадьяр. Как призраки, молча, они прижимаются к обочине. Охраны нет. Впереди — пожилой офицер. Под облепившим его снегом не видно на погонах знаков различия.

— Хортисты! Сколько полегло их здесь в прошлом году… А этим вот повезло — идут в плен.

— А вот и господа гитлеровцы! Для них тоже война кончилась — так много сулившая дорога уперлась в тупик…

С недобрым интересом поглядывают на проходящие войска пленные. Многие из них идут опустив головы.

Машина проезжает через сожженные села. Рядом появившиеся из подвалов старики, женщины, дети. Залепленные снегом, в каких-то лохмотьях, истощенные, грязные и заросшие молча стоят они в метели. Многие плачут, не вытирая непрерывно текущих слез. И тяжелая ненависть к врагу распирает грудь…

…14 января. Вторые сутки громит хортистов и гитлеровцев 25-я гвардейская. Утром мне позвонил командир 78-го полка полковник К. В. Билютин.

— Докладываю! В 8 часов утра подразделения полка во взаимодействии с 4-м батальоном 253-й стрелковой бригады

овладели Мастюгино. Главную роль сыграла сводная рота автоматчиков полка. Вырвавшись на лыжах вперед, она захватила противника врасплох.

Это был успех. Мастюгино выводило нас ко второй полосе обороны, еще не занятой гитлеровцами.

— Скорее выходите всем полком на вторую полосу. Надо упредить противника…

В памяти возникли недавние дни нашей лыжной подготовки на Сторожевском плацдарме. В ходе ее возник ряд вопросов. Как вести огонь с лыж в движении? Как располагать и подгонять автомат? Как атаковать на лыжах вслед за броском гранат? Лыжные кроссы. Ротные учения с боевой стрельбой. Состязания подразделений и штабов. Все было брошено на то, чтобы в условиях глубокого снега и больших морозов сделать наши части подвижными, увеличить темп наступления. И вот результат…

После войны я получил письмо от бывшего командира отделения роты автоматчиков Г. Н. Медведева.

> «…Командовал ротой автоматчиков гвардии старший лейтенант Владимир Федорович Куркин. Лыжник-спортсмен и отличный стрелок, он многое сделал, чтобы подготовить роту к боевым действиям на лыжах.
>
> …На подходе к Мастюгино пошел снег. Вырвавшись вперед, рота расчленилась на взводы и отделения, перебралась через овраг, тянувшийся перед восточной окраиной села. В сумерках рассвета стали отчетливо видны занесенные снегом хаты окраины. Противник молчал. Вверх понеслась зеленая ракета. Развернувшись в цепь, рота, ведя огонь из автоматов и ручных пулеметов, на большой скорости ринулась к селу. С его окраины ударило несколько пулеметов. В разыгравшейся вьюге, одетые в белые халаты, мы были почти невидимыми…
>
> — В атаку! — понеслось по цепи. Полетели гранаты, и вслед за взрывами рота ворвалась в село.
>
> Хортисты бежали. Из опроса пленных мы узнали, что в Мастюгино размещались тылы и специальные учреждения вражеской дивизии. Село было подготовлено к обороне. Многие здания переоборудованы под доты и дзоты. На окраине и в центре отрыты окопы, прикрытые рогатками. Наша внезапная стремительная атака не позволила врагу занять оборону…»

…Уже третьи сутки двигается мой наблюдательный пункт

вслед за головными полками. Часто в ходе быстро меняющейся обстановки нам приходится вместе с командующим артиллерией выезжать в части и ставить задачи на месте. Командный пункт дивизии вдет позади так, чтобы не терять связи со штабом армии и со мной. Характер подвижных боев требовал перестройки управления. Командиру дивизии нельзя было руководить боем даже на обычном отрыве от полков. Проводных средств связи, как правило, не хватало, и их использование затруднялось глубоким снегом и холодами. Радиостанции часто не доставали по дальности. Идти сзади — значило плестись в хвосте событий, не знать истинного положения дел и не использовать многих возможностей.

…25 января. В ходе Воронежско-Касторненской операции 81-й полк подполковника П. К. Казакевича совместно с 96-й танковой бригадой генерал-майора В. Г. Лебедева освободили Горшечное. Через двое суток, пополнившись боеприпасами и горючим, 4-й танковый корпус генерал-майора А. Г. Кравченко начал наступление на Касторное. Оставив в Горшечном усиленный 73-й полк майора А. С. Белова, главные силы 25-й гвардейской дивизии продолжали бои по созданию в этом районе внутреннего фронта окружения 2-й армии немцев. Обстановка здесь была сложной.

После войны, когда я командовал в Белорусском военном округе дивизией, довелось встретиться с генерал-полковником Н. Е. Чибисовым, приехавшим в соединение. За ужином завязался разговор…

— А ведь мы с вами, товарищ комдив, воевали не только на Северо-Западе, но и на Воронежском фронте…

— Да! Зимой 1943 года. Вы командовали 38-й армией, а я — 25-й гвардейской дивизией 40-й армии…

— Помните, — говорит Н. Е. Чибисов, — завершающий этап Воронежско-Касторненской операции? Как много значит недооценка сил противника, даже в условиях его окружения. В боевых действиях по прорыву обороны врага и созданию «котла» участвовали войска четырех армий. Тогда было обеспечено необходимое превосходство над противником в силах и средствах. А к началу уничтожения вражеской группировки соотношение сил резко изменилось. После освобождения Касторного 13-я армия вернулась в полосу Брянского фронта. К концу января 40 и 60-я армии, главными силами, постепенно ушли для подготовки наступления на Харьков и Курск. 38-я армия, которой я в то время командовал, 29 января получила задачу — в течение двух дней завершить ликвидацию противника

и быть в готовности к наступлению на Обоянь. К этому сроку основные силы армии вышли из боя и стали готовиться к наступлению. Для уничтожения окруженной группировки врага осталось всего две дивизии да в районе Горшечного, с открытыми флангами, сражалась 25-я гвардейская… Над нами довлело стремление возможно быстрей выйти на выполнение задач по наступлению — поджимали сроки, противник подтягивал резервы. Да и штабу фронта, видимо, неизвестен был истинный состав вражеской группировки. Отсюда и попытки ее уничтожения недостаточными силами и в ограниченные сроки.

— «Котел» сжимался медленно, — продолжает Николай Евлампиевич, — и немцы сохраняли возможность маневра. 31 января, прикрывшись от наступавших частей 38-й армии, противник мощным ударом из района северо-восточней Горшечного оттеснил части вашей дивизии в район Богородское. С наступлением темноты гитлеровцы двинулись на Старый Оскол. Вражеская группировка вновь стала подвижной. Мы потеряли около трех недель, чтоб завершить ее уничтожение. В ходе этих боев и стало ясно, что мы имеем дело с противником силою до девяти дивизий с танками и артиллерией, поддерживаемыми авиацией…

Прошло уже более 30 лет, но в памяти остались тяжелые бои в районе Горшечного с прорывавшимися из окружения фашистами[2].

…2 февраля 1943 года 25-я гвардейская дивизия освободила села Бараново и Герасимово. Многим частям гитлеровцев и хортистов, прорвавшимся через Горшечное и Старый Оскол, выход из окружения был снова закрыт. На следующий день вражеская группировка была почти полностью уничтожена. Около 1200 солдат и офицеров взято в плен.

Поздно вечером 3 февраля ко мне зашел начальник разведки майор И. И. Попов с материалом опроса пленного офицера из штаба 2-й армии хортистов. К сожалению, в моих записках не сохранилось его фамилии и деталей опроса, касавшихся хода боевых действий. Остался только записанный несколько позднее, по памяти, рассказ пленного о замысле вражеского контрудара в сентябре 1942 года на Сторожевском плацдарме. Пленный подтвердил наши тогдашние оценки возможных действий врага, что в какой-то мере позволило сделать вывод о взаимоотношениях гитлеровцев и хортистов.

«В конце августа прошлого года, — рассказывал пленный, — мне в оперативный отдел позвонил

начальник штаба армии генерал-майор Ковач.

— Заходите ко мне, пойдем к командующему!

Нам предстояло доложить замысел контрудара на Сторожевском плацдарме. В кабинете командарма за длинным столом рядом с генерал-полковником Яни, по-хозяйски развалясь в кресле, сидел командир 7-го армейского корпуса вермахта генерал-лейтенант Крамер. Его корпус временно входил в состав нашей армии.

— Против нас на левом берегу Дона, — начал доклад генерал Ковач, — стоит 6-я советская армия генерала Харитонова…

Я ориентирую присутствующих по схеме Сторожевского плацдарма, висящей на подставке у стены.

— Это серьезный противник, — строго говорит комкор Крамер. — Я помню генерала Харитонова еще по боям за Ростов-на-Дону. Тогда он командовал 9-й армией…

— Но у него нет сил, — пытается заключить командарм. — Ведь даже Сторожевский плацдарм удерживают только два полка 25-й гвардейской дивизии. А ее 73-й полк установлен под Коротояком…

Крамер продолжает:

— От генерала Харитонова можно ждать крупных неприятностей. Надо создать большое превосходство в силах и средствах.

— Мой генерал! — обращается к нему начальник штаба. — К решению этой задачи мы предлагаем привлечь: 168-ю пехотную дивизию вермахта, четыре дивизии нашей армии, 100 танков 700-й танковой бригады, 70 самолетов и необходимые части усиления. Главный удар нанести в направлении высоты 187,7 и, рассекая войска врага, выйти к Дону. Одновременно сильным ударом захватить 1-е Сторожевое, развить успех вдоль правого берега реки на юг, отрезать дивизию от переправ и уничтожить.

— Нет ли у вас каких-либо замечаний? — спрашивает комкора командующий.

— Нет. План операции хорош, — утверждающе басит Крамер. — Но я думаю, что 168-ю дивизию не следует вводить в бой централизованно. Ее полки целесообразно использовать на обоих решающих направлениях — на высоту 187,7 и 1-е Сторожевое. Они будут наступать вместе с вашими дивизиями под руководством их

командиров. А командира 168-й пехотной дивизии, — безапелляционно продолжает Крамер, — сделаем консультантом при вашем командире 3-го армейского корпуса. Но, разумеется, комдив будет находиться на своем наблюдательном пункте, поскольку он ближе к фронту…

Быстро переглянувшись с начальником штаба, командарм говорит:

— Удачная мысль, господин генерал! Пусть будет так…

Это значило, что руководство предстоящей операцией переходит к командиру 168-й пехотной дивизии немцев, а ответственность за исход операции остается за венгерским командованием».

…Обходя Харьков с северо-запада, 25-я гвардейская в полдень 14 февраля освободила Ольшаны — крупный населенный пункт на шоссе Харьков — Богодухов. Оставив в них 81-й полк полковника П. К. Казакевича, усиленный двумя артиллерийскими полками и саперами, дивизия главными силами повернула на Харьков.

— Надо, — сказал я командиру полка, — лишить гитлеровцев маневра. Задача — захватить ночью Гавриловку. Все тщательно подготовить засветло.

…Скоро полночь. Вместе с заместителем командующего 40-й армией генерал-майором Ф. Ф. Жмаченко, прибывшим в дивизию, мы стоим на наблюдательном пункте. Невдалеке 73 и 78-й гвардейские полки ведут бой на западной окраине Харькова. К нам доносится шум боя, ночное небо в разных направлениях пересекают трассирующие пули и снаряды.

— Сегодня пошел уже второй месяц с начала нашего наступления со Сторожевского плацдарма… Сколько дорог пройдено! Сколько людей возвращено к жизни!

— А сейчас, — говорит Ф. Ф. Жмаченко, — мы уже у ворот Харькова.

Подошел начальник оперативного отделения дивизии капитан А. П. Мелентьев.

— Командир 81-го полка полковник Казакевич доложил, что занял Гавриловку.

— Отлично! Передайте ему — пусть к рассвету хорошо закрепится. Неизвестно, как сложатся обстоятельства завтра утром…

— Весь полк Гусельникова — на прямую наводку, —

добавляет командующий артиллерией дивизии полковник Н. И. Новицкий.

Во второй половине ночи мы подъехали на командный пункт 78-го полка, расположившийся на Холодной Горе. После доклада и уточнения обстановки командир полка полковник К. В. Билютин доложил, что на чердаке дома взят пленный с радиостанцией.

— При каких обстоятельствах? — спрашивает генерал Жмаченко.

— Вызовем лучше коменданта, — предложил Билютин, — он его захватил и доложит подробней…

— Хорошо, — согласился генерал.

— А где пленный? — спросил я командира полка.

— Наверное, уже отправлен в штаб дивизии.

— Уточните. Я хочу сам его допросить.

Зашел начальник штаба капитан И. И. Титов и доложил, что пленного допросил я отправил в штаб дивизии.

— С какой задачей оставили гитлеровцы своего радиста, — спрашивает Жмаченко начальника штаба. — Уж не собираются ли они вновь вернуться в Харьков?

— Собирать и передавать данные о проходящих через него войсках, о размещении в городе крупных штабов и тыловых баз…

Явился и комендант штаба.

— Когда наш полк ворвался на Холодную Гору, сюда вскоре подошел и штаб. Я присмотрел для него этот домик и, взяв с собой на всякий случай пару автоматчиков, пошел договориться с хозяевами. Стучу потихоньку в дверь. Хозяйка открывает.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — И глазами показывает на чердак.

Я сразу сообразил, в чем дело, автоматчиков вперед, а сам за ними. По лестнице поднимаемся осторожно. Сразу открываем дверь. Прямо перед нами за столом сидит «гражданский» и работает ключом на радиостанции. На столе немецкий автомат, кассеты, гранаты с длинными ручками…

— Хенде хох! — крикнул я во весь голос. Человек вскочил, наушники с него слетели, вытянулся в струнку, руки вверх тянет…

— Обыскать!

У «гражданского» оказался наш паспорт. А в немецком обмундировании, что висело на спинке стула, унтер-офицерская книжка СС.

— Кто вы? — спрашиваю его.

— Унтер-офицер войск связи СС, господин старший лейтенант, — отвечает гитлеровец безо всякого акцента.

— Где научились по-русски?

— Родители до революции жили в России.

— Что делали здесь?

— Передавал сведения. Не успел уйти. Больше ничего не скажу. Ведите в свой штаб.

…Наблюдательный пункт дивизии разместился в нескольких домиках на Холодной Горе. Светает. Я дремал не более часа.

— Что-нибудь новое есть? — спрашиваю у Мелентьева.

— Да! Не хотел вас будить. 305-я стрелковая дивизия освободила Люботин. Разговаривал лично с комдивом Даниловичем.

— Молодцы! Теперь и дорога на Полтаву тоже закрыта. Скоро гитлеровцы «завертятся»…

Командир 305-й стрелковой дивизии полковник Иван Антонович Данилович — наш бывший начальник штаба. И я искренне рад его успехам.

Несколько позднее позвонил командир 81-го полка полковник П. К. Казакевич.

— Перед Гавриловкой и по дороге на Люботин стоят колонны машин. Немцы контратакуют с танками и авиацией. В 53-м артполку раздавлена батарея Стеблинского. Обстановка в целом очень тяжелая. Гитлеровцы рвутся на Люботин и Богодухов. Первый эшелон полка долго не продержится…

— Гавриловку удерживать во что бы то ни стало! Буду просить авиацию на ваше направление у командующего армией…

У телефона Билютин.

— Вышел к Южном вокзалу. Немцы отходят на Липовую Рощу.

— Хорошо!

Незаметно летит время. И опять докладывает Казакевич.

— Первый эшелон полка разрезан. Гитлеровцы рвутся к шоссе на Богодухов. В направлении на Люботин двинулись колонны стоявших на дороге машин. Оттуда к Гавриловке подходят танки и мотопехота…

— Значит, — сделал я вывод, — 305-я дивизия Люботин не удержала…

— Подготовьте, Павел Константинович, второй эшелон для контратаки. Авиация перед Гавриловной будет через 30 минут.

У телефона командир 73-го полка Штыков.

— Вышел на Московскую улицу. Гитлеровцы отходят.

— Продолжайте наступление до встречи с нашими частями…

— Трудно будет, — говорит Жмаченко, — 81-у полку удержать Гавриловну. Захватив Люботин, гитлеровцы бросят все

силы, чтобы овладеть ею и прорваться на Богодухов. Сталинград они еще не забыли…

Так проходит около часа. В Гавриловке идет тяжелый бой. Взволнованный, ко мне подходит заместитель по политчасти П. Н. Павлов.

— Убит Казакевич!

— Как? Когда? Я ведь только сейчас ставил ему задачу!..

— Какой человек погиб! — печально говорит Ф. Ф. Жмаченко.

Несколько минут мы стоим молча. Я смотрю на ставшие суровыми лица офицеров и солдат. Слышен зуммер телефона. Капитан Мелентьев берет трубку.

— Перед 81-м полком гитлеровцы отходят на Люботин.

Через 30 лет после этих событий, работая над книгой в Центральном архиве Министерства обороны, я нашел такую запись:

> *«Командиру 25-й гвардейской стрелковой дивизии.*
>
> *Ваша дивизия в Харьковской операции и занятии г. Харькова сыграла основную и решающую роль. Между тем в сообщении Совинформбюро и, по-видимому, в донесении фронта ей надлежащее место не отведено…»*

И далее:

> *«…Ваша дивизия, частично 305-я и 5-й гвардейский танковый корпус остались в тени, обойденными. А здесь-то, на этом участке решалась судьба Харькова. Для правдивости в освещении занятия города, а также для представления ряда лиц к высшей награде, а Вашей дивизии, кроме того, к ордену Ленина, представьте мне нарочным ход событий 15.2.43 и в ночь с 15 на 16 февраля сего года.*
>
> *Командующий 40-й армии генерал-лейтенант Москаленко.*
>
> *17.2.1943 г.»*[3].

…После освобождения Харькова дивизия с утра 17 февраля начала продвигаться в направлении Ковяг. 3-й батальон 78-го полка, следуя во втором эшелоне, остановлен в селе Ярошевка. Ветренно. Сыро. Солнце изредка пробивается сквозь тучи, освещая на окраине села единственный уцелевший домик с посадкой. Возле него на нескольких полусгнивших бревнах разместился первый взвод 8-й стрелковой роты.

— Вот уж и Харьков позади, — с воодушевлением говорит командир взвода лейтенант П. Н. Широнин, — впереди Полтава и Днепр…

— Видать, из Харькова не все гитлеровцы удрать успели, — говорит сержант И. В. Седых. — Сколько их, переодетых, выловили жители города… Мимо нас целую колонну вели… Кто в чем…

Богатырского роста гвардеец И. М. Чертенков продолжает разговор:

— А как срывали немецкие вывески, объявления, всякие указатели… Один дядько колотит топором по вывеске, а сам во весь голос ругается, будто живой фашист перед ним…

— Написано по-немецки, а зачеркнуто по-русски, — улыбаясь говорит Широнин.

— А ты, Петя, что хочешь рассказать? — спрашивает он у Шкодина.

— Недалеко от штаба батальона, где я был в наряде, установили громкоговоритель. Целый день стоит возле него толпа — слушают передачи из Москвы. Подошел я как-то к ним, смотрю, некоторые плачут. Окружили меня, спрашивают:

— А не вернется немец опять в Харьков?

— Ни в коем случае! — говорю я им, — можете жить спокойно. И плакать не надо — освободили ведь.

А одна женщина вытирает слезы и говорит:

— Эх, сынок! После этой войны долго еще плакать мы будем…

— Рассказывают, — вступает в разговор Скворцов, — только на тракторном заводе фашисты расстреляли 16 тысяч ни в чем не повинных жителей…

— Измучился народ в оккупации, — говорит Широнин, — даже и рассказать ведь было некому. А сейчас все горе, что накопилось, ищет выхода…

— В походную колонну! — раздается команда.

И вновь шагает первый взвод по истерзанной врагом земле.

…К рассвету 26 февраля город Валки был полностью очищен от яростно сопротивлявшегося врага. 25-я гвардейская дивизия вышла в резерв фронта. Вечером, вместе с адъютантом мы пьем чай у хозяев нашей квартиры, местных педагогов Ивана Ивановича и Ирины Ивановны Чебыкиных.

Вспомнился прощальный прием у командующего 40-й армией. 19 февраля, в связи с переходом дивизии из Воронежского в Юго-Западный фронт, меня вызвали к генералу К. С. Москаленко. У него сидел член Военного совета генерал

К. В. Крайнюков. Они поздравили меня с награждением орденом Суворова II степени. Командующий вручил мне орден вместе с поздравительным письмом Михаила Ивановича Калинина:

> «Не имея возможности лично вручить Вам орден Суворова II степени, которым Вы награждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1943 года, посылаю Вам его с настоящим письмом.
>
> Поздравляю Вас с заслуженной высокой наградой и шлю пожелания дальнейших успехов в Вашей боевой деятельности и личной жизни».

Обращение Михаила Ивановича Калинина тронуло меня до глубины души.

Уходить из армии не хотелось. За это время я сработался с ее командованием и штабом. Командующий знал мой стиль работы, я понимал его требования. Но приказ — есть приказ…

— Мы, гражданские, — услышал я голос Ивана Ивановича, — не представляли себе силы фашистов. Но за время оккупации многое поняли. Сколько войск, танков, орудий, машин прошло через наш город. А сколько авиации… И откуда у гитлеровцев такая сила?

— Почти вся Европа на них работает.

— Все равно, — говорит Ирина Ивановна, — силой и жестокостью ничего не добьешься…

— А ведь все-таки выстояли, — продолжает Чебыкин. — Удержали столицу.

— А Сталинград! — говорит Ирина Ивановна.

— О нем мы узнали в оккупации. Передавали эту весть друг другу шепотом. Но вскоре на заборе у церкви появилось только одно слово — «Сталинград». Как на пожар, бросились к нему местные полицаи. Замазали красной краской. Люди потом ходили смотреть на заборе красное пятно…

— Будем надеяться, что теперь ваши мучения кончились…

— Вы думаете, что фашисты сюда не вернутся?

— Не должны. Но ведь на войне всякое бывает…

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ЮЖНЕЕ ХАРЬКОВА

27 февраля 1943 года. На много километров растянулись на марше части 25-й гвардейской, совершающей марш из Валок в район Змиева. Задача — не допустить к Харькову гитлеровцев, перешедших в наступление на этом направлении. Дивизия снова вошла в подчинение 3-й танковой армии. В ходе боевых действий я ближе узнал и командующего армией генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко, уяснил его стиль и методы руководства. Как и большинство танковых начальников, он знал цену времени и добивался высоких темпов в наступлении и активности в обороне. За сутки нам предстояло пройти около 80 километров при уже начавшейся распутице и под ударами вражеской авиации.

…Сожженное село. В центре его, у сохранившейся среди посадки церкви — колодец. Здесь остановилась на малый привал идущая в головной походной заставе 8-я рота 78-го полка. Люди снимают вещмешки, жуют сухари, пьют воду, доливают баклажки. Кое-кто переобувается. Потом закуривают.

— Ну, зачем было сжигать? — спрашивает Шкодин своего командира.

— Чтоб нельзя было в нем жить, обогреться, обсушиться, с народом поговорить, — разъясняет Широнин, — чтоб надолго ослабить нас…

К роте подходит пожилой, с аскетически худым лицом священник. Из-под мятой, темной шляпы развеваются длинные седые волосы. Старенькое пальто накинуто на подрясник. На ногах валенки в кожаных заплатах.

— Гражданин командир! Разрешите солдатам слово сказать.

— Ну, что ж! Попробуйте…

— Сыны мои во Христе! Бейте супостатов фашистов, паки можете. Было здесь село цветущее. Все сожгли антихристы. Сколько людей побили и повесили. Имущество разграбили. Молодежь в Германию угнали…

— А вас почему не тронули? — раздается простуженный голос гвардейца.

— Политика, сыны мои… Политика. Судите сами: село сожгли, людей нет, кому нужен храм божий?..

— Спасибо, батюшка! — благодарит командир роты старший лейтенант И. И. Ленский.

И сразу слышна команда:

— В походную колонну!

Рота уходит.

— Попробовал поп — не понравилось, — замечает кто-то в двигающейся колонне.

Священник смотрит вслед. На фоне уходящей роты выглядит он очень маленьким, и кажется, что ветер вот-вот унесет его…

Как только начался марш, я выехал вперед вместе с командирами частей, артиллеристами, инженерами и разведчиками. Нужно было разобраться в ситуации, провести рекогносцировку и организацию взаимодействия. Тогда командиры смогут встретить подходящие части и, не теряя времени, вывести их на участки обороны.

Знакомство с местностью показало нам, что главного удара противника надо ждать с юга и юго-запада — откуда вели к Харькову хорошие дороги. Редкие проселки, выходившие к нашему переднему краю с юго-востока, оказались труднопроходимыми, особенно в районе Змиева, у впадения реки Мжа в Северский Донец. Однако и они могли быть использованы врагом.

Правее и левее нас соседей не было. Высланная вдоль северного берега реки Мжа, разведка только на южной окраине Мерефы встретила батальон войск НКВД.

Как могут сложиться здесь боевые действия? Главные силы дивизии, занимая двумя полками Тарановку и Змиев, закрывали дорогу на Харьков на сравнительно узком участке фронта. Река Мжа была еще скована прочным льдом, и существовала возможность обхода наших позиций через Пролетарское и Соколово. Если противнику это удастся, Тарановка и Змиев не только ее сыграют роль мощных узлов обороны на пути к Харькову, но станут ловушкой для двух наших стрелковых полков и частей усиления.

Значит, надо готовить к обороне село Пролетарское, держать под нашим наблюдением подходы к Соколово, возможно дольше удерживать Тарановку и Змиев, не допуская выхода врага к реке до того, как она станет непроходимой для танков.

28 февраля после форсированного 80-километрового марша дивизия с ходу заняла оборону. В Тарановке сосредоточился 78-й полк К. В. Билютина, в Змиеве — 81-й полк А. П. Мелентьева и в районе Замостье, Зидьки 73-й полк Н. Г. Штыкова. Поддерживавшая нас 179-я танковая бригада полковника Ф. Н. Рудкина, имевшая 24 танка, была использована на участке 78-го полка в Тарановке.

1 марта я объезжал полосу обороны дивизии, проверяя ее

состояние. Выход противника к нашему переднему краю ожидался уже на следующий день. Вместе со мной были командующий артиллерией дивизии полковник М. Ф. Гусельников и адъютант И. Г. Козырь. Во второй половине дня мы приехали в 78-й полк. Село Тарановка, которое он оборонял, расположено на холмистой гряде. Самым высоким и важным местом являлся центр села. Его пересекали железная дорога и шоссе Лозовая — Харьков. На площади возвышалась старинной постройки церковь с толстыми стенами и узкими, в виде бойниц, наполовину зарешеченными окнами. Отсюда открывался хороший обзор во всех направлениях. В центре Тарановки, на 306-м километре, находился железнодорожный переезд, через который шла грунтовая дорога из Красноград на Харьков. За южной окраиной Тарановки, ближе к станции Беспаловка, был еще один железнодорожный переезд. На него выходило шоссе Лозовая — Харьков.

Достаточно было посмотреть на карту, чтобы оценить значение Тарановки не только в полосе обороны 25-й дивизии, но и на рубеже наших войск по северному берегу реки Мжа от Мерефы до Замостья. Она перекрывала дороги на Харьков с юго-востока, юга и частично с юго-запада, а железнодорожный переезд в Беспаловке блокировал путь к Тарановке с юга.

В том году март выдался сырой и теплый. Быстро таяли снега. Проезд тяжелой техники вне дорог оказался крайне затруднительным. Это обстоятельство еще больше повышало значение Тарановки. А захват гитлеровцами железнодорожного переезда у Беспаловки по условиям местности обеспечивал бы им поддержку бронепоездами в боях за Тарановку и Змиев.

Осмотрев работы и уточнив с Билютиным некоторые вопросы организации обороны и обеспечения, мы отправились к станции Беспаловка. Там проходил левый фланг дивизии. Надо было посмотреть, что успели сделать оборонявшие его подразделения.

Беспаловка, маленькая пригородная станция, лежала в развалинах. Невдалеке от вокзала виднелись стены небольшого разрушенного здания метеопункта, а за ним пруд и молодой сад. Впереди под еще не сошедшим снегом просматривалась уходящая вдаль долина Касьянова Яра и почти у самого горизонта — очертания совхозной усадьбы.

…Вторая половина дня. Юго-западная окраина Замостья. Отсюда открывается панорама правого берега еще покрытой льдом реки Мжа. Видны Змиев, Пролетарское, Чемужовка, Соколово. Кругом следы войны — взорванный мост, сожженные и разрушенные дома, разбитые дороги. Закончилась

рекогносцировка местности и постановка задач. Командиры разъехались. Я задержал командира 78-го полка полковника К. В. Билютина.

— Вы ведь понимаете, Кондрат Васильевич, что решающим пунктом в полосе обороны дивизии является село Тарановка. Через него идут дороги на Харьков. Село надо удержать во что бы то ни стало, пока река Мжа станет непроходимой для танков. Иначе гитлеровцы по наикратчайшему пути хлынут в обход Харькова с юго-востока…

— Вполне возможно, — подтверждает командир полка.

— Вероятнее всего, немцы одновременным ударом с юга и запада вдоль дорог попытаются захватить Тарановку с ходу. Чтоб этого не случилось, надо хотя бы небольшими силами прикрыть железнодорожный переезд у Беспаловки. Он блокирует подходы к Тарановке с юга. Направьте туда усиленный взвод. Задача эта хотя и очень важная, но временная.

— А чем прикрыть направление со станции Беспаловки?

— Подвижным отрядом заграждения.

— В полку осталось очень мало людей, а Тарановка тянется на восемь километров…

— Подойдут главные силы дивизии, и я передам вам фронтовиков, прибывших на пополнение из госпиталей. Заберем из других частей минометчиков и артиллеристов, не имеющих материальной части, младших командиров, не имеющих подразделений. С вами будет танковая бригада полковника Рудкина, у нее 24 танка. Полк будет поддерживать вся артиллерия дивизии. Если станет очень туго, из Змиева контратакует врага 81-й полк Мелентьева. А северный берег реки Мжа обороняет 73-й полк. Он страхует это направление на случай неожиданного развития событий на правом фланге вдоль северного берега реки.

— Все ясно, товарищ генерал! — говорит Билютин. — Тарановку мы удержим!

На всем участке 78-го полка развернулись работы.

Когда мы подошли ближе и нам представился командир взвода лейтенант П. Н. Широнин, я сразу вспомнил его фамилию. О нем рассказывал мне Билютин. В конце февраля в бою за Червоное Широнин, прикрываясь дымом возникших пожаров, на трех самоходках с десантом гвардейцев с тыла ворвался в село и решил успех всего боя, почти не понеся потерь. Это был смелый и обдуманный маневр, в нем уже была видна командирская зрелость.

Передо мной стоял худощавый, спортивного вида лейтенант, но уже в годах, видимо из запаса. На мои вопросы он спокойно и

обоснованно доложил по местности организацию своей обороны. Здесь уже успели поработать дивизионные саперы майора Дорохова, и Широнин показал нам, где поставлены противотанковые и противопехотные мины, пояснил, как они прикрываются огнем. За короткое время его гвардейцы вместе с саперами успели оборудовать кроме основных и ряд ложных позиций.

Я подивился боевой смекалке воинов. Ложные позиции уводили врага от окопов взвода на переезде и намного увеличивали живучесть подразделения. Несколько таких позиций было устроено и на еще покрытом льдом пруду.

— Сколько людей у вас? Как с оружием и боеприпасами? — спросил я Широнина.

— Взвод пополнен до двадцати пяти человек, — начал докладывать он, — в том числе за счет сержантов и старшин, не имеющих подразделений в связи с большим некомплектом людей. Во взводе четыре коммуниста. Самые молодые — командир второго отделения сержант Сухин и бойцы Торопов и Шкодин, им по двадцать. Самый пожилой Андрей Аркадьевич Скворцов, ему уже сорок девять. Он участвовал еще в первой мировой войне, после Октября — в Красной гвардии, сражался против Колчака и басмачей. Восемь человек воюют с первого года войны, а остальные со второго…

Потом Широнин сказал, что командир полка дал ему все, в чем он нуждался, а также усилил 45-миллиметровой пушкой.

Подошли командир 8-й роты старший лейтенант И. И. Ленский и командир 3-го батальона старший лейтенант И. Д. Петухов. Комбат доложил, что у него сейчас всего две стрелковые роты по два взвода, а во втором взводе 8-й роты людей еще меньше — всего 20 человек. Учитывая важность этого направления, он определил роте меньший район обороны.

Примерно в 400 метрах впереди взвода была небольшая возвышенность. Она закрывала наблюдение за дорогой на дальних подступах к переезду. Там противник мог сосредоточиваться для атаки.

В ходе своего доклада Широнин сказал, что на возвышенности он будет держать наблюдателей, чтобы своевременно подготовиться к отражению противника, но помешать сосредоточению гитлеровцев ему, мол, нечем.

— Вы знаете, товарищ Петухов, — спросил я комбата, — куда будет бить полковая и дивизионная артиллерия?

— Знаю только, что полковая группа будет вести огонь на это направление, — сказал он, несколько смутившись, — но куда именно, доложить не могу.

Взяв карту у К. В. Билютина, я увидел, что на ней указаны все плановые огни артиллерии, и приказал Петухову нанести их на свою карту. Командующий артиллерией дивизии М. Ф. Гусельников сразу показал их на местности. Потом уже Билютин, видимо предваряя мои вопросы, сказал Петухову, что на это направление предусмотрена контратака танковой и стрелковой рот из резерва полка.

Широнин довольно улыбался. Глядя на него, я подумал: хорошо, если командир знает не только свой маневр, но и то, что будет делать старший начальник и соседи, чтобы помочь ему, если этого потребует обстановка.

Стало темнеть. Я отпустил Билютина и командиров подразделений, и как-то незаметно между мной и Широниным завязалась беседа. Петр Николаевич был коммунистом, призван в армию из Кировской области, последнее время работал в Кирове в школе ФЗО, был женат, имел детей.

— Важно, — сказал я Широнину, — чтобы весь взвод понимал значение обороняемого переезда. Ведь от стойкости каждого бойца зависит многое. Вам будет очень тяжело, это можно сказать уже сейчас, но выстоять надо, не допустить одновременного удара с юга и запада по Тарановке. Она закрывает дороги на Харьков.

Петр Николаевич немного помолчал, потом сказал твердо:

— Да, я это понимаю, товарищ генерал. Сделаем все, что будет в наших силах.

Этот разговор я вспомнил уже после первого боя в Тарановке, где взвод П. Н. Широнина с исключительной стойкостью оборонял небольшой клочок родной земли. То был настоящий подвиг…

…Первый взвод окапывается. Лейтенант Широнин обходит позицию и останавливается возле новичка. Он только сегодня прибыл во взвод.

— Гвардии красноармеец Субботин! — представляется боец.

— Посмотрим, как у тебя с обзором и обстрелом!

Широнин ложится рядом с ячейкой и смотрит.

— Хорошо выбрал позицию. Молодец! А пользоваться гранатой умеешь?

— В запасном полку изучал матчасть и метал одну противотанковую и две ручных.

— Попал в цель?

— Так точно!

— А девушка у тебя дома есть? — спрашивает лейтенант.

— А как же можно без девушки? — улыбается гвардеец.

Командир взвода идет дальше. Работая в школе ФЗО преподавателем по труду, ему приходилось вот так же, как сейчас, обходить каждого, добиваясь, чтобы любая работа выполнялась с интересом и хорошо.

Широнин останавливается возле другого новичка.

— Гвардии красноармеец Силаев!

— Скажи, Силаев, какая у тебя задача?

— Не допустить вражеские танки и пехоту на свою позицию.

— Верно! Как же ты будешь ее выполнять?

— Буду вести огонь из автомата, — несколько смутившись, отвечает боец, — метать гранаты…

— Давай разберемся, Силаев, — говорит Широнин. — Вот с этой позиции ты видишь, что на тебя идет танк с десантом. До него остается 300 метров. Что будешь делать?

— Открою огонь из автомата по десанту!

— Правильно! Но вот десант спрыгнул с танка, развернулся в цепь и, стреляя на ходу, идет за танком?

— Веду огонь по пехоте за танком!

— Пехота залегла, — дает вводную лейтенант, — а танк от тебя уже в тридцати пяти метрах?

— Ложусь на дно траншеи.

— И долго ты думаешь там лежать?

— Пока танк не пройдет через траншею.

— Вражеская пехота идет в атаку вслед за своим танком. И когда ты поднялся со дна траншеи, пехота, ведя огонь на ходу, была от тебя уже в тридцати метрах?

— Веду огонь по пехоте.

— Кто же будет вести бой с танком?

— У нас сзади пушка, — не сдается Силаев.

— Пушка вышла из строя. Как тогда?

— Бросаю гранату или зажигательную бутылку в корму танка, а потом открываю огонь по пехоте.

— У тебя же задача — не допустить пехоту и танк на свою позицию… Танк надо уничтожить перед позицией, а ты лег на дно траншеи. Только в самом крайнем случае, когда танк все-таки прорвался через нашу траншею, надо метать ему гранату вслед, в топливное отделение.

— Понял, — говорит боец, вытирая со лба пот…

— Кто у тебя дома, Силаев?

— Мать…

— Давно писал ей?

— Да месяца три уже…

— Напиши ей письмо сегодня. Кто знает, когда еще придется ей написать. Пусть старушка успокоится…

Командир взвода подходит к Зимину. Сняв шинель, в одной гимнастерке с двумя медалями на груди, он энергично роет траншею. Завидев подходящего командира, Зимин прекратил работу и принял строевую стойку.

— Где воевал, старшина? — спрашивает его, подавая руку, Широнин.

— И под Смоленском пришлось, и под Москвой, и под Сталинградом. Там меня и ранило. А к вам прибыл накануне прямо из госпиталя.

— Закурим? — предлагает лейтенант.

— Могу угостить табачком, дареный, вместе с кисетом!

— Давай! Ты, старшина, не обижайся, что рядовым бойцом воевать приходится. В полку людей совсем мало, некем командовать.

— Не беда, — отвечает Зимин. — На войне все бывает. Иной раз и генералу в рукопашном бою приходится участвовать. А нам, как говорится, положено по штату этим заниматься…

— Ты до войны где работал? — спрашивает Широнин.

— Председателем колхоза.

— А я педагог. Учил детей труду, созиданию… Ты хлеб растил, другие строили, добывали уголь, варили сталь… Какая жизнь была интересная…

— Ну, скажите, товарищ лейтенант, кому мы мешали?

— Фашизму! Вспомни Испанию, старшина…

— Да, это верно…

— У меня к тебе просьба, старшина. Выберем время, и ты поговори с бойцами, расскажи им, как оборонялись сталинградцы. Ведь и нам здесь предстоит, наверное, не легкий бой…

— И расскажу, и покажу, — поддерживает Зимин.

Из письма П. Н. Широнина к автору:

> «…Когда в канун боя Вы уехали с переезда, стало уже темно. Хотелось побыть одному, осмыслить главное из нашего разговора.
>
> — Вам будет очень тяжело, Широнин, — сказали Вы, — но надо выстоять, не допустить захвата гитлеровцами с ходу Тарановки. Она закрывает дорогу на Харьков…
>
> …В подвальчике метеопункта, тесно скучившись, собрался почти весь взвод. Тускло светит «гильза», выхватывая из темноты лица гвардейцев. Они уже поужинали и ждут, что я скажу.
>
> — Нашу оборону смотрел командир дивизии.

«Подготовили все правильно, — сказал он. — Здесь надо задержать врага во что бы то ни стало…» — Я обещал комдиву сделать все, что в наших силах…

Люди молчат. Многие из них прибыли во взвод только накануне. Нестерпимо долго тянутся секунды. Поднимается самый пожилой среди нас, «папаша» взвода Андрей Аркадьевич Скворцов.

— Будем стоять до последнего, — как о чем-то окончательно решенном строго говорит он. — Да так, чтоб фашистам страшно стало…

Встает старшина С. Г. Зимин. Его рассказ о героизме бойцов в Сталинграде, где он был ранен, разбудил в душе воинов какие-то новые струны. Что-то незримое произошло в их настроении. Исчезла усталость. В глазах — огонь и воля.

С пола вскочил красноармеец Петр Шкодин.

— Клянусь, товарищи! Я не сделаю ни шагу назад!..

Один за другим поднимаются гвардейцы и обещают стойко встретить врага.

— Разрешите, товарищ лейтенант, песню спеть перед завтрашним боем? — спрашивает старший сержант И. Г. Вернигоренко.

И вот уже, заполняя подвальчик, гремит как клятва «Священная война».

…Как тяжело нам будет, я тогда не представлял… Но Вы, товарищ комдив, знаете меру тяжести, что нам пришлось испытать. Только семь из двадцати пяти остались в живых, но враг не прошел…»

Рассвет 2 марта застал дивизию в боевой готовности. Командиры на наблюдательных пунктах, артиллерия и танки — на замаскированных позициях, пристрелка плановых огней и реперов закончена, боеприпасы подвезены и выложены у орудий и в погребки, связь проверена. Многие командиры штаба и политотдела были направлены в подразделения 78-го полка и частей усиления. На подходах к Соколово, в район Рябухино и в направлении Лозовой мы выслали разведку, которая еще ночью сообщила о движении противника к Тарановке.

Было сыро и зябко. В утренней тишине послышалась отдаленная стрельба из танковых пушек и орудий. Через несколько минут выстрелы начали громыхать ближе. В бинокль я увидел вспышки ведущих огонь орудий из района западнее Тарановки. В воздухе появились «юнкерсы». Взрывы бомб

сотрясали землю, а вой сирен идущих в пике самолетов резал слух и, казалось, ввинчивался в мозг.

Позвонил Билютин и доложил, что немцы атакуют село в районе переезда на 306-м километре и у Беспаловки.

Так, казалось, обычно начался первый бой за мало кому известное село Тарановка. Но ему суждено было войти в летопись героических подвигов нашей армии в годы Великой Отечественной войны.

О подвиге взвода лейтенанта П. Н. Широнина я рассказал в книге «На разных фронтах» (М., Воениздат, 1978). Не отсылая читателя к этой книге, привожу здесь описание самого боя от его начала до завершения.

Рано утром в небе появилась «рама». Сделав круг над переездом и Тарановкой, она полетела в направлении Змиева и, развернувшись, через Соколово ушла за горизонт.

В это время наблюдательный пост в составе сержанта Н. И. Кирьянова и красноармейца П. Т. Шкодина с высотки перед взводом заметил вдали вражескую колонну, двигавшуюся к переезду, который обороняли гвардейцы лейтенанта П. Н. Широнина. Впереди шло охранение — две бронемашины, два танка и до взвода пехоты.

Отправив Шкодина с донесением к командиру взвода, Кирьянов несколько задержался, чтобы с более близкого расстояния уточнить силы противника. За охранением шло 20 танков и самоходных орудий, 15 бронемашин и до батальона гитлеровцев на автомашинах. Кирьянов побежал к лейтенанту Широнину доложить об этом.

И вот из-за возвышенности перед позицией взвода появилось несколько бронемашин. Гвардейцы молчали. Показался еще один танк и машина с пехотой. Вместе с двумя бронемашинами они осторожно спускались с возвышенности к переезду. В этот момент раздался сильный взрыв, и из-под шедшей впереди бронемашины вырвался столб пламени и дыма. Это сработала наша противотанковая мина. Машины остановились. Прозвучал одиночный выстрел 45-миллиметровой пушки, и вторую бронемашину заволокло дымом. Расчет орудия стрелял без промаха. Шедший сзади танк открыл огонь по переезду, пехота спешилась и залегла, а потом постепенно стала отходить назад вместе со своим танком.

Широнин рассказывал потом, что он удивился тогда: с чего бы это гитлеровцы сразу испугались и стали пятиться?

Вскоре пришла разгадка — в небе появилось свыше трех десятков «юнкерсов», которые шли двумя эшелонами. Первый эшелон ушел на Тарановку, второй, построившись в карусель,

стал бомбить позиции взвода, захватывая весь район переезда.

В этот налет вышел из строя расчет 45-миллиметровой пушки. Командир поставил за орудие старшину Нечипуренко и красноармейца Тюрина.

Потом на какое-то время стало тихо, фашисты готовились к атаке.

Вдруг гвардейцы увидели, что перед танками огненной стеной встали разрывы наших снарядов — это открыла подвижный заградительный огонь дивизионная артиллерийская группа. Сразу загорелся один танк и самоходное орудие, но остальные машины и пехота проламывались вперед, стреляя с ходу по переезду.

В отделениях гвардии старшего сержанта Вернигоренко и гвардии сержанта Сухина появились раненые, но никто не ушел в тыл — после перевязки все остались в строю. Был ранен в руку и лейтенант Широнин, но продолжал командовать взводом. Все ближе танки и вражеская пехота. По ним уже ведет огонь полковая артиллерийская группа, включились и батальонные минометы. По смотровым щелям танков и гитлеровцам били бойцы взвода.

Широнин заметил двигавшуюся в обход позиций взвода группу танков и самоходных орудий. Он сразу определил, что они направляются к дальнему переезду у Беспаловки, который прикрывал подвижный отряд заграждения полка. Потом он увидел, как из-за танков выскочили две бронемашины. Одна из них устремилась к валам, насыпанным на пруду, и сразу провалилась под лед, другая, стреляя на ходу из пулемета, направилась к левому флангу взвода. Ее подбил расчет орудия. Стало ясно — опасность грозила взводу еще с фланга и тыла.

Начиная наступление с фронта, вражеские танки двигались клином. В голове шел тяжелый танк. Но оттаявший уже грунт замедлил их движение, и они начали скучиваться у шоссе. Это позволило Нечипуренко и Тюрину из своей сорокапятки в считанные минуты подбить два танка. Но вот слева, со стороны Беспаловки, они увидели мчавшуюся прямо на них вражескую самоходку. Бойцы пытались повернуть орудие. Но почти в упор прогремел выстрел самоходки, и тут же она наскочила на орудие. Нечипуренко был убит, а Тюрина тяжело ранило.

Когда орудие было раздавлено, навстречу танкам противника на смертельный поединок пошли гвардейцы с гранатами и зажигательными бутылками.

Между тем вражеское самоходное орудие, покончив с пушкой, рванулось на переезд. Навстречу ему, на виду у своих боевых товарищей и противника, пополз сорокадевятилетний

«папаша» взвода, бывший председатель сельсовета коммунист А. А. Скворцов.

— Пулеметчикам — прикрыть Скворцова! — крикнул Широнин.

Но гитлеровцы усилили огонь. Андрей Аркадьевич был, видимо, ранен, но у него еще хватило сил бросить противотанковую гранату под гусеницы самоходки. Окутанная дымом, она, наехав на Скворцова, как будто бы споткнулась и остановилась.

Подвиг Андрея Аркадьевича Скворцова, славного представителя нашей старой гвардии, стал мерой поведения широнинцев. Заставил он, наверное, задуматься и гитлеровцев. Они понесли большие потери, их пехота залегла, а когда вырвавшийся вперед танк подорвался на мине, остальные машины остановились и стали пятиться. Первая атака была отбита.

…Идут бесконечно длинные часы неравного боя. Горят перед позицией взвода фашистские танки, бронемашины. Один за другим выходят из строя наши бойцы, но их рубежи остаются неприступными. Уже пали смертью храбрых подбившие гранатами вражеские танки старшина С. Г. Зимин и красноармеец В. М. Павлов.

Гвардеец И. М. Чертенков, уничтожив танк, продолжал вести меткий огонь по вражеской пехоте. Лишь в ходе рукопашной схватки он был сражен выстрелом сзади, в горячке боя не заметив подкравшегося фашиста.

Накопившись за подбитыми машинами, гитлеровцы, не считаясь с потерями, прорвались к позициям взвода. В рукопашной схватке смертью героев пали гвардии сержанты А. И. Сухин, И. В. Седых и В. С. Грудинин, красноармейцы С. П. Фаждеев, Я. Д. Злобин и Н. И. Субботин. Гвардейцы И. П. Букаев, А. Ф. Торопов и В. Л. Исаков были ранены. Но враг снова не прошел.

Ведя огонь до последней минуты своей жизни по наседавшим фашистам, геройски погибли на поле боя уже многократно раненные гвардии сержант Н. И. Кирьянов, гвардейцы И. П. Визгалин, П. А. Гертман, И. Н. Силаев, В. Д. Танцуренко и А. И. Крайко.

Из танка, подбитого у самой позиции взвода, продолжал стрелять из пулемета засевший в нем фашист. Это грозило гибелью остаткам взвода. Тогда старший сержант И. Г. Вернигоренко, схватив кусок разбитой гусеницы, вскочил на танк и сильно ударил им по стволу пулемета. Огонь прекратился.

Раненный и контуженный, продолжал управлять боем Петр

Николаевич Широнин.

Но вот опять из-за сада, прямо на окоп Широнина, несется самоходка с десантом на броне. Лейтенант открыл огонь. Несколько гитлеровцев свалилось на землю. Ведет огонь и отделение Болтушкина, расположенное невдалеке от взводного. Самоходка остановилась. Гитлеровцы спрыгнули, залегли и открыли стрельбу из автоматов. Потом в ход пошли гранаты. Две из них разорвались позади и сбоку от Широнина. Осколок попал ему в лицо и выбил несколько зубов. Потом лейтенант почувствовал сильную боль в ноге. Неожиданно он увидел, как связной Шкодин, умело маскируясь, быстро ползет к самоходке. Ствол ее орудия зашевелился и направился, как казалось лейтенанту, прямо на него. Раздался выстрел. Снаряд ударил в стену метеопункта. В этот момент Шкодин, чуть привстав, метнул под гусеницы самоходного орудия противотанковую гранату и сразу упал лицом вниз. Одновременно пуля ударила в грудь Петра Широнина, и, падая, он почувствовал на себе удары кирпичей обрушившейся на него стены метеопункта.

Когда во взводе остались только тяжело раненные лейтенант Широнин, старший сержант Вернигоренко и бойцы Букаев, Тюрин, Исаков и Торопов, единственный защитник позиции помощник Широнина коммунист старший сержант Александр Павлович Болтушкин бросился со связкой гранат под наползавший на него танк и подорвал его.

Так закончился этот легендарный бой. Когда сюда подошли бойцы других подразделений, они увидели перед позицией взвода 16 дымившихся танков, самоходных орудий, бронемашин и до сотни убитых гитлеровцев. Погибшие и тяжело раненные широнинцы лежали между ними на своей неприступной позиции. Стальная мощь фашистов разбилась о мужество советских гвардейцев.

Пять дней рвался враг к Тарановке, но гвардейцы 78-го полка, поддерживавшие их танкисты 179-й танковой бригады и артиллеристы 53-го артиллерийского полка выстояли.

Фашистские «юнкерсы» все время висели в воздухе. Первая атака передовых частей 48-го танкового корпуса гитлеровцев нацеливалась не только южнее Тарановки, где оборонялся взвод Широнина. Вторым направлением был центр села с железнодорожным переездом на 306-м километре. Здесь в атаке участвовало до батальона вражеской пехоты. 15 танков и самоходных орудий. Она была также отбита. Тогда, подтянув главные силы 44-й пехотной дивизии и до 40 танков при поддержке авиации и артиллерии, противник перешел к непрерывным атакам.

До 6 марта шли ожесточенные бои в центре Тарановки. Гитлеровцы пытались расширить вбитый в нашу оборону клин, но все их усилия разбивались о стойкость гвардейцев. В этот день после сильной артподготовки, в которой участвовала почти вся артиллерия дивизии, 78-й полк и 179-я танковая бригада перешли в контратаку и отбросили фашистов от центра села.

В этих боях истинное мужество и умение проявил командир полка К. В. Билютин. Спокойно и, казалось, буднично руководил он этим многосуточным боем. Его хладнокровие передавалось и воинам. Все знали — без приказа на отступление Тарановка будет держаться до последнего человека. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 года К. В. Билютину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Коммунисты полка, руководимые заместителем командира по политической части М. В. Пахомовым, личным примером стойкости и мужества воодушевляли воинов на разгром врага.

Штаб во главе с майором П. И. Жидиковым умело направлял усилия своих подразделений, артиллеристов и танкистов на удержание занимаемого рубежа.

30 танков, самоходных орудий и бронемашин гитлеровцев остались на поле боя, но взять Тарановку фашисты не смогли.

С той поры минуло уже много лет. Бои в Тарановке остались в памяти народа, нашли свое отражение в ряде исследований, военных мемуаров и художественных произведений. Обстановка там вела счет времени по часам и минутам. И не все делалось по письменным распоряжениям. Многое решалось на месте распорядительным порядком. Одним из таких вопросов являлось доукомплектование 78-го полка, оборонявшего Тарановку. По моему указанию в полк из других частей соединения передали личный состав, накануне прибывший из госпиталей, сержантов, не имевших подразделений, артиллеристов и минометчиков без материальной части. Взвод лейтенанта П. Н. Широнина также был пополнен накануне боя. В нем оказались в качестве рядовых прибывшие на пополнение сержанты и даже старшина С. Г. Зимин, артиллерист А. Н. Тюрин и другие. Между тем, ряд авторов, не зная устных распоряжений командования и беря за основу только архивные данные, именуют взвод П. Н. Широнина «группой». Умаляя тем самым факт массового героизма в армии, нашедший свое выражение в подвиге целого подразделения. Так строчка архива соперничает с показаниями еще живых участников боевых действий…

…21 мая до нас дошел Указ Президиума Верховного Совета

СССР о присвоении всем 25 гвардейцам взвода лейтенанта П. Н. Широнина, оборонявших железнодорожный переезд южнее Тарановки, звания Героя Советского Союза…

«Петр Тихонович Шкодин», — читаю я в Указе. И в памяти возникает полдень 30 апреля 1942 года.

…Заканчивается встреча с пополнением. Большой зал Сонковского железнодорожного клуба заполнен до отказа. Здесь люди разных судеб и возрастов. Сидят группами. Впереди около 300 человек 2-й гвардейской стрелковой бригады. Многие с повязками на голове и руках. Усталые лица. Среди видавших виды шинелей и шапок выделяется черная форма моряков. За ними в БУ — фронтовики из госпиталей. Еще дальше, в новом обмундировании, прошедшие первоначальное обучение в запасных частях. Позади — только что призванные военкоматами — кто в чем, с самодельными чемоданами и мешками у ног.

За покрытым красной скатертью столом — комиссар 25-й гвардейской дивизии полковой комиссар Е. В. Бобров. Я стою у трибуны.

— У кого есть вопросы? — спрашивает комиссар.

Из задних рядов худой и белесый, в большом не по росту ватнике и старом картузе, поднимается еще совсем мальчишка.

— Красноармеец Шкодин! Товарищ комдив, скажите, пожалуйста, кто может стать героем?..

В том бою широнинцы зримо показали, как надо оборонять свою землю. Что может сделать даже такое небольшое подразделение, как взвод. В самом понятии стойкости появилась особая значительность и бескомпромиссность…

…В марте 1963 года в составе советской делегации меня пригласили в Прагу на празднование двадцатилетия боя у Соколово. И в памяти вновь возникли события того незабываемого времени.

…2 марта 1943 года. С наблюдательного пункта у разъезда Шурино наблюдаю за ходом боя в Тарановке. В районе церкви от разрывов снарядов и мин сплошной дым. Видны лишь вспышки выстрелов танковых пушек и орудий. Село горит. Дым тянет к югу, закрывая видимость.

— Вызовите командира 78-го полка.

— Билютин у телефона! — докладывает связист.

— Кондрат Васильевич! Что на переезде у Широнина?

— Переезд удерживаем! Послал туда подкрепление. Из первого взвода в живых остались только семь тяжелораненых, в том числе Широнин.

— Это герои, все до единого!.. Они выполнили свой воинский

долг, как истинные гвардейцы. Сделали все, чтобы гитлеровцы не сумели захватить Тарановку с ходу. Весь состав взвода представьте к званию Героев Советского Союза! Эвакуируйте раненых! Подкрепление отведите с переезда на основные позиции.

Еще 1 марта дивизия вошла в подчинение начальника обороны района города Харькова генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова. В ночь на 3 марта офицер связи привез от него два боевых распоряжения. В первом из них говорилось, что в состав войск, обороняющих Харьков, вошел 1-й отдельный чехословацкий батальон добровольцев, сформированный на советской территории в городе Бузулук. Он сражается против гитлеровской Германии совместно с нашими войсками. Сообщалось, что форма одежды батальона — шинель зеленого сукна, погоны, на головном уборе прямоугольная кокарда. Вооружение наше. Пароль для опознания чехословацких солдат и офицеров слово «Свобода» (по фамилии командира батальона подполковника Людвика Свободы).

В другом распоряжении батальону Свободы ставилась задача к 7.00 3 марта переместиться на рубеж хутор Тимченки, Миргороды, Артюховка, где занять оборону и перейти в подчинение командира 25-й гвардейской дивизии.

Взглянув на карту, я увидел, что рубеж вплотную примыкает к нашему правому флангу, и вздохнул с облегчением.

Прибытие чехословацкого подразделения было обнадеживающим. Отныне мы уже не одиноки в борьбе с гитлеровскими захватчиками на нашей территории. И хорошо, что нам первым довелось завязать боевую дружбу с чехословацкими воинами.

Пригласив своих заместителей, я рассказал им о содержании полученных распоряжений, и мы вместе порадовались такому развитию событий. Потом обсудили, что надо сделать для того, чтобы чехословацкий батальон мог успешно выполнить поставленную ему задачу, а его солдаты и офицеры почувствовали себя среди воинов дивизии, как в родной семье.

— Прежде всего, — сказал замполит П. Н. Павлов, — надо рассказать нашим гвардейцам о прибытии чехословацких бойцов. Проведем беседы о целях борьбы батальона, об оккупированной гитлеровцами Чехословакии, которую это подразделение будет освобождать бок о бок с частями Красной Армии. Ведь такое время обязательно наступит…

Мы понимали — когда фашисты узнают, что на нашей стороне воюет чехословацкая часть, они сделают все для ее

уничтожения. Следовательно, надо дать батальону возможность хорошо подготовиться к обороне, передать братьям по оружию наш боевой опыт, а в ходе боя оказать необходимую помощь.

Известие о прибытии чехословацкой части командиры полков приняли, как и мы в штабе дивизии, с большим пониманием и удовлетворением.

— Имейте в виду, — сказал я К. В. Билютину, — если вы не удержите Тарановку, нашим друзьям придется вести бой с гитлеровцами на неподготовленном рубеже. Скажите об этом гвардейцам.

На следующий день, 3 марта, после 30-километрового марша из района Харькова к правому флангу полосы обороны дивизии подходил 1-й отдельный чехословацкий батальон.

…3 марта. Вторая половина дня. В здании средней школы Змиева разместился штаб 25-й гвардейской дивизии. Вместе с адъютантом я приехал сюда со своего наблюдательного пункта.

— Надо встретить и проводить ко мне командира чехословацкой части, — говорю я, быстро раздеваясь, адъютанту.

Почти сразу раздается стук в дверь и в комнату входит подполковник не в нашем обмундировании.

— Товарищ генерал! Первый отдельный чехословацкий батальон прибыл в ваше распоряжение. Командир батальона подполковник Свобода!

— Здравствуйте, дорогой! Рады. Очень рады вам! Вы прибыли как раз вовремя.

Подполковнику Людвику Свободе в ту пору было лет сорок пять. Высокий, худощавый, с умным одухотворенным лицом, со сдержанными манерами кадрового военного, он сразу располагал к себе. Представившись, Людвик Иванович, как потом мы его стали величать, доложил, что батальон имеет в своем составе три пехотные и одну пулеметную роты, взвод противотанковых ружей и усилен двумя 45-миллиметровыми пушками. Общее количество солдат и офицеров 978 человек, в том числе 38 женщин. Батальон получил задачу занять оборону на северном берегу реки Мжа между Мерефой и Змиевом и не пропустить через реку, ни одного вражеского танка к Харькову.

Л. Свобода сразу предложил включить в район обороны батальона село Соколово, находившееся на южном берегу реки Мжа. С этим предложением нельзя было не согласиться. Река была еще покрыта льдом и не являлась препятствием для танков. А Соколово обеспечивало контроль над подходами к берегу на участке всего батальона. Кроме того, сильные опорные пункты в Соколово и Змиеве как бы подпирали Тарановку и создавали

условия для взаимодействия с другими подразделениями на подходах к реке с юга на более широком фронте. В предложении Людвика Свободы я увидел не только тактическую целесообразность, но и стремление вести активную форму боя с целью успешного выполнения поставленной ему задачи.

Мы уточнили обстановку на нашем направлении и порядок взаимодействия с полками Билютина, Мелентьева и Штыкова. Особое внимание уделили артиллерии. Только ее огнем и авиацией можно было обеспечить взаимодействие между частями, находящимися в отрыве друг от друга на 10—15 километров.

С интересом слушал Л. Свобода мой рассказ о подвиге широнинцев, танковых клиньях гитлеровцев, наших методах ведения оборонительных боев и значении в них огня артиллерии и танков с прямой наводки. Людвик Иванович лишь изредка задавал уточняющие вопросы.

— Какими противотанковыми средствами вы будете прикрывать десять километров вашего фронта? — в свою очередь спросил я.

— У нас есть только два сорокапятимиллиметровых орудия и восемь противотанковых ружей, — ответил Свобода и, несколько помолчав, добавил: — И люди, конечно, имеют противотанковые гранаты и зажигательные бутылки.

— Да, маловато… Мы немедленно направим в ваше распоряжение батарею из артиллерийского полка дивизии.

Мы поговорили еще об обычных делах и военных заботах и тепло, по-дружески расстались.

Через два часа 5-я батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Т. Я. Стовбура прибыла в чехословацкий батальон. Командир батареи при надобности мог вызвать также огонь всего дивизиона, стоявшего на позициях в районе Змиева.

Когда мы доложили об этом начальнику штаба 3-й танковой армии генерал-майору Д. Д. Бахметьеву, он сообщил, что по распоряжению командующего армией чехословацкому батальону придаются еще четыре батареи, в том числе одна батарея гвардейских минометов.

После обеда мне позвонил К. В. Билютин и доложил, что у него был начальник разведки чехословацкого батальона Войтех Эрбан с группой разведчиков. Они изучали местность и минирование между Соколово и Тарановкой и уточняли обстановку.

— Времени они даром не теряют, — с одобрением закончил Билютин.

— Не теряйте его и вы, — заметил я. — Пошлите в Соколово вашего заместителя Ковалева, инженера и артиллериста и

наладьте с батальоном взаимодействие по обеспечению огнем стыка и минного поля между Тарановкой и Соколово в наиболее важных пунктах.

Уже в ночь на 4 марта чехословацкие бойцы заняли оборону в районе Миргороды, Соколово, Артюховка и приступили к ее оборудованию. Весть об их прибытии вызвала энтузиазм среди гвардейцев и местных жителей. Все понимали, что за батальоном Свободы стоит вся трудовая Чехословакия с верой в нашу конечную победу.

Так на северном берегу реки Мжа, где позиции 73-го полка почти вплотную примыкали к левому флангу чехословацкого батальона, между нашими гвардейцами и соседями завязалась крепкая фронтовая дружба. Воины делились табаком, обменивались сувенирами, рассказывали о боевом опыте, прекрасно понимая друг друга без переводчиков.

С утра на помощь батальону в строительстве оборонительных сооружений вышло население ближайших сел и хуторов.

Утром 6 марта разведчики Антонина Сохора из чехословацкого батальона установили выдвижение передовых частей противника в район леса у хутора Первомайский. Об этом мне по телефону сообщил подполковник Свобода. Я отправился к нему, и мы, обсудив обстановку, пришли к выводу, что ранее 8 марта гитлеровцы вряд ли начнут наступление. Им нужно время на подготовку. Но попытаться про рваться с ходу они могут. В общем, надо быть очень бдительными.

Вместе с Л. Свободой мы осмотрели оборону в Соколово. Пояснения давал командир 1-й роты надпоручик Отакар Ярош. Спокойно, со знанием дела доложил он свое решение и то, как и какими силами и средствами оно будет выполняться. Он очень хорошо знал все детали, и я подумал, что за эти дни Ярош наверняка не один раз бывал у каждого пулемета и орудия, на каждом участке обороны у Соколово.

Позиции выглядели внушительно. Они прикрывались минными полями, которые установили наши саперы, все станковые пулеметы стояли в дзотах, орудия находились в укрытиях вблизи площадок для ведения огня прямой наводкой. Хотя земля была еще мерзлой, позиции были связаны между собой траншеями. Особенно солидно оборудовали рубеж в районе церкви. Он возвышался над селом и позволял вести круговую оборону.

Час испытаний батальона Свободы приближался. Хотелось, чтоб его первый бой был удачным. Легко было понять командира батальона — от успеха этого боя зависит многое. Что же нужно

сделать, чтобы в условиях обороны захватить инициативу и первым нанести удар по врагу?

— Надо ударить огнем всей нашей артиллерии и авиацией по гитлеровцам в районах их сосредоточения, — высказал я свое мнение, когда мы вернулись на северный берег реки.

— Это было бы хорошим началом, — сразу поддержал Свобода.

Несколько позже я доложил обстановку командующему армией. Генерал Ф. М. Харитонов одобрил проводимые нами мероприятия, обещал поговорить со штабом фронта о привлечении авиации и порекомендовал провести артиллерийский налет по немцам перед рассветом 8 марта.

К этому дню 1-й отдельный чехословацкий батальон подготовил свой район к обороне. В предрассветных сумерках наша артиллерия открыла огонь по уточненным районам сосредоточения гитлеровцев.

С утра стояла нелетная погода. Но как только видимость улучшилась, летчики 291-й авиадивизии начали штурмовать врага. В лесах возникли пожары, над деревьями поднимался черный дым от горящих танков, быстро летели ввысь клубы дыма от взорвавшихся боеприпасов. Мы ждали атаки врага с минуты на минуту. Но противник был вынужден приводить свои части в порядок и только в половине второго дня перешел в наступление.

На Соколово двинулись два батальона фашистских автоматчиков и до 60 танков и самоходных орудий. Несмотря на такой перевес в силах и средствах, рота Яроша, поддержанная огнем артиллерии и танков с северного берега реки Мжа, где оборонялись главные силы батальона, держалась стойко.

В селе шел бой за каждый дом, сарай, перекресток. Узнав, что перед ними чехословацкие воины, фашисты дрались с особым ожесточением. Шестидесяти танкам гитлеровцев противостояла батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта П. П. Филатова, батарея 45-миллиметровых орудий старшего лейтенанта Н. А. Мутле, взвод 45-миллиметровых пушек подпоручика Иржи Франка — всего десять орудий. Только батарея Филатова подбила восемь танков и бронетранспортеров врага. Взвод лейтенанта Пономарева уничтожил пять танков, из них три — наводчик орудия сержант П. Е. Долгобрюхов. Иржи Франк, заменив погибший расчет, вел огонь по вражеским танкам до тех пор, пока сам не был сражен.

Беззаветное мужество проявили батарейцы старшего лейтенанта Н. А. Мутле. Когда гитлеровцы прорвали первую траншею роты О. Яроша, батарея мгновенно вышла во фланг танкам противника, с ходу развернулась и открыла огонь. За

считанные минуты она подбила пять танков и бронетранспортеров. Это дало возможность солдатам Яроша занять позицию в районе церкви. В этом бою был тяжело ранен и командир батареи Н. А. Мутле.

Переброшенные из Тарановки и прибывшие накануне в батальон танки 179-й танковой бригады из-за потепления уже не смогли пройти по льду реки на помощь защитникам Соколово.

Только с наступлением темноты 56 тяжело раненных чехословацких солдат удалось переправить к своим.

Уже поздно ночью остатки роты Яроша, получив приказ оставить Соколово, переправились на другой берег. В неравном бою, будучи несколько раз ранен, смертью храбрых погиб надпоручик Отакар Ярош, до последней минуты своей жизни руководивший боем. Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вражеская попытка уничтожить чехословацкий батальон провалилась. Более того, когда защитники церкви в Соколово уже не вели огонь, гитлеровцы подтянули туда три танка с огнеметами и направили огненные струи в разбитые окна в двери, и только после этого с опаской вошли в церковь.

В Соколово чехословацкие и советские воины показали высокие боевые качества — мужество, отвагу, стойкость. В тяжелых боях отличился весь батальон, но исключительный героизм, стойкость и бесстрашие проявили воины 1-й роты под командованием надпоручика Отакара Яроша и приданные роте артиллерийские подразделения П. П. Филатова, Иржи Франка и Н. А. Мутле. В тех боях кровью советских и чехословацких воинов была навеки скреплена дружба наших армий и народов.

В донесении за первый день боя подполковник Л. Свобода писал:

> «Состав группы обороны — 350 человек. В 13.00 около 60 танков, 15—20 бронетранспортеров, около батальона мотопехоты в маскхалатах проникли постепенно на северо-западную окраину Соколово и оттуда к церкви двумя колоннами. Немцы оперировали танками «Рейнметалл», открывали сильный огонь из орудий, а также массово применяли огнеметы, которыми сожгли поселок. Танки разбили постройки, занимаемые нашими воинами, и уничтожили все дзоты со станковыми пулеметами. Вражеская пехота вела сильный минометный огонь. В 16.00 пехота и автоматчики проникли в поселок с хуторов Куряче и Прогоня на юго-восточную окраину поселка. Бой продолжался в

> окружении, в церкви и окопах возле нее. В результате враг занял Соколово. Реку Мжа не перешел. Подбито или сожжено 19 танков, 4—6 бронетранспортеров с автоматчиками. Враг потерял около трехсот убитыми. В случае поддержки обороны хотя бы десятью танками, Соколово было бы удержано. К 9 марта 1943 года батальон занимает оборону — Миргороды, Артюховка, в том числе промежуток между Миргородами и Артюховкой обороняется четырьмя танками 179-й танковой бригады и артдивизионом…»[4].

Бои в Тарановке и Соколово близки между собой не только по времени и расстоянию. В них есть еще то общее, что заключается в их трагичности, их пафосе и героизме, та общая большая цель, которая стояла перед советскими и чехословацкими воинами, — освобождение своей родной земли.

Еще много дней шли бои на рубеже Тарановка, Артюховка, Миргороды. Тем временем к 9 марта ударная группировка нашей 6-й армии сосредоточилась для нанесения контрудара из района Змиева в направлении Новой Водолаги. 81-й и 73-й полки заняли исходное положение для наступления на Соколово, которое находилось на фланге войск, наносивших контрудар. Туда же мы переместили и НП дивизии.

В ночь на 10 марта в Соколово внезапно вместе с подразделением 81-го полка ворвалась и 2-я рота чехословацкого батальона, которой командовал надпоручик Ян Кудлич. Она овладела юго-восточной окраиной Соколово, отвлекла на себя часть сил противника и, нанеся ему потери, после контратаки немецких танков отошла на исходное положение.

В целом контрудар не привел к решающему перелому в обстановке, зато отвлек крупные силы немецко-фашистских войск от решения главной задачи — окружения наших войск в районе Харькова и овладения этим городом.

1-й отдельный чехословацкий батальон прочно удерживал занимаемый рубеж по северному берегу реки Мжа до 13 марта, когда по приказу командующего 3-й танковой армией убыл в резерв Воронежского фронта. Боевое крещение чехословацкие братья выдержали блестяще. 84 солдата и офицера вместе со своим командиром подполковником Л. Свободой были награждены орденами и медалями СССР.

Как известно, гитлеровцы 14 марта 1943 года вторично захватили Харьков. Но реванша за Сталинград у них не получилось. Враг вынужден был два раза менять направление

главного удара. Шесть дней он топтался на рубеже Тарановка, Змиев и, не добившись успеха, переключился на рубеж Мерефа, Соколово, где потерял еще пять дней. Наши войска получили возможность отойти, подтянули резервы и к 23 марта в полосе Воронежского фронта окончательно остановили противника.

В этих боях важную роль сыграли 25, 48, 62-я гвардейские дивизии и 1-й отдельный чехословацкий батальон с частями усиления. Героической обороной занимаемых рубежей они надолго задержали врага, не позволив ему выйти в тыл наших войск восточнее Харькова и завершить их окружение.

Так закончилось участие дивизии в Харьковской операции.

После боев у Соколово 1-й отдельный чехословацкий батальон был развернут в 1-ю отдельную чехословацкую бригаду под командованием полковника, а потом генерала Людвика Свободы. Она участвовала в освобождении Киева, Белой Церкви и других городов. В дальнейшем на базе бригады, как известно, был развернут 1-й чехословацкий армейский корпус, который после тяжелых боев за Дуклинский перевал вместе с частями Красной Армии вошел победителем в столицу Чехословакии Прагу.

Так в огне сражений Великой Отечественной войны советского народа и его армии за свою свободу и независимость, за освобождение от ига фашизма народов Европы родилась и развивалась чехословацкая Народная армия, крепло боевое братство чехословацких и советских воинов, которое сейчас, спустя сорок лет, выковалось в нерасторжимое, стальное единство двух братских стран и армий.

…В составе нашей делегации один из оставшихся в живых героев-широнинцев — Иван Григорьевич Вернигоренко, председатель правления соколовского колхоза Николай Павлович Легеза и ряд других товарищей. Возглавляет ее бывший член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант К. В. Крайнюков.

Недолгий полет от Москвы до Праги. Встречает нас генерал-полковник Владимир Янко.

— Вы, наверное, не помните меня, товарищ генерал? А я вас сразу узнал…

— Как это не помню!.. Командир третьей роты надпоручик Владимир Янко. Ваша рота отлично сражалась в районе Миргородов под Соколово. Рад видеть вас живым и здоровым! Пройти от Соколово до Праги довелось не многим…

Садимся в машины и направляемся в отведенный для нас домик, где будет наша постоянная база на время пребывания в Чехословакии.

Вечером едем на торжественное собрание, посвященное двадцатилетию боев у Соколово. В кулуарах нас тепло встречает генерал армии Людвик Свобода. Смотрю на него, пытаясь уловить запомнившееся выражение лица, жесты, улыбку. С тех пор Л. Свобода почти не изменился, и кажется, что все было недавно.

К нам подходят бывшие офицеры и солдаты батальона. Постаревшие, но оживленные и радостные, полные воспоминаний, они тепло приветствуют нас. И я думаю о том, как много сделали эти люди, чтобы вот так, сегодня, через двадцать лет встретиться в Праге.

Нас приглашают в президиум. С докладом выступает генерал армии Л. Свобода. Он говорит по-чешски, кое-что я понимаю сам, многое любезно переводит сидящий рядом незнакомый товарищ.

— Нет, и в 1938 году мы не были одиноки! — вспоминает Свобода. — С нами был Советский Союз. Советское правительство заверило президента Бенеша, что в любом случае оно готово оказать нам помощь… Однако наше правительство от нее отказалось…

Людвик Свобода рассказывает о гнетущей обстановке того времени в захваченной гитлеровцами стране, о бегстве многих тысяч патриотов в Советский Союз и формировании в Бузулуке первой чехословацкой воинской части.

Когда он говорит о боях чехословацкого батальона под Соколово, о помощи, которую ему оказало наше командование, — люди встают и бурно аплодируют…

Встречи с рабочими, крестьянами, воинами чехословацкой Народной армии. И всюду люди просят рассказать о боях в Тарановке и Соколово. Иван Григорьевич Вернигоренко, один из ныне здравствующих широнинцев, стал центром внимания нашей делегации. Ему в первую очередь адресовались восхищенные взгляды и улыбки, предназначалось тепло рук сотен совсем незнакомых людей…

В дни нашего пребывания в Чехословакии в русском переводе вышла хорошо известная советскому читателю книга Л. Свободы «От Бузулука до Праги». Вручая ее мне, Свобода на заглавном листе по-русски написал:

> *Дорогому товарищу генералу П. М. Шафаренко, бывшему командиру 25-й гвардейской дивизии.*
>
> *На добрую память о совместной борьбе против немецких оккупантов и с признательностью за оказанную помощь Чехословацкому батальону, который под Вашим командованием прошел в первый раз боевым огнем на реке Мже под селом Соколово, в котором была кровью спаяна*

дружба советского и чехословацкого народов.

С глубоким уважением Л. Свобода.

Прага. 4 марта 1963 года».

С большой благодарностью принял я этот подарок. Значит, не забыта боевая дружба и, как много лет назад, осталась она крепкой и горячей.

Накануне отъезда из Чехословакии к нам пришли Л. Свобода, Б. Ломский, О. Рытырж и другие товарищи из руководства Министерства обороны. Мы делились впечатлениями о нашей поездке по стране, вспоминали былое. Не помню сейчас, кто из хозяев рассказал:

— Когда наш батальон в ночь со второго на третье марта 1943 года совершал марш к фронту, на подходе к полосе обороны 25-й гвардейской дивизии встретился нам штабной офицер. Он остановил нас и рассказал, что в Тарановке идут очень тяжелые бои и танковые колонны гитлеровцев с минуты на минуту могут прорваться на Харьков по этой дороге. А в нашем, еще не обстрелянном батальоне, кроме восьми противотанковых ружей и двух 45-миллиметровых пушек, ничего не было.

С тревогой думали мы о том, что будет, если гвардейцы не удержат Тарановку. Это был не страх боя или смерти, это было нечто большее. Надеждам на будущее нашей Родины угрожала, казалось, неотвратимая опасность.

Конечно, мы не пали духом, наоборот — немедленно усилили разведку и головную заставу, выдвинули вперед наши два орудия и противотанковые ружья, дополнительно роздали противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Люди были готовы, и выход вражеских танков не застал бы нас врасплох. Но пережили много тяжелых часов, пока не вышли в указанный нам район. Ваши гвардейцы выстояли и дали нам возможность хорошо подготовиться к первой встрече с врагом.

…Через 30 лет, 2 марта 1973 года, на месте боев в селе Тарановке Харьковской области отмечался героический подвиг гвардейцев взвода П. Н. Широнина. Тысячи людей со всего района пришли на митинг, посвященный этому знаменательному событию. Приехала сюда из далекого Кирса Кировской области жена Петра Николаевича Галина Федоровна Широнина. Со всех концов страны прибыли отдать долг погибшим героям их родные и ветераны 25-й гвардейской дивизии.

Были здесь и оставшиеся в живых Герои Советского Союза широнинцы — Иван Григорьевич Вернигоренко и Александр

Николаевич Тюрин. Слушая их рассказы о событиях тех лет, люди плакали. Глядя на них, я думал о том, что не забыл наш народ Великую Отечественную войну и никогда не забудет.

Потом состоялось возложение венков на могилу героев. Уже не видно ее под горой цветов, а люди все идут…

…Но вернемся назад.

В конце марта в крайне тяжелой обстановке оказалась вся дивизия. После сражения за Тарановку, Змиев и северный берег реки Мжа полки соединения, ведя бои с перевернутым фронтом и в окружении, закрепились в селе Мохнач. За него уже четверо суток шли ожесточенные бои. Восточнее село прикрывал лес, через который выходили наши войска из района Харькова, снова занятого врагом. Недобрая эта весть вызвала у нас ярость, непреоборимое желание бить врага еще сильнее… В то время мы не знали истинных причин вторичного захвата немцами Харькова. И, когда 23 августа наши войска вновь освободили город, мы приняли этот успех как должное, хотя и понимали чего он стоит…

…Вместе с заместителем по политической части полковником П. Н. Павловым наблюдаем за ходом боя. Мимо нас, помогая друг другу, идут на медпункт раненые.

— Наверное, — говорит Павел Никанорович, — только в армии командиру дано решать, кому жить, а кому умирать…

— Что ты имеешь в виду?

— Дивизия истекает кровью, а надо стоять, не дать врагу захватить лес, ведь еще столько людей выходит через него…

— В этом праве командира — сила армии. Но нужно, чтоб его решение было понятным. Вот как сейчас…

19 марта гитлеровцы, сосредоточив крупные силы, заняли северную и южную часть Мохнача. В наших руках остался только центр села и лес восточнее. Я искал выхода из тяжелого положения. Хотя мой наблюдательный пункт был невдалеке, оставшиеся деревья и постройки закрывали наблюдение. Только с переднего края можно было разобраться в обстановке, определить, каким образом, какими силами и средствами восстановить положение. Сделать это надо было, не привлекая внимания врага.

С адъютантом и двумя разведчиками отправились в Мохнач. Противник вел интенсивный артиллерийский и минометный огонь. Тщательно маскируясь, мы вышли к сельской школе. Отсюда были видны строения, занимаемые гитлеровцами, и лес западнее. Здесь оказался и помощник начальника штаба 73-го полка старший лейтенант В. Я. Аристов. О его храбрости и

безотказности в работе мне рассказывали бывший командир полка А. С. Белов и нынешний — Н. Г. Штыков. Штабной командир полкового звена Аристов в ходе боя часто бывал в подразделениях, вместе с ними добиваясь выполнения поставленных задач.

Быстро разобрались в обстановке и уже собрались уходить, как вдруг из района строений, занимаемых противником, вверх полетели многоцветные ракеты, обозначив коридор, занятый нашими подразделениями. Из-за леса прямо на нас на небольшой высоте шло звено вражеских самолетов «Ю-87». Невдалеке раздались первые взрывы бомб.

— Ложитесь, товарищ генерал! — услышал я голос Аристова. Кто-то с силой бросил меня на дно канавы и я почувствовал, как на меня навалилось несколько человек, прикрыв от огня с самолетов.

Вступила в действие святая солдатская заповедь: «Сам погибай, но командира выручай». На дне канавы под грузом навалившихся на меня тел, я слышал только приглушенные звуки рядом рвущихся бомб и чувствовал, что задыхаюсь. Наконец налет кончился. Поднявшись я увидел, что мои спутники целы и невредимы.

— А кто все-таки так непочтительно бросил меня на дно канавы? И потом — вы коллективно чуть не задушили меня.

Мы весело смеялись, как будто и не было только минуту назад этого налета, когда жизнь каждого висела на волоске.

Глядя на своих боевых товарищей, я думал о том, что война приучила нас ценить каждый миг жизни, а если надо, не задумываясь, отдавать ее…

…После войны, проходя службу в Новосибирске, я узнал, что на одном из заводов в городе работает мой бывший заместитель по тылу в 25-й гвардейской дивизии полковник В. Ф. Писарев. Своим мужеством и инициативой тыловики оставили о себе добрую память, и встретились мы с Писаревым тепло.

— Вы помните, Вениамин Федорович, бои южнее Харькова, когда гитлеровцы в марте 1943 года перешли в контрнаступление? После сражения за Тарановку и Змиев полки вели бои в отрыве друг от друга, с перевернутым фронтом и даже в окружении. Как удавалось вам доставлять им боеприпасы, горючее, продовольствие?.. Ведь по основным дорогам в нашем тылу уже шныряли вражеские разведчики.

В. Ф. Писарев улыбается…

— К этому надо добавить, что обстановка быстро менялась и точных координат частей у нас не было. Известны были только

направления, на которых шли бои. После освобождения Харькова, — продолжает Вениамин Федорович, — в дивизионных тылах скопилось много трофейных машин и мотоциклов. Чтобы быстрее найти части и не попасть с ходу в руки врага, мы организовали из них на каждое направление подвижную группу из груженых автомашин во главе с офицером. Впереди, на мотоциклах, снаряженных пулеметами, шла разведка. В тот день сильно подмерзло. Полевыми и лесными тронами, обходя противника и расчищая путь от его мелких групп, без опаски двигавшихся навстречу, гвардейцы-тыловики прорвались к своим…

Мы немного помолчали.

— А последний день боев за село Мохнач, — вспоминает Писарев. — К тому времени дивизионные тылы сосредоточились за рекой Северский Донец в селе Скрипаи. В наших руках остался только центр села. Гитлеровцы наседали с трех сторон, стремясь отрезать дивизию от переправы. Враг накрывал ее плотным огнем. Кругом рвались снаряды и мины…

— И в этот момент я приказал вам ускорить подачу боеприпасов.

— Да, — говорит Вениамин Федорович, — но как это сделать? Накануне резко потеплело и лед на реке покрылся водой, затопив у южного берега подходы к мосту. Кто-то предложил подвезти грузы на конных повозках, прямо через реку. И вот, по пояс в воде, скользя и падая на льду, гвардейцы, облепив повозки, помогают лошадям. Несколько упряжек ушло под лед, немало людей погибло от огня противника, но боеприпасы были поданы вовремя…

Тяжелый бой за Мохнач и лес восточнее его закончился в ночь на 22 марта. Дивизия отошла на южный берег реки Северский Донец и по приказу заняла оборону по рубежу — озеро Бакайка, лес западнее села Скрипаи.

В любом виде боя и операции победившей является та сторона, которая добилась своих главных, решающих целей. Вторично овладев Харьковом, гитлеровцы не смогли добиться того, к чему стремились. Наши войска сумели отойти на новые рубежи, подтянуть резервы и остановить противника. Создавались возможности для успешной подготовки кампании 1943 года, началом которой явилась Курская битва.

…На фронте наступило затишье. Как мы теперь знаем, обе стороны готовились к решающим сражениям лета 1943 года. Сдав полосу обороны, дивизия 23 марта вышла в армейский резерв и

сосредоточилась в районе Великие Хутора, Юрченково, Мостовец — на середине пути между Купянском и Чугуевом. Штаб дивизии расположился в селе Раевке.

Противник был еще силен, и, чтобы обеспечить нашу устойчивость, войска перешли к жесткой, глубоко эшелонированной, противотанковой и противовоздушной обороне. К этому времени мы уже отказались от ячеечной системы обороны. В армиях первого эшелона оборудовались три полосы обороны общей глубиной в 30—50 километров. Главная полоса состояла из батальонных районов обороны, противотанковых районов и опорных пунктов, соединенных между собой траншеями и ходами сообщения, усиленных системой заграждений. Кроме того, на отдельных направлениях оборудовались еще отсечные и промежуточные полосы и позиции.

В ходе сражений на Дону, за освобождение Харькова и отражения в марте 1943 года контрнаступления гитлеровцев — дивизия понесла крупные потери, в ней осталось около 30 процентов штатного состава. Многие подразделения были расформированы и сведены. Не хватало вооружения и техники. Нам предстояло в ограниченные сроки, одновременно с выполнением большого объема оборонительных работ, укомплектовать дивизию и обучить ее.

Начало прибывать пополнение. Из госпиталей — фронтовики и наши гвардейцы, стремившиеся любыми путями вернуться в свои части. Необстрелянная, а часто и необученная молодежь. С армейских, фронтовых и центральных курсов поступал командный состав. С ними, на традициях дивизии, проводилась большая воспитательная работа. С командирами рот и батальонов, до назначения их на должность, я беседовал сам.

Велика была потребность в младших командирах. Учебный батальон дивизии не успевал с их обучением. Пришлось дополнительно из числа старых гвардейцев и фронтовиков организовать их подготовку в частях. В соединении и полках проводились сборы пулеметчиков, истребителей танков, снайперов, разведчиков… В сжатые сроки, но с соблюдением последовательности в обучении, шла подготовка подразделений, частей и штабов. Практика формирования дивизии, боевой опыт, добытый нами в тяжелых сражениях с врагом, помогали командирам и политработникам успешно решать многочисленные задачи. Шло время. На наших глазах вновь возрождались роты и батареи, батальоны и дивизионы. Возникли мощные рубежи обороны, насыщенные огневыми точками, блиндажами, дзотами, противотанковыми и зенитными средствами и заграждениями.

В конце мая в дивизию прибыл командующий войсками Юго-Западного фронта Родион Яковлевич Малиновский. Держался он просто, но был озабочен. Приезд командующего фронтом в дивизию не простое дело. Наверное, — думал я, — нам предстоят серьезные задачи. И по тому, что интересовало Малиновского, я пытался сделать вывод о ближайшем будущем. Мы побывали с ним на оборонительных работах и учебных полях. Оценили организацию обороны на танкоопасных направлениях и стыке с правофланговой 57-й армией. Командующий интересовался состоянием дивизии и настроением людей. Старые гвардейцы, участники недавних сражений чувствовали себя героями.

Били мы фашистов и будем бить. Пока не освободим нашу землю…

Уверенно чувствовала себя и молодежь. Большая работа, проведенная с молодыми по обучению и воспитанию, вызывала у них стремление идти в бой немедленно, сказалась на их успехах и учебе, хорошем внешнем виде и общей подтянутости.

— Вам приходилось встречаться с новыми танками и самоходно-артиллерийскими установками гитлеровцев?

— В ходе отражения контрнаступления немцев под Харьковом в районе Нового Мерчика, а потом в Тарановке и Соколово мы вели бои с «тиграми», «пантерами» и «фердинандами». Тогда у нас были большие потери в артиллерии, стоявшей на прямой наводке.

— Надо отработать со всеми командирами тактико-технические данные этих танков и способы борьбы с ними. На днях из политуправления фронта получите «памятку». Ее следует изучить и практически, в ходе занятий и учений, на макетах танков и самоходных орудий, обучить людей методам борьбы с этой новинкой врага.

После небольшой паузы командующий говорит:

— Расскажите мне подробней о широнинцах…

Я рассказываю.

— Есть героические поступки, — говорит Родион Яковлевич, — которые при всей своей важности посильны одиночному воину. Их великое множество и значение их огромно. Но есть подвиги, осуществимые только подразделением, частью, соединением. Таким примером является бой взвода лейтенанта Широнина, не допустившего одновременного удара по Тарановке танков противника. Он открыл нам новые резервы мужества, еще раз показал, как надо сражаться за свою землю…

…5 июня 1943 года. В этот день мы узнали о начале наступления немецко-фашистских войск в районе Курского

выступа. На следующий день в дивизию, на совещание актива, приехал член Военного совета 6-й армии генерал-лейтенант авиации Василий Яковлевич Клоков. Он рассказал, что в районе севернее и южнее Курска идут тяжелые сражения с мощными группировками гитлеровцев, стянувших силы и средства со всей Европы.

Василий Яковлевич пользовался в армии большим уважением. Был заботлив, с плеча не рубил, не торопился с выводами, тщательно разбираясь в сложившейся обстановке. С ним можно было поговорить «по душам» по любому вопросу.

— Надо, наверное, — спрашиваю я В. Я. Клокова, — предусмотреть возможность переброски нашей дивизии под Курск, поскольку мы находимся в резерве?

— Все будет зависеть от обстановки в районе сражения… Но такой вариант не исключен…

Совещание актива прошло хорошо. Василий Яковлевич объяснил коммунистам обстановку и призвал их к еще большему напряжению сил в работе и учебе, к постоянной боеготовности. Недавние участники сражений хорошо знали, как надо воевать с сильным, оголтелым врагом, и выступали с конкретными предложениями по повышению качества работ и эффективности учебы.

…Отразив под Курском вражеские атаки, наши войска перешли в контрнаступление. Грохот танкового сражения у села Прохоровки тревогой отдавался в наших сердцах. Мы понимали, что от исхода этой битвы зависит многое, и в первые дни не теряли надежды, что команда последует и нам.. Но шли дни. Набирая силы, наши войска сметали на своем пути танковые дивизии гитлеровцев… Впереди лежал взорванный врагом Донбасс. Готовились к наступлению и мы…

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

В ноябре 1943 года я был назначен командиром 119-й гвардейской дивизии. К этому времени началось освобождение Белоруссии. Войска 3-й ударной армии, в состав которой входило соединение, блестяще провели Невельскую операцию. Город Невель прикрывал рокадную железную дорогу Дно — Новосокольники — Невель. Она давала гитлеровцам возможность маневра вдоль всего левого крыла восточного фронта. С освобождением Невеля перед нашими войсками открылся путь для наступления на Витебск, Городок и Новосокольники. С лихорадочной поспешностью враг подбрасывал в этот район резервы.

Знакомясь с частями, я прибыл в 343-й полк. С его командиром Иваном Васильевичем Куликом мы были знакомы еще с времен боев за Сторожевский плацдарм на Дону. Тогда он был заместителем командира 81-го полка 25-й гвардейской дивизии.

— В каких боях, — спросил я Ивана Васильевича, — участвовал полк в последнее время?

— В наступлении, обороне, в окружении…

— В окружении! Как это случилось?

— Выполняли задачу. Хотели перерезать железную дорогу и шоссе Новосокольники — Резекне. Я принял полк уже после выхода его из окружения. Знаю об этих боях из документов и рассказов участников.

— Расскажите, пожалуйста!

— В первых числах ноября, — начал И. В. Кулик, доставая карту, — войска 3-й ударной армии прорвали оборону противника на участке озеро Благинье, Дзержинкино и в трудных условиях бездорожья и болот пошли вперед. В этой операции участвовала и 119-я гвардейская дивизия. 343-й стрелковый полк подполковника Г. Д. Фокина в ходе боев первым вышел на шоссе Невель — Пустошка. Развивая успех, батальоны капитанов П. С. Дроздовского и А. С. Саленко стали с двух сторон обходить сильно укрепленный пункт врага — Большое Таланкино. Под угрозой окружения гитлеровцы бежали.

К 11 ноября, в связи с возросшим сопротивлением противника, часть закрепилась на достигнутом рубеже. Примерно в полдень прибыл заместитель командира дивизии полковник И. П. Микуля с приказом:

«343-му полку к рассвету 12 ноября сдать занимаемый участок обороны 245-й стрелковой дивизии и в ночь на 13 ноября, тщательно маскируясь, выйти в Подберезье. Внезапным ударом овладеть Белое, Ивчина, Шуманец, взорвать в этом районе железнодорожный и шоссейный мосты и прочно закрепиться, не допуская отхода противника на Пустошку».

Для выполнения задачи часть усиливалась артиллерийским дивизионом и ротой саперов. 341 и 344-й полки оставались в обороне. Местность здесь лесисто-болотистая, трудно проходимая, с большим количеством озер, что позволяло небольшими силами организовать оборону но отдельным направлениям. Село Подберезье находится в глубине обороны противника на удалении в 12—15 километрах от нашего переднего края. Маршрут полка проходил через два перешейка: Южный — между озерами Ущо и Рудо шириною 2 километра, и Северный — между озерами Ущо и Усвеча шириною 1,5 километра.

Неудачи начались с самого начала. На высоте 188,9, прикрывая южный перешеек, окопалось до роты противника. Бездорожье и ночь не позволили осуществить маневр на ее уничтожение и, обстреляв наше охранение, гитлеровцы отошли. Так была потеряна внезапность. И уже дальше, на всем пути до Подберезья, перед частью отходили все более крупные подразделения врага. На выгодных рубежах они переходили к обороне, заставляя развертываться наш передовой батальон и вступать с ними в бой. Темп продвижения был низок.

В район Подберезья полк вышел только к утру 14 ноября.

Уже в 12 часов последовали две встречных контратаки: одна из района Броды силою до пехотного батальона с ротой танков и штурмовых орудий. Другая из села Рабле силою до батальона. В ходе их пулеметной очередью тяжело ранило находившегося в боевых порядках заместителя командира дивизии полковника И. П. Микуло. Весь день и ночь продолжались тяжелые бои. Мосты так и не были взорваны.

В такой обстановке, чтобы нарастить силы и выполнить поставленную задачу, командир дивизии с рассвета 15 ноября ввел в бой 344-й полк. Прикрыв батальоном северный перешеек между озерами Ущо и Усвеча, полк главными силами пошел на Нефедьево — Никулино, создавая противнику угрозу с фланга. Развернулись ожесточенные бои.

Во второй половине дня 16 ноября гитлеровцы, подтянув крупные резервы (6-ю пехотную дивизию), концентрированным

ударом на урочище Ореховая Боровина окружили наш полк, а 344-й отбросили в лес севернее высоты 188,9.

Начались бои в окружении. Не хватало боеприпасов, некуда было эвакуировать тяжело раненных. Но люди стойко удерживали занимаемые рубежи. В эти дни было совершено немало подвигов. Заместитель командира полка майор А. С. Муругов неоднократно поднимал бойцов в контратаки и был тяжело ранен. Заместитель командира первого батальона старший лейтенант П. Т. Гурин из противотанкового ружья подбил четыре танка и погиб как герой на поле боя.

18 ноября встречным ударом фронт окружения был прорван и полк соединился с частями дивизии.

Мы немного помолчали.

— Время теперь уже не то, — говорит И. В. Кулик. — Сейчас и окружение принимается по-другому. С таким превосходством в силах и средствах окружить наш полк было не трудно. А вот чтоб выбраться из «кольца», потребовались настоящее мастерство командиров, стойкость и отвага всего личного состава. Участники боев рассказали, как умело организовал демонстрацию удара полка в ложном направлении адъютант старший батальона старший лейтенант А. А. Баранов. Действуя мелкими группами на широком фронте, используя трофейное оружие для ведения огня с разных позиций, Баранов ввел гитлеровцев в заблуждение. Часть хорошо подготовленным встречным ударом прорвала вражеское кольцо и соединилась с 344-м полком.

…Вместе с командиром 341-го полка З. Д. Комаровым я объезжал участок обороны полка. Перед вечером, уставшие и замерзшие, мы приехали на его наблюдательный пункт. Перед нами расстилалось озеро Ущо. Сильный ветер гнал по нему крупные волны. Вдали просматривался берег, занятый врагом.

— Трудно будет полку удержать 16 километров фронта. Ведь людей у меня осталось меньше половины…

Командир полка Зиновий Данилович Комаров уже в годах. С первых дней войны на фронте. За его плечами первая мировая и гражданская. К его мнению я прислушиваюсь.

— Да, — соглашаюсь, — не легко, хотя ваш участок и меньше других…

Мы закуриваем…

— Говорят, что наступление — лучший вид обороны. Наступать, конечно, у нас нечем, но создать у гитлеровцев впечатление, что мы к этому готовимся, — сил хватит. Что, если ночью провести разведку боем острова, взять пленных, установить характер немецкой обороны?..

— На лодках через озеро? — уточняет Комаров.

— Да!.. Моряки у вас еще остались?

Командир полка схватывает быстро.

— Держать гитлеровцев в напряжении, чтоб они к нам не лезли, — это идея. А моряки у нас еще здравствуют…

Тут же мы обсудили с ним состав отряда — рота автоматчиков капитана Зайцева, отделение саперов, отделение разведчиков, командир взвода управления артдивизиона с радиостанцией для вызова огня…

— Как подойти к острову? Ведь только стемнеет, гитлеровцы начинают освещать подходы к берегу ракетами…

— Надо установить тщательное наблюдение за противником, — как бы оценивая значение каждого слова, предлагает Комаров, — определить места пуска ракет, а когда отряд приблизится к острову, огнем минометов подавить ракетчиков на время, какое потребуется, чтобы подойти к берегу.

— Согласен! Проведите ночные тренировки на одном из озер, невидимых противнику. Определите, на каком расстоянии при свете ракет видны будут лодки на подходе к берегу? Сколько времени потребуется, чтобы преодолеть это расстояние? Установите порядок атаки с лодок, имея в виду, что не всюду можно прыгать в воду — озеро и у берега глубокое…

…29 ноября. Полночь. Вместе с командиром полка мы стоим на наблюдательном пункте. Только что к острову на пяти больших рыбацких лодках ушел отряд капитана Зайцева. Очень темно и холодно. На той стороне редкие вспышки ракет. Медленно тянутся минуты ожидания. Связь с отрядом до начала атаки только радиосигналами. Мы молчим. Вскоре становятся слышны далекие разрывы мин. Над островом стало темно.

— Значит, — думаю я, — минометчики с задачей справились…

— От «Лисы»! — докладывает радист. — Сигнал 333.

— Пошли в атаку, — расшифровывает Комаров и, присев на корточки, закуривает папиросу, пряча ее в рукав шинели.

— Проверьте, есть ли связь с командиром взвода управления дивизиона, — говорю я полковому артиллеристу. — Скоро ведь придется прикрывать отход…

Он звонит в дивизион, а потом докладывает, что связь есть. Командир взвода рядом с Зайцевым, идет сильный бой… и плохо слышно.

Над островом появляется красная ракета. И сразу, прикрывая отход отряда, загрохотала наша артиллерия. Ведут огонь орудия и минометы врага. Над озером рвутся мины, а ближе к берегу — снаряды. Одна за другой взмывают вверх осветительные ракеты.

— Теперь, — говорю я, — гитлеровцы, наверное, не одну ночь будут бодрствовать…

Гудит зуммер телефона. Комаров берет трубку. И я слышу доклад начальника штаба полка, встречающего отряд на берегу.

— Подходят… Первая лодка с разведчиками причалила. Взято два пленных, оба легко ранены…

— Капитана Зайцева, — приказывает командир полка, — как причалит, на моей машине сразу ко мне…

А тяжелая ноябрьская ночь кажется бесконечной. Противник ведет редкий методический огонь, усиленно освещая местность…

— Товарищ генерал! — неожиданно услышал я голос капитана Зайцева. — Разрешите доложить командиру полка о выполнении задачи?

— Докладывайте!

— Товарищ полковник! Рота автоматчиков задачу выполнила. Взято в плен два немецких ефрейтора. Оба из 501-го пехотного полка 290-й пехотной дивизии гитлеровцев. В роте два раненых и три убитых…

Когда через неделю наши разведчики захватили пленного на другом участке, он подтвердил, что после налета на остров гитлеровцы повысили бдительность и боеготовность. Активизацию нашей разведки они объяснили подготовкой к наступлению…

…В начале 1944 года меня вызвали на командный пункт 3-й ударной армии. Не зная причин вызова, я строил в пути всякие предположения и наконец пришел к выводу, что, видимо, готовится операция, поскольку по телефону не было ничего сказано.

После общей ориентировки о предстоящем наступлении командарм генерал-полковник Н. Е. Чибисов и находившийся у него командующий 2-м Прибалтийским фронтом генерал армии М. М. Попов тепло поздравили меня и вручили редкую для того времени награду — чехословацкий орден «Военный крест 1939 года». Им я был награжден за совместные боевые действия под Соколово с 1-м отдельным чехословацким батальоном подполковника Людвика Свободы.

— Я знаю об этих боях, — сказал Маркиан Михайлович Попов. — 25-я гвардейская дивизия в ходе отражения в марте 1943 года контрнаступления гитлеровцев проявила исключительную стойкость, не пустив с юга на Харьков их танковые корпуса. Враг был вынужден дважды менять направление наступления, потерял дорогое время и большие возможности. Вскоре во всей полосе Воронежского фронта его

контрнаступление было остановлено.

— Вы, кажется, участвовали в этой операции? — спросил командующего Николай Евлампиевич Чибисов.

— Да! И пришел к очень интересному выводу. Успех вдохновляет войска, но в ряде случаев притупляет их бдительность, остроту оценки обстановки командирами и штабами. Вот посудите сами. Выход наших войск в феврале 1943 года к Днепру у Полтавы, Днепропетровска, Запорожья создавал для гитлеровцев критическую обстановку. Дальнейшее развитие наступления грозило им рассечением Восточного фронта и потерей Левобережной Украины. Не допустить этого — такова была ближайшая задача гитлеровского командования. Была и еще одна задача — реванш за Сталинград.

Пользуясь отсутствием второго фронта, немцы начали сосредоточивать в районах Красноград, Красноармейского крупные силы танков, мотопехоты, артиллерии и авиации. Связанные с этим перегруппировки и частичный отвод войск командование Юго-Западного и Воронежского фронтов посчитало началом отхода противника за Днепр и требовало от армий повысить темпы наступления, захватить плацдармы на правом берегу Днепра до начала распутицы.

Сопротивление врага все время возрастало. Мы шли вперед, хотя условий для этого уже не было. Войска оторвались от баз снабжения, дороги и мосты разрушены, потери в людях и технике не восполнялись. В подвижной группе войск Юго-Западного фронта, которой я в то время командовал, в танковых корпусах оставалось по 8—15 исправных машин. Отходя, противник разрушил в прифронтовой полосе аэродромы, и соединения почти полностью лишились поддержки авиации.

Взяв со стола лист чистой бумаги и цветной карандаш, Маркиан Михайлович в ходе дальнейшего разговора пояснял его тут же набросанной схемой.

19 февраля враг неожиданно перешел в контрнаступление. Танковый корпус СС из района Красноград нанес сильный удар по правому флангу 6-й армии Юго-Западного фронта. К исходу дня в ее полосе образовался 35-километровый разрыв, не занятый войсками. Одновременно 40-и танковый корпус врага, поддержанный крупными силами авиации, нанес из района южнее Красноармейского встречный удар по подвижной группе фронта. Против оставшихся у нас в первой линии 15—20 боевых машин действовало около 200 танков немцев. Охватывая подвижную группу с трех сторон, враг начал ее теснить и к исходу 21 февраля захватил Красноармейское.

На следующий день в контрнаступление навстречу танковому

корпусу СС перешел 48-й танковый корпус немцев. 23 февраля они соединились в районе Павлограда и устремились на Лозовую — Харьков. С тяжелыми боями войска правого крыла Юго-Западного фронта были вынуждены отойти за реку Северский Донец. Левое крыло Воронежского фронта оказалось открытым. Мы вторично потеряли Харьков…

— Вовремя остановиться — не простая задача, — заметил Н. Е. Чибисов. — В условиях успешного наступления и особенно преследования трудно определить момент, когда противник пришел уже в себя, готов к ожесточенному сопротивлению, а часто и к реваншу. Да и надо преодолеть свой собственный психологический барьер, вызванный успехом, чтобы можно было здраво оценить обстановку…

…27 января 1944 года. В тот день мы узнали о полном освобождении от вражеской блокады города Ленина. В первые мгновения энтузиазм и радость, казалось, вытеснили все другие чувства и мысли. И лишь когда мы успокоились, пришли раздумья. С чем сравнить эту победу? По военной значимости ее, наверное, можно поставить в один ряд с разгромом гитлеровцев под Москвой и Сталинградом. По моральное значение снятия блокады с голодающего, расстрелянного Ленинграда нельзя было сравнить ни с чем…

Город этот был мне особенно дорог. В нем прошли мои студенческие годы. Какое это было время! Нам — сиротам и бывшим беспризорникам, детям рабочих и крестьян, Советская власть открыла дорогу в жизнь. В 1928 году двадцатилетним пареньком с путевкой грозненского профсоюза строительных рабочих я впервые приехал в Ленинград для сдачи вступительных экзаменов. Звон трамваев, гудки машин, на улицах и проспектах шумные толпы людей…

Ученье доставалось тяжело. Стипендии не хватало. Приходилось подрабатывать. Я поступил кочегаром в одну из лабораторий академика А. Ф. Иоффе, находившуюся поблизости от Политехнического института. Работать приходилось ночью. На лекциях хотелось спать, даже простые вопросы воспринимались туго. По молодость, дружба, революционная романтика того времени помогали во всем. В 1932 году, окончив Ленинградский институт инженеров путей сообщения, куда меня перевели из Политехнического, я был призван по спецнабору в Красную Армию…

Уже после войны узнал, что, по данным Чрезвычайной Государственной комиссии, в Ленинграде погибло от голода 641.803 человека. На какое-то мгновение я представил себе город

в дни блокады — голодный и замерзший, умирающий, но несдающийся. Этого нельзя ни забыть, ни простить…

3 февраля 1944 года. В ходе боев юго-восточнее станции Маево первый батальон 341-го полка во второй половине дня был остановлен противником на дальних подходах к селу Юрково. Несколько попыток захватить его сходу успехом не увенчались. Как докладывал командир полка подполковник А. А. Рыжаков, Юрково, состоявшее из шести сожженных хат, обороняла на заранее подготовленном рубеже усиленная пехотная рота. Перекрестным огнем из тяжелых пулеметов и двух штурмовых орудий враг перекрывал с фронта и флангов подходы к селу. Да и людей было мало — батальон состоял из двух рот по 40—50 человек и крайне ослабленных спецподразделений. Кроме того исходное положение для наступления было удалено от противника на 500—600 метров, и к началу нашей атаки гитлеровцы успевали покинуть укрытия и встретить огнем наступавших.

— Светлого времени осталось мало, а надо подтянуть артиллерию, пополнить боеприпасы, и люди устали, — говорит командир полка. — Разрешите атаковать Юрково ночью!

— А подготовиться засветло успеете?

— Успеем! Совместим работу на местности с командиром батальона, командирами рот и средств усиления.

Я согласился. Атаку после короткого огневого налета назначили на 3 часа ночи.

— Поезжай, Иван Григорьевич, в первый батальон, — приказал я своему адъютанту старшему лейтенанту Козырю, — посмотри, как будет организован бой…

За ночь Юрково не было взято. Вернулся из полка и адъютант. Его рассказ насторожил меня…

— На рекогносцировке, которую провел командир полка засветло, все было понятно. Хотя удаление до противника оставалось большим, ориентиры и рубежи взаимодействия просматривались четко. Командиры батальона, дивизиона, рот и батарей уяснили свои задачи и порядок их выполнения. Но все делалось в спешке. Для организации взаимодействия с командирами взводов, отделений и расчетов, постановки задач личному составу светлого времени не осталось, и эту работу провели уже в сумерках.

С началом продвижения началась путаница. Основной ориентир перестал наблюдаться. Вторая рота, по которой равнялась и первая, вместо движения строго на север, пошла на северо-восток, вдоль фронта. Кто-то заметил это, поднял тревогу,

людей остановили, стали в темноте разбираться с местностью, а время шло…

Командир батальона вместо того, чтобы двигаться невдалеке от своих подразделений, как это в условиях ночи рекомендуется Уставом, значительно отстал. Ориентируясь на редкие доклады, поступавшие от ротных, истинной обстановки не знал.

Когда по противнику начался огневой налет, стрелковые роты еще не вышли на рубеж атаки. Рассвет застал их окапывающимися под огнем противника в 300 метрах от его переднего края…

Так мстят за себя допуски в организации боя и контроле за его ходом. Юрково после сильной артиллерийской подготовки было освобождено в тот же день.

…Пустошка — маленький районный центр запомнился мне мастерством, которое показали в бою за него бойцы и командиры, трагичной судьбой города и его жителей.

27 февраля. Накануне двое суток бушевала снежная вьюга. Дороги замело. У лесных опушек и околиц сожженных сел — сугробы. Болота скрылись под глубоким снегом. Температура минус 17 градусов.

Внезапная ночная атака принесла успех. На лыжах, с орудиями, минометами и пулеметами на специальных салазках, части 119-й гвардейской дивизии освободили Пустошку.

Под глубоким снегом взорванный город только угадывался. Среди белой пустыни высилось единственное здание городской больницы, заминированное врагом.

Глядя на разрушенную Пустошку, я мысленно представлял себе гигантский труд, который понадобится для того, чтобы все это восстановить.

С группой офицеров и солдат, бывших со мной на наблюдательном пункте, мы разместились на ночь в небольшой баньке, предварительно проверенной саперами. Давно не топившаяся, она дала нам приют в эту зимнюю ночь среди развалин Пустошки. Уставшие, голодные и замерзшие, за кружкой натопленного из снега горячего чая, мы долго делились впечатлениями об этом февральском дне, приблизившим нашу победу еще на один шаг.

А утром появившиеся из подвалов редкие жители рассказали нам, что у северо-западной окраины Пустошки, возле бывшего поселка МТС, лежат под снегом более двух тысяч мирных жителей, расстрелянных гитлеровцами. Так закладывался фашистами «новый порядок»…

…2-й Прибалтийский фронт. В июне 1944 года меня назначили командиром 33-й стрелковой дивизии… Она занимала плацдарм на левом берегу реки Великой в районе Пушкинских Гор. Знакомясь с местностью, я увидел, что захват деревень Новый Путь и Посад создавал условия для выхода в тыл плацдарму противника на правом берегу реки Великой.

Только ночью сумел я добраться к позициям второй стрелковой роты, оторванных от участка 82-го полка. До противника здесь было не более 100—150 метров. Отсюда намечалась наша атака. Бойцы внимательно смотрели на меня, считая, наверное, что в такое место командир дивизии без особой нужды не придет. Они следили за тем, что меня интересует, вдумывались в смысл задаваемых мною вопросов.

Когда я закончил работы, стало ясно: решать будет каждая минута, успех может быть достигнут только внезапным и стремительным ударом.

Операция была частной, и проводить ее надо было за счет внутренних сил и средств. Командир полка подполковник Л. Я. Жаворонков предложил привлечь к участию в ней две стрелковые роты, находившиеся в его резерве, других сил у него не было. И тогда я подумал о штрафной роте, прибывшей недавно к нам на усиление…

В 7.30 23 июня после пятиминутного огневого налета две стрелковые роты 82-го полка и штрафная рота за 50 минут овладели в Новом Пути и Посаде опорными пунктами врага. А потом за трое суток отразили 36 вражеских атак. Длинные списки на награждение орденами и медалями пошли в штаб армии…

2-й Прибалтийский фронт. В последних числах июня в дивизию, на плацдарм реки Великой, прибыл командующий 1-й ударной армией генерал-лейтенант Никанор Дмитриевич Захватаев. Встретил я его у переправы, представился и кратко доложил обстановку. День выдался теплый. Противник вел редкий артиллерийский и минометный огонь. Сюда с нескольких направлений доносилась частая ружейно-пулеметная стрельба, залповые взрывы гранат, выстрелы противотанковых орудий.

— Что за пальба так близко?

— Отрабатываем наступление роты с боевой стрельбой.

Прежде чем тронуться, командарм достал планшетку с картой и тщательно осмотрел район переправы по обоим берегам реки. Через нее было наведено два действующих моста, из них один тяжелый. Паромная переправа находилась в резерве и стояла за маской.

— Поедем на правый фланг, покажете как выглядит этот

район после освобождения вами Нового Пути и Посада. Посмотрим с тыла и на плацдарм немцев на правом берегу Великой.

Никанор Дмитриевич пригласил меня к себе. Оба адъютанта поехали во второй машине. В пути мы несколько раз останавливались. Генерал Захватаев интересовался возможными районами сосредоточения войск, уровнем их маскировки, куда в обороне противника выводят дороги, которые мы пересекали…

«Видимо, готовится наступательная операция, — подумал я тогда. — А может быть командующий хочет освежить в памяти знание местности на самом важном участке в полосе армии?»

Как будто прочитав мои мысли, Н. Д. Захватаев на одной из остановок предупредил:

— Не задавай вопросов, сейчас еще рано говорить об этом…

Оставив машину в укрытии, мы поднялись по ходу сообщения в район Нового Пути, а потом — Посада. Отсюда хорошо просматривалась местность во всех направлениях. Поселки Новый Путь и Посад широким прямоугольником врезались во вражеский тыл, создавая угрозу окружения его войск на плацдарме.

— Теперь, — с удовлетворением заметил командарм, — немцы за рекой стоят одной ногой…

Мы вернулись к машинам и направились к центру обороны. На переднем крае затишье. Я доложил командующему состав группировки противника, показал на местности его огневую систему и основные опорные пункты — высота 78,7, Чашкино, Касыгино, Пустохново, расположение резервов и огневых позиций артиллерии. По карте, а потом и на местности показал передний край и организацию нашей обороны, участки огней, запланированных артиллерией…

— В полосе обороны дивизии, — сделал я вывод, — противник находится в оборонительной группировке и в ближайшие дни вряд ли способен перейти в наступление.

По первой траншее мы дошли до левого фланга. В пути командующий беседовал с командирами подразделений, наблюдателями, дежурными у пулеметов и орудий прямой наводки. Он уточнял с ними огневую систему противника, его заграждения, режим поведения днем и ночью. На одной из батарей проверил подготовку и вызов огня по незапланированной цели. Побывали мы с ним и на батальонной кухне. Подходило время обеда, и мы сняли пробу. Обед командующему понравился. Зашли мы и в одну землянку. Люди вернулись с занятий и готовились к обеду. Меня они знали в лицо и смотрели с интересом на Н. Д. Захватаева. Был он тогда подтянут, худощав и выглядел очень моложаво.

Поздоровавшись, командарм спросил, как идет служба, как с обмундированием, обувью, баней… Претензий по этим вопросам люди не заявили.

— Какие имеются вопросы и предложения? — спрашивает командующий.

Встает и представляется уже пожилой солдат.

— Вот мы, товарищ генерал, все учимся наступать, а сидим в обороне. Уже и второй фронт союзники открыли, а до Берлина нам еще ой как далеко шагать…

— Придет срок, будет приказ — пойдем и мы. А пока, скажу я вам, правильно делаете, что учитесь наступать. Но и плацдарм надо держать обеими руками… С него и пойдем вперед…

На обратном пути, безотносительно к разговору, который мы вели, командующий вдруг заметил:

— А солдат-то какой толковый! Торопится! На глазок определил, кому дальше идти до Берлина…

…17 июля 1944 года. Второй день мы идем вперед, стремясь пересечь шоссе Остров — Резекне и не допустить отхода противника из города Острова. Перемещаясь в ходе наступления на новый наблюдательный пункт, я застал на нем секретаря редакции дивизионной газеты «Бей фашистов» старшего лейтенанта Д. А. Соболя. Вместе с командиром комендантской роты старшим лейтенантом А. С. Суюмбаевым они пристально наблюдали за противником, не заметив сразу нашего прихода. Увидев меня, оба отдали честь. Командир роты доложил о готовности наблюдательного пункта. Я уточнил с него обстановку, а потом подозвал секретаря редакции.

— Что вы здесь делаете?

— Вчера перед атакой работал в первом батальоне 73-го полка у майора Владимира Павловича Шолмова. А когда началась атака, пошел вместе с гвардейцами, неудобно было оставаться в траншее, когда все идут вперед. Да и самому хотелось испытать, что чувствует боец и командир в ходе атаки, от чего зависит ее успех? А то ведь мы пишем со слов, а так ли это? Ведь ощущения и выводы, наверное, очень индивидуальны и могут быть разными… Сейчас принес материал, чтобы передать с оказией в газету. В редакцию вернусь ночью…

— Какие же впечатления остались у вас от атаки?

— Видимо, многое зависит от боевого опыта. В атаке я участвовал впервые. И все воспринимал обостренно — свист пуль и осколков, разрывы вражеских мин и снарядов, выстрелы на стороне противника. Но выручили соседи. Смотрел на них и старался держать себя так же — идти не кланяясь, вести огонь

короткими очередями… Самый напряженный момент — бросок в траншею врага вслед за гранатой. В эти секунды я ни о чем не думал. Кричал во весь голос «ура!» А когда в траншее передо мной оказался гитлеровец — всадил в него из автомата целую очередь и побежал вперед — боялся отстать от своих.

Мы помолчали…

— Успех атаки зависит от многих условий. В ходе наступления бывают и удачи и промахи. Но если первая атака захлебнулась — не жди ничего хорошего. Вот почему перед началом операции так тщательно организуется взаимодействие. Оно открывает дорогу к успеху, реализует подъем, с которым люди идут в бой…

…24 июля мы вышли в район Качанава. Воздух в этом крае лесов и болот наполнен теплой влагой, комариным писком, воплями лягушек. Ярко-зеленый цвет травы и листьев, в дремучих лесах — все кажется первозданным.

Когда в ходе преследования войска наткнулись на этот мощный рубеж, стало ясно, что отходящий враг приготовился задержать нас надолго. Это было неожиданно. Разобравшись в обстановке, мы решили нанести по противнику одновременный удар с тыла и фронта.

…Кому из командиров частей поручить эту необычную, полную неизвестности операцию — выход в тыл врага? Им должен быть волевой, смелый и опытный командир, способный для выполнения поставленной задачи самостоятельно пойти на разумный риск.

В памяти возник бой за село Пустохново. Составляя второй эшелон дивизии, 164-й полк Ивана Гавриловича Николаева сходу вводился в бой для разгрома сосредоточивающейся в селе группировки противника.

В условиях ночи надо было одновременно с завершением огневого налета нашей артиллерии подвести полк к селу, не опоздать и не попасть под свои снаряды. На подходе к Пустохново уточнить задачи подразделениям. Обеспечить внезапность первого удара и четкое управление боем.

Следуя со своим наблюдательным пунктом непосредственно за батальонами первого эшелона, Николаев вместе с ними ворвался в село, блестяще выполнив поставленную задачу. Выбор был сделан.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
СРЕДИ ГВАРДЕЙЦЕВ

В конце августа 1944 года я был назначен командиром 23-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав войск 3-го Прибалтийского фронта. Командовавший соединением до меня генерал-майор Панкратий Викулович Белобородов, уже пожилой, грузный человек, с аккуратно подстриженной седой бородкой, встретил меня дружелюбно. Он получил новое назначение — начальником отдела боевой подготовки армии и был готов к отъезду. Проинформировав по обстановке, генерал дал краткие характеристики командирам частей, своим заместителям и стал собираться в дорогу.

Своим назначением П. В. Белобородов был явно доволен. Я понимал его — нелегкое дело в таком возрасте командовать на фронте дивизией. Круглосуточная нагрузка во всех видах боя. Спишь урывками. Ешь часто всухомятку. Постоянное нервное напряжение, вызываемое быстро меняющейся обстановкой, необходимостью реагировать на нее при недостатке данных… Частые выезды в самые «горячие точки», чтоб, разобравшись на месте с положением дел, принять решение, а часто и организовать его выполнение. А в часы затишья, в любых условиях, днем и ночью — подготовка к очередной операции, боевая учеба войск и многое другое…

Подошли начальник политотдела полковник В. В. Деев, начальник штаба полковник С. И. Соколов, начальник тыла подполковник А. И. Гребенников. Мы тепло проводили генерала Белобородова, а потом познакомились друг с другом. Я рассказал им о своем неожиданном назначении командиром 23-й гвардейской, а они кратко доложили о себе и состоянии дел в соединении. Вечером я познакомился с его историей.

…88-я стрелковая дивизия формировалась в первой половине сентября 1939 года. Участвовала в войне с финнами на Коулаярвинском направлении. С началом Великой Отечественной войны соединение перебросили на побережье Белого моря, прикрыв его от вражеских десантов. В августе 1941 года противник начал продвигаться к Кировской железной дороге в районе Лохи-Ваара. Это грозило отрывом нашего Севера от всей страны. Поднятая по боевой тревоге, дивизия бросилась навстречу врагу. До 1 октября 1942 года продолжались тяжелые бои. В ходе их соединение последовательно разгромило дивизию СС гитлеровцев и три пехотных полка финнов. Погиб в бою

командовавший в то время дивизией генерал-майор Андрей Иванович Зеленцов. 17 марта 1942 года 88-я стрелковая стала 23-й гвардейской. Кировская железная дорога работала бесперебойно. Зимой 1942 года в составе 1-й ударной армии соединение участвовало в окружении 16-й армии гитлеровцев под Демянском. В начале 1944 года — в освобождении города Дно, где дивизии было присвоено наименование «Дновской». За прорыв обороны противника на реке Великой соединение было награждено орденом Красного Знамени. Читая строки о недавнем прошлом дивизии, я мысленно представлял себе ратный труд и подвиги, которые в течение ряда лет совершили ее воины.

…Дивизия готовится к прорыву рубежа «Валга» на дальних подходах к Риге. Знакомясь с частями, я прибыл в 66-й гвардейский стрелковый полк. При приближении к наблюдательному пункту мое внимание привлекла его тщательно подогнанная под фон местности маскировка. Несмотря на короткий срок пребывания полка на этом участке, командир — подполковник В. А. Гига уверенно доложил мне огневую систему противника в пределах ее видимости. Днем и ночью разведчики вели тщательное и непрерывное наблюдение за врагом, сверяя ночные цели с дневными и уточняя их достоверность. В этом я убедился, ознакомившись с журналом наблюдения.

В условиях лесисто-болотистой и озерной местности, где сама природа готовит всякого рода неожиданности, тщательное изучение противника, маскировка наших мероприятий и позиций были особенно важны. И хотя в то время наши войска громили гитлеровцев уже на всех фронтах, невыполнение этих требований приводило в ряде случаев к неудачам.

— Не хотите ли посмотреть, товарищ генерал, чем кончится минометный налет по бане гитлеровцев, выявленной нашими минометчиками?

Я согласился. В. А. Гига показал на местности небольшую возвышенность, из которой тонкой струйкой тянулся дым.

— Это и есть баня, — пояснил командир полка. — Непосредственно с фронта она не просматривается, но с нашего наблюдательного пункта, который располагается несколько ближе к правому флангу, ее можно видеть.

Я навел бинокль и стал ждать. Первые разрывы нескольких пристрелочных мин не вызвали на той стороне заметной реакции. Но когда минометная батарея перешла на поражение, из бани начали выскакивать и разбегаться в разные стороны голые гитлеровцы. Мы от души смеялись. Это был наглядный урок значения маскировки и изучения противника.

Мы продолжаем наблюдение. Перед центром обороны полка в районе Маккемельдри, по западному берегу реки тянется заболоченный участок, с километр по фронту и свыше 500 метров в глубину. Невдалеке от уреза воды проходит тщательно замаскированная первая траншея обороны гитлеровцев. Изредка в ней промелькнет каска солдата, раздастся треск автомата или легкого пулемета, а потом опять тихо. В южной части заболоченного участка, в глубине — метров триста от берега — стоит сарай, а недалеко от него стог сена.

— Наблюдением, — докладывает В. А. Гига, — в районе сарая установлен легкий пулемет. Он хорошо замаскирован, но несколько раз днем и ночью из этого района противник вел огонь. Разведчики видели там и нескольких солдат, видимо, из состава расчета. Триста метров севернее сарая снайперы установили еле заметную высотку. Огня оттуда не велось. Может быть, это только сухое место, а может, и перекрытый окоп?..

Окончательный вывод, где проходит истинный передний край обороны врага, из этих данных сделать было трудно. Нужен пленный. И я приказал в направлении сарая организовать ночной поиск.

— Может, с той же задачей направить еще одну разведгруппу по правой части заболоченного участка? — спрашивает командир полка.

— Согласен. Но действовать они должны самостоятельно, по обстановке.

Затем мы обсудили возможный вариант действий разведчиков. Им предстояло в условиях ночи переправиться через реку, установить, занимает ли противник первую траншею и взять в ней пленного. Если противника не окажется, левой группе выдвинуться в район сарая, а правой к «сухому месту» и взять пленных. Потом мы обговорили пункты и порядок переправы обеих разведгрупп через реку, их усиление в прикрытие саперами и артиллеристами.

— Уточните со здешними стариками, — сказал я прощаясь, — где лучше переправиться через реку и пройти по болоту?..

Прошло двое суток. На рассвете мне позвонил В. А. Гига.

— Докладываю! Вопрос, по которому мы с вами работали, решен положительно…

— Где вы сейчас находитесь?

— На «глазах»[5].

— Ждите. Выезжаю к вам…

Вместе с помощником дивизионного разведчика старшим лейтенантом В. А. Тестовым мы поехали на наблюдательный

пункт 66-го полка.

— Ночь была темной, — докладывает командир полка, — и обе группы успешно переправились через реку. Саперы сделали в заграждениях проходы, но противника в первой траншее не оказалось. Разведчики пошли дальше. Вскоре левая группа подошла на близкое расстояние к сараю и поползла вперед. Из-за кочек, в свете появившейся луны, они увидели окоп с пулеметом. Рядом с ним, положив голову на руки, спал солдат. Видны были только его каска и локти. Мгновенье, и два разведчика с разных сторон вскочили в окоп и бросились на гитлеровца. И сразу откуда-то с севера ударил пулемет. Впереди поднялись осветительные ракеты.

Между тем пленный не подавал признаков жизни и был неестественно легок. В этот момент загорелся стог сена, а вслед за ним и сарай. Стало светло, как днем, и разведчики увидели, что держат в руках искусно сделанное чучело с раскрашенной смеющейся рожей. Из-за сгоревшего стога сена в тыл левой группе в полный рост выдвигалась вражеская цепь. Разведчики стали отходить. Появились раненые. По району сарая открыла огонь поддерживающая батарея. А потом на пути отхода разведчиков стали рваться вражеские мины…

В это же время правая группа на подходе к «сухому месту» услышала треск пулеметной очереди. Разведчики залегли. Шагах в десяти от них, видимо, из перекрытого окопа, вел огонь легкий пулемет. Пригнувшись, разведчики побежали вперед. Бросив в окоп гранату, командир группы старший сержант И. Г. Борисов вскочил в окоп.

— Хенде хох!

Два гитлеровца лежали на дне окопа, сраженные гранатой. Наводчик поднял руки вверх…

Как показал пленный, передний край их обороны охватывал заболоченный участок дугой. В первой траншее враг держал боевое охранение. С наступлением темноты оно снималось. Расчет легкого пулемета, где он был наводчиком, находился в секрете. Вместе с группой разведчиков, расположенных в укрытии за стогом сена, они имели задачу, если русские появятся у сарая, взять пленных. Обе группы специальным устройством были связаны с окопом у сарая. Как только чучело сдвигалось с места, у них возникал сигнал. Учитывая трудно проходимое болото, расчет пулемета вел огонь с места, отрезая противнику пути отхода. Группа разведчиков выскакивала из-за сарая, чтоб захватить пленного.

— Все спутал загоревшийся от стога сена сарай, — уныло закончил пленный…

— Чучело-то «смеялось», — заметил командир полка, — а гитлеровцам было не до смеха…

…В дивизии я был новым человеком, и ко мне присматривались. Гвардейцы дают каждому свою собственную, боевую оценку. Не будучи официальной, она значила много. Вера в своих командиров являлась одним из самых важных слагаемых в достижении успеха в бою. И я старался вложить весь свой опыт и знания, всю энергию и силы, чтобы возможно лучше подготовиться к предстоящей операции.

Особое внимание мы уделяли вопросам взаимодействия. Это та часть работы командира и его штаба, которая во многом решает успех боя. В процессе ее необходимо определить характер боевых действий частей каждого рода войск и авиации. Добиться понимания ими задач и способов их выполнения. Организовать управление и связь. Поддерживать и восстанавливать в соответствии со складывающейся обстановкой нарушенное в ходе боя взаимодействие и многое другое…

…14 сентября 1944 года. Дивизия переходит в наступление на заранее подготовленную оборону противника на рубеже «Валга». Накануне на реке Вяйкэ — Эма — Йыги на участке 66-го полка был захвачен плацдарм. С него соединение наносит главный удар.

Много раз наблюдал я с близкого расстояния за атакой пехоты и танков. Вот и сейчас близится к концу часовая артиллерийская подготовка. Видно, как на исходное положение пехоты подошли наши немногочисленные танки. Выскочив из неглубоких траншей, отрытых за ночь, стрелки вслед за танками, ведя на ходу огонь из автоматов и пулеметов, устремились в атаку. За цепью пехоты артиллеристы тянут на руках «сорокапятки». С исходного положения прямой наводкой ведут огонь полковые и дивизионные орудия.

Смотрю на часы. Артиллерия переносит огонь в глубину. И почти сразу впереди и позади наступающих стали рваться легкие мины. В нескольких местах с переднего края вражеской обороны ударили тяжелые пулеметы и противотанковые орудия. Несколько танков задымили, падают воины, но атака продолжается..

— Видимо, в ближайшей глубине огневая система и артиллерия противника подавлены недостаточно. Дайте команду, — говорю я командующему артиллерией дивизии полковнику П. И. Рабзову, — дополнительно усилить каждую стрелковую роту одним — двумя орудиями полковой артиллерии, а из дивизионов, поддерживающих батальоны, по одной батарее

поставить на прямую наводку.

— Есть!

К нам доносится многоголосое «ура!», потом одновременный взрыв многих сотен гранат. Гвардейцы ворвались в первую траншею. Но бой развивается тяжело…

Возле меня стоит начальник политотдела дивизии полковник В. В. Деев.

— Четыре танка на километр, — говорит он, — не скажешь, что атакуем без танков. Но и гитлеровцев на этом рубеже ими не испугаешь…

— Основная масса танков планируется и фронтом и армией для развития успеха…

— Так надо же, товарищ генерал, раньше добиться успеха, а потом развивать его. На одном энтузиазме далеко не уйдешь…

Уже пять дней идет «прогрызание» обороны немцев на рубеже «Валга». Завершается прорыв тактической обороны врага на всю ее глубину. Атаки и контратаки следуют одна за другой. Обеспечивая отход своих войск из Эстонии, фашисты сопротивляются с отчаянием обреченных.

После форсирования 63-м полком реки Педеле, гитлеровцы в одной из контратак вышли на его командный пункт. Ночной бой необычен и требует особой стойкости: в небе осветительные и сигнальные ракеты. Как будто нацеленные на тебя светящиеся трассы снарядов и пуль… Выстрелы орудий, треск пулеметных и автоматных очередей. Характерные звуки рвущихся снарядов, мин, гранат. Вой и свист проносящихся вблизи осколков и пуль. Плохо виден противник и трудно определить, где главная опасность. Вот почему в темное время даже небольшие подразделения способны выполнять крупные задачи. Хорошо ориентируясь ночью и удачно выбрав позицию, старший сержант М. Е. Кузовлев вместе с бойцами своего взвода почти в упор расстреливал фашистов. Стойкость гвардейцев позволила полку собраться с силами и восстановить положение. А утром подошли наши танки, и враг начал отходить.

…20 октября 1944 года. С наблюдательного пункта командира корпуса, куда я прибыл за получением задачи, хорошо просматривался плотно насыщенный дзотами, с развитой системой траншей и ходов сообщения вражеский рубеж обороны. Перед ним были установлены два ряда проволочных заграждений. По данным разведки, передний край прикрывался противотанковыми и противопехотными минами.

Вскоре подъехал и генерал-майор В. И. Смирнов — командир ведущей бой в первом эшелоне 33-й стрелковой дивизии. Во

взаимодействии с ней 23-й гвардейской предстояло овладеть городом Тукумсом. Ввод в бой дивизии второго эшелона является обязанностью командира корпуса. Он определял ей задачу, время и рубеж ввода, артиллерийское и авиационное обеспечение, средства усиления и порядок взаимодействия. Услышав, что перед атакой планируется только трехминутный огневой налет, я доложил командующему артиллерией корпуса, что здесь, судя по обороне противника, нужна мощная артподготовка.

— Результат огневого налета, — сказал корпусной артиллерист, — зависит не только от времени, но также от количества и качества участвующих в нем средств…

В принципе это верно. Но в ходе боевых действий уже выработались некоторые практические нормы. Непродолжительный налет обычно применялся в случае поспешного перехода противника к обороне на неподготовленном рубеже или перед внезапным ударом.

К сожалению, я оказался прав. Успеха мы не имели. Увеличив продолжительность огневого налета, войска еще дважды повторяли атаки, сумев лишь на отдельных участках захватить первую траншею противника.

…Гвардии сержант А. С. Корнейчук, ворвавшись со своим отделением в первую траншею, увидел перед собой вражеского пулеметчика. Расстреляв все патроны, тот пытался бросить в гвардейцев гранату, но тут же был убит. Не видя перед собой противника, Корнейчук скомандовал — «За мной! Вперед!» — и бросился ко второй траншее. Но здесь отделение было встречено огнем и пришлось залечь. Гитлеровцы открыли огонь из минометов. Оглянувшись, Корнейчук увидел и два других отделения своего взвода. Впереди, из второй траншеи противника, выходило в контратаку до роты пехоты с тремя штурмовыми орудиями…

В тот день в полосе дивизии было несколько подобных случаев. Когда мы осмыслили эти факты, нам стала ясна и тактика врага. Базируясь на глубоко эшелонированную оборону, гитлеровцы небольшими подразделениями прикрывали ее передний край, а основные силы держали в глубине, используя их вместе с танками и штурмовыми орудиями для немедленных контратак. Пленные показали, что им под страхом смерти запрещено отходить.

Только позднее был разгадан вражеский замысел — привлечь как можно больше наших сил и средств с главного направления и в тяжелых боях перемолоть их. Курляндская группировка немцев была блокирована и капитулировала в мае 1945 года.

…14 ноября дивизия вышла из боя и сосредоточилась в районе Яунземьи во втором эшелоне корпуса. В эти дни решением его командира в целях пополнения 33-й стрелковой и 52-й гвардейской дивизий, остающихся в первом эшелоне, приказано было передать им большую группу солдат и сержантов из стрелковых рот. Я понимал, что это дань временно сложившейся обстановке. Но люди жаловались, не хотели уходить из своих подразделений. Каждый оставлял здесь боевую семью, заменившую ему на фронте все, чего он лишился с началом войны.

Начался короткий период учебы и доукомплектования.

3 декабря, будучи поблизости, заехал к нам командующий 10-й гвардейской армией генерал-полковник М. И. Казаков. В составе этой армии, командуя 119-й гвардейской дивизией, я участвовал в ряде боевых операций. За обедом Михаил Ильич поделился новостями, рассказал, как воюют гвардейцы. Потом мы смотрели нашу самодеятельность. Руководил ею сержант К. Л. Лясников. В образе бывалого солдата Фомы Смыслова, в юмористической форме давал он имевшие большое воспитательное значение наказы и советы солдатам. Командующему самодеятельность понравилась. В любых условиях летом и зимой на импровизированной площадке из двух грузовых машин давали концерты наши «артисты».

Я был очень рад посещению командующего. Как-то теплее становится на душе, когда видишь, что хотя ты и ушел из состава армии, но не забыт…

В тот год в декабре шли мелкие моросящие дожди, часто с мокрым снегом. Но настроение у всех было бодрое. Родина была уже почти полностью освобождена от фашистских захватчиков. Наши войска на всех фронтах шли вперед.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
НА ВРАЖЕСКОЙ ЗЕМЛЕ

Первый Белорусский фронт. Чувствовалась его особая значимость. Командовал им заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Многое казалось мне здесь не таким, как раньше, на других фронтах. Прежде всего мощь наших сил и темпы наступления. За две недели января 1945 года была освобождена почти вся Польша.

…Первые схватки 23-й гвардейской дивизии на вражеской земле. В них проявился не только массовый героизм, ставший уже нормой поведения, типичным стало высокое мастерство офицеров и солдат, их уменье грамотно распорядиться своей и вражеской техникой и оружием. Характерны в этом отношении были закончившиеся 17 февраля в районе Радовнитцы бои с вырывавшейся из окружения Шнайдемюльской группировкой противника. Она была почти полностью уничтожена и лишь частично пленена.

Несколько дней мы приводили в порядок район боев. В ходе сражения солдаты, да и многие офицеры видели только свой, сравнительно небольшой участок. Когда боевые действия закончились, с ближайших высот открылось все поле боя.

Картина была впечатляющей. Насколько охватывал глаз, все пространство усеяно убитыми фашистами, догоравшими и подбитыми танками, штурмовыми орудиями, артиллерией и машинами. Стояла необычная тишина. После нескольких дней сплошного грома орудий и криков людей она казалась особенной. Увидеть в таком масштабе дело рук своих удавалось редко, и это не могло пройти бесследно. Разгром врага вызвал новый прилив энтузиазма, веры в свои силы, уверенность в близости нашей победы.

Глядя на поле боя, я вспоминал длинную череду сражений на разных фронтах, в которых мне довелось участвовать. Многое в них было и общим и разным. Но этот бой был не таким. Здесь столкнулись отчаяние выходящих из окружения и наша решительность, наша стойкость и вера в успех даже в условиях многократного превосходства противника. Моральный фактор стал реальной силой и принес нам победу.

…В ходе операции по разгрому восточно-померанской группировки противника 23-я гвардейская дивизия к исходу 6

марта вышла к побережью Штетинского залива и повернула на юг, отрезая врага от переправ. На следующий день на нашем пути встал небольшой городок Голлнов. Расположенный на обоих берегах реки Ина, среди лесов и болот, город закрывал пути выхода на юго-восток и юго-запад. Прикрытый заграждениями в сочетании с естественными препятствиями, Голлнов являлся сильным узлом обороны, и немцы рассчитывали задержать нас здесь надолго. Но и мы понимали его значение.

Глядя на город, я вспоминал затяжные бои, которые вели обе стороны за населенные пункты на нашем северо-западе в ходе вражеского наступления. Сейчас время было уже не то. На следующий день Голлнов был полностью очищен от противника.

В боях за город мой наблюдательный пункт разместился у разрушенного фольварка. Наблюдение велось из приспособленной траншеи. Машины стояли метрах в 300 сзади в небольшом саду. Пришло время перемещаться вперед. Связисты стали свертывать радиостанции. Подошел адъютант с водителем и доложил, что можно двигаться. Я позвал своего радиста и повернулся, чтобы идти к машине. В этот момент раздался необычной силы грохот. Взрывной волной нас бросило на дно траншеи.

Когда мы пришли в себя, оказалось, что все невредимы, только страшно болело в ушах.

— Это тяжелый морской калибр! — воскликнул командующий артиллерией полковник П. И. Рабзов.

Мы пошли к машине. На ее месте зияла огромная воронка. Вблизи даже не видно было обломков.

— Теперь я понимаю, что значит родиться в рубашке, — пристально посмотрев на меня, заметил Павел Игнатьевич.

Мы быстро разместились по другим машинам и поехали на новое место. В пути я долго не мог отделаться от вида огромной воронки, стоявшей перед глазами. Потом вспомнил о неразорвавшейся бомбе, попавшей в мой блиндаж на плацдарме реки Великой, о многих других случаях, где смерть, казалось, подстерегала меня.

«Значит, не суждено, повоюем еще и в Берлине…»

Так где-то глубоко в подсознании рождается фатализм, оставляющий надежду в самых невероятных случаях.

…15 марта дивизия вышла в район Ухтдорф, заняла частью сил оборону по восточному берегу реки Одер. Здесь полки готовятся к предстоящим боям за Берлин. Раннее утро. В районах сосредоточения частей — пусто. После ночных занятий половина людей отдыхает, другая, вместе со мной, находится в районе

Кольбитц-Зее. Готовятся батальонные учения с форсированием озера. Неожиданно адъютант И. Г. Козырь показал мне на группу генералов и офицеров, невдалеке от нас выходивших из машин. Их сопровождал начальник штаба С. И. Соколов. Увидев среди них члена Военного совета генерал-майора А. И. Литвинова, я догадался, что приехал новый командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов и, представившись, доложил, чем дивизия занимается.

Почти весь день пробыли у нас командующий и член Военного совета. Посмотрели учения, побывали на переднем крае и в районах сосредоточения частей. Беседовали с солдатами и офицерами, интересуясь их бытом, настроением, мнениями о ходе боевой и политической подготовки…

За поздним обедом завязался разговор. Василий Иванович Кузнецов интересовался деталями боевых действий соединения в только что закончившейся Померанской операции.

— Дивизия вводилась в ходе сражения со второго эшелона корпуса. Вначале для развития успеха, а потом перешла в преследование противника на широком фронте. Полки шли по параллельным дорогам с открытыми флангами, захватывая на путях врага узлы дорог, мосты и дефиле. Обстановка менялась крайне быстро. И хотя мой наблюдательный пункт передвигался непосредственно за головными полками, необходимых данных для принятия решения часто не хватало. Выручала интуиция.

— Это что же, — чуть улыбаясь, спрашивает генерал Литвинов, — по «наитию свыше»?

Меня поддержал командующий.

— Вы, конечно, шутите, Андрей Иванович! По «наитию свыше» теперь не воюют. Есть штабы, которые готовят командирам необходимые расчеты, анализ и оценку обстановки. Другое дело интуиция. В наших условиях — это зримое выражение боевого опыта командира, его умения предвидеть, его силы воли…

…12 апреля. Закончилась работа на местности перед Берлинской операцией. Вместе с командиром 33-й стрелковой дивизии В. И. Смирновым мы говорим о тщательно, как никогда раньше, проведенной рекогносцировке и о предстоящей операции в целом. С Василием Ивановичем мы дружим. Когда я ушел на 23-ю гвардейскую, он сменил меня на посту командира 33-й дивизии. Воевали мы с ним в одном корпусе и армии, в ходе боевых действий часто встречались. Видимо, в наших характерах и взглядах было много общего…

— Рекогносцировка — дело ответственное, — говорит

Смирнов. — Ведь, по существу, в ходе ее надо прочесть на местности замысел противника на предстоящее сражение…

— Война проходит в рекогносцировках, говорил еще Наполеон, подчеркивая их значение.

— Как ты думаешь, — спрашивает Василий Иванович, — что будет главным в достижении успеха?

— Выход советских войск к Одеру, захват и расширение плацдармов на его западном берегу не оставляют у гитлеровцев сомнений в наших намерениях. А разгром восточно-померанской группировки и наши успехи в Восточной Пруссии поставили на очередь удар по Берлину. И немцы, безусловно, ждут каждый день нашего наступления. Значит, внезапности добиться нельзя…

15 апреля мы узнали, что атака всем фронтом назначена на 3 часа 30 минут по среднеевропейскому времени. Такого решения враг не ожидал…

В ночь на 16 апреля никто из нас не спал — проверяли готовность артиллерии, выход танков и пехоты на исходные рубежи, готовность средств связи и многое другое… Солдатам дали поспать около трех часов, накормили завтраком и выдали на день сухой паек.

До начала артподготовки осталось совсем немного времени. На переднем крае тихо. Лишь кое-где ввысь поднимется осветительная ракета и ударит очередь вражеского пулемета. Кажется, все подготовлено и проверено. Но нет спокойных людей перед атакой ни среди организаторов, ни среди ее участников. Сейчас к обычному в этот момент волнению добавилось растущее чувство уверенности. Так бывает на тяжелом ночном переходе, когда небо начинает светлеть, а вдали уже просматривается лес, где будет большой привал…

В траншее на переднем крае стоят рядом и беседуют командир взвода 63-го полка старшина М. Е. Кузовлев и молодой солдат.

— Не боишься перед атакой? — спрашивает старшина.

— По правде сказать, боюсь.

— И я боялся, когда нашу землю топтал фашист. Как подумаешь, что тебя не будет, а его ведь бить надо! А сейчас не так страшно, как обидно. Если убьют, не увидишь родных и близких… Какая жизнь после войны будет?.. Но ведь надо добить фашиста! А за это не жаль и свою жизнь отдать…

В этот момент земля содрогнулась от мощного грохота многих тысяч орудий. Началась артиллерийская и авиационная подготовка. Потом в свете прожекторов мы увидели танки. Они шли в атаку с зажженными фарами, ведя на ходу огонь из орудий и пулеметов. За танками в стальных касках, опоясанная огнем из

автоматов, шла «царица полей» — советская пехота…

…Как картина возмездия, как дань памяти миллионам невинных людей, погибших от рук фашистов, навсегда сохранилось в моей памяти впечатление от этой ночной берлинской атаки.

…Не затухая ни днем ни ночью, шли в Берлине бои. Во взводе, роте и батальоне в них участвовали все. Каждое здание, как крепость, приходилось брать штурмом. Именно здесь, в дыму и пыли горящих, рушащихся зданий, становилось особенно наглядным, как метко — «богом войны» — назвал наш народ артиллерию. Она помогла нам выстоять против танковых полчищ Гитлера, сыграла выдающуюся роль, когда наша армия перешла в наступление. В Берлине вместе с танками артиллерия всех калибров в составе штурмовых групп и огнем с закрытых позиций разрушала вражескую огневую систему, в зародыше глушила вражеские контратаки.

Особенно сложны боевые действия в большом городе ночью. Их надо организовать еще засветло. Разведать характер объекта, систему огня. Наметить и подготовить исходное положение и пути подхода к противнику. Определить ясно видимые ночью ориентиры. Поставить задачи составу штурмовой группы. Установить пароль, сигналы, опознавательные знаки. Так отработать со всеми участниками ход предстоящего боя, чтобы они могли действовать самостоятельно…

Пользуясь относительной темнотой, штурмовые подразделения внезапно или после огневой подготовки врывались в оборону врага, захватывая его позиции, укрепленные здания, бункера… Днем приходилось очищать свой тыл от вражеских групп и снайперов, отрезанных от своих войск, или оставленных для проведения диверсий.

«Где еще столь ожесточенно сражались гитлеровцы? Киев? Харьков? Рига? Нет, это было несравнимо. И все же, — думал я в то время, — в сплошном поясе вражеских укреплений мы идем вперед…»

…День этот начался необычно. На рассвете, установив место нашего наблюдательного пункта, гитлеровцы артиллерийским огнем подожгли дом, где мы располагались. Надо было срочно перемещаться, но из здания на противоположной стороне Мюллерштрассе вели огонь две пары вражеских снайперов. Приходилось ждать пока подойдут самоходки и уничтожат их.

Когда наконец можно было двигаться, я вышел с группой офицеров, чтобы сесть в машины и ехать на новый НП. В это

время к нам подошел уже пожилой человек.

— Ваше превосходительство, — начал он без всякого акцента, — я русский инженер (фамилия его не осталась в памяти), родился в Санкт-Петербурге и еще до первой мировой войны эмигрировал с родителями в Берлин, где проживаю и в настоящее время. Вот в этом доме, — показал он на высокое здание, выходившее своим фасадом на Мюллерштрассе. — Жители уполномочили меня просить вас не разрушать его. Мы гарантируем, что из нашего дома никто по советским войскам стрелять не будет…

Я внимательно разглядывал эмигранта. Несмотря на внешне опрятный вид, во всей его фигуре было что-то опустившееся: согнувшиеся плечи, потухший взгляд. Так выглядят люди, у которых уже потеряно все — нет Родины, нет будущего, нет цели в жизни, и живут они только потому, что надо как-то жить… В глазах его, когда он смотрел на меня, не было ни просьбы, ни ожидания ответа. В них было, пожалуй, только некоторое любопытство от разговора и встречи с человеком его родины, о которой он, наверное, не раз вспоминал в эти годы…

Пообещав ему распорядиться, я спросил его:

— Неужели вы не знаете, что всякие «превосходительства» ликвидированы у нас вместе с царизмом? И названия Санкт-Петербург тоже давно нет. После него уже был Петроград, а сейчас этот город носит имя Ленина и называется Ленинградом.

— Извините меня, — ответил он, — конечно же, мне это известно. Но в нашем кругу все осталось по-прежнему, и я даже в разговоре с вами допустил ошибку…

— Прощайте! — сказал я ему и пошел к машине.

…Шел десятый день боев в Берлине. После полудня мне позвонил командир 63-го полка полковник Г. Д. Емельянцев и доложил, что взят в плен немецкий адмирал со своим адъютантом.

— Они вместе с группой офицеров и солдат пробивались из Берлина, а потом укрылись в бункере. Адмирала и его адъютанта — полковника мы накормили. Что мне дальше делать с ними?

Я приказал Емельянцеву под усиленной охраной доставить адмирала и его адъютанта к нам на НП.

Вскоре привезли пленных. Спустившись со своего наблюдательного пункта, который размещался на верхнем этаже большого кирпичного дома на Мюллерштрассе, я распорядился адмирала привести ко мне, а его адъютанта допросить начальнику штаба С. И. Соколову.

В дверь постучали, и в комнату вошел среднего роста, уже начинающий седеть человек. На нем — черное гражданское пальто, берет. Фигура по-военному подтянута. Взгляд светлых глаз холоден. Пригласив его жестом сесть, я закурил. По взгляду, какой бросил на меня пленный, я безошибочно признал в нем курильщика, который уже давно и не нюхал табака. Взяв из пододвинутой мною коробки папиросу, он с видимым удовольствием затянулся и даже внешне как-то обмяк.

— Кто вы? — спросил я его через переводчика.

Он встал и представился:

— Вице-адмирал Ганс Фосс — личный представитель гросс-адмирала Деница при Гитлере.

Потом сел и стал рассказывать: с группой офицеров и солдат они пробивались из Берлина с завещанием Гитлера, по которому гросс-адмирал Дениц остается главой государства. Почти все спутники вице-адмирала были убиты. Он с адъютантом укрылись в бункере, где их и взяли в плен.

— Очень прошу вас, господин генерал, дать мне возможность выполнить волю нашего фюрера — доставить его завещание, — сказал в заключение Фосс.

Его неожиданная просьба возмутила меня. За кого принимает нас этот гитлеровец. Он, видимо, забыл, о своей личной ответственности за все, что творили фашисты на нашей земле. Хотелось бросить ему в лицо все накопившееся за эти годы в душе, но следовало сдержаться. После небольшой паузы я сказал Фоссу, что, по занимаемому мною положению, не могу рассматривать его просьбу. Он может высказать ее в вышестоящем штабе, куда будет направлен. Я поднялся, давая понять, что разговор окончен, и приказал увести пленного. Вице-адмирал Фосс рывком встал, резко повернул голову в мою сторону — отдав честь, и молча вышел.

Начальник штаба уже позвонил в корпус о столь «именитом» пленнике и его адъютанте. Последовала команда: под усиленной охраной немедленно доставить их в штаб.

После завершения боевых действий в Берлине Фосс привлекался для опознания трупов семьи Геббельса, с которой он был близок.

…Подвиг! Когда я слышу это слово, передо мной встают образы людей, совершивших героические поступки во имя выполнения боевой задачи. Их было много. Здесь я хочу вспомнить о старшем лейтенанте Н. И. Филоненкове и его товарищах.

Бои шли в Берлине, в районе Веддинга. Правее, за каналом,

79-й стрелковый корпус генерала С. Н. Переверткина пробивался к рейхстагу. В целях его изоляции, 23-ю гвардейскую дивизию в ночь на 25 апреля повернули на юго-восток в направлении Штетинского вокзала. Он прикрывал рейхстаг с севера.

С утра начались наши атаки. Фашисты, используя плотную сплошную застройку центра города, яростно сопротивлялись. Особенно сильный огонь велся против 68-го гвардейского полка из здания фабрики на улице Линарштрассе. От ее бетонных стен, замурованных с бойницами окон, снаряды отскакивали, оставляя лишь небольшие вмятины. Здесь полк был остановлен. Командир полка полковник М. Т. Князев докладывал, что его попытки обойти фабрику, найти во вражеской обороне слабое место не увенчались успехом. Гитлеровцы каждый раз встречали наступающих огнем, и часть, неся потери, откатывалась назад.

— Чтобы изменить ход боя, — говорит Князев, — надо предпринять что-то необычное…

— Готовьте повторный удар! Я помогу вам тяжелой артиллерией и танками…

Атака была успешной. К концу дня полк продвинулся вперед почти на целый квартал. Вечером, встретившись со мной, Михаил Тихонович рассказывал:

— Вместе с двумя гвардейцами ПНШ-1[6] старший лейтенант Филоненков переоделись в гражданское платье. Автоматы, гранаты и бутылки «КС» заложили в чемоданы и на виду у гитлеровцев перешли через улицу Линарштрассе. Затем проникли с тыла в здание фабрики. В большом, заставленном станками помещении темно. Группа осторожно поднялась на второй этаж. Там полно немцев. Они ведут огонь из орудий и пулеметов, меняют позиции, ведут наблюдение, подносят боеприпасы, перевязывают раненых. Убитые и отдыхающие лежат рядом. В помещении шум, слышны гортанные команды, доклады наблюдателей, стоны, крики. В пороховом дыму плохо видно. Гитлеровцы не обратили внимания на гвардейцев, видимо, приняв их за укрывшихся здесь жителей.

Осмотревшись, группа решила пробраться к помещениям у лестничных клеток и забросать их бутылками «КС». Сразу в нескольких местах возник пожар. Часть гитлеровцев бросилась его тушить и попала под огонь гвардейцев. Паника охватила весь гарнизон. В дыму среди грохота выстрелов и взрывов гранат метались фашисты, не понимая, кто и откуда ведет огонь, где горит. От ударов снаружи танков и артиллерии здание дрожало как живое. В этот момент раздался сильный взрыв — саперы подорвали входную дверь. Штурмовой отряд ворвался на фабрику. Оставив раненых, гитлеровцы бежали. Здесь гвардейцы

встретились с нашими смельчаками. Все трое были ранены, патроны у них кончились…

— Чья это идея, Михаил Тихонович?

— Старшего лейтенанта Филоненкова. Вначале я не соглашался на эту операцию, слишком мало шансов имелось на ее успех и жаль было людей. Но потом вместе с начальником штаба они меня убедили…

— Риск был, конечно, большой, — сказал я командиру полка, — но не будь этого рейда, скольких воинов мы бы сегодня не досчитались!..

…30 апреля. Вторая половина дня. Вместе с командующим артиллерией П. И. Рабзовым, дивизионным инженером И. Ф. Ореховым, разведчиком В. Т. Малярчуком и адъютантом И. Г. Козырем пришли мы на командно-наблюдательный пункт 68-го полка, чтобы уточнить с командирами частей вопросы взаимодействия и принять решение по овладению Штетинским вокзалом. Сюда вызван находившийся поблизости командир 63-го полка Г. Д. Емельянцев и другие командиры. Наблюдение ведется с верхнего этажа кирпичного здания старинной постройки с толстыми стенами. Через отверстия, в заложенных мешками с песком окнах, просматриваются районы Экзерцирплатц и Штетинского вокзала. Панорама города частично закрывается более высокими зданиями, дымом от выстрелов орудий и танков, разрывов снарядов и мин, горящих зданий. От множества звуков в воздухе стоит постоянный гул, перемежающийся мощными взрывами бомб.

Командиры полков показывают достигнутый их частями рубеж, докладывают о характере огневой и противотанковой системы гитлеровцев, их заграждениях, действиях снайперов и «фаустников».

Дивизионный разведчик докладывает о возможных контратаках противника с направлений Хохштрассе, Шерингштрассе, Гартешнтрассе и Штетинского вокзала.

Мы определяем как и по каким направлениям наступать, чтобы не завязнуть в мощной обороне врага, а дробить ее, отсекая отдельные здания и целые кварталы вместе с их гарнизонами. По каким объектам взаимодействовать смежными флангами полков и частей соседних дивизий. Какими силами и средствами отражать вражеские контратаки…

Полковник П. И. Рабзов уточняет задачи артиллерии в штурмовых группах и на закрытых огневых позициях, дает указания по организации перекрестного наблюдения, ведения огня крупнокалиберными орудиями прямой наводкой. Потом мы

устанавливаем порядок взаимодействия внутри штурмовых групп между артиллеристами, танкистами, саперами и стрелками. Уточняем вопросы управления и обеспечения. Так зреет решение. Нанесенное на план города и подписанное мною, — оно стало приказом. С ним начальник разведки капитан В. Т. Малярчук сразу отправился к командиру 66-го полка В. А. Гиге, который не присутствовал на рекогносцировке.

Когда деловая часть закончилась, я поздравил присутствующих с наступающим праздником 1 Мая…

— Как здорово! — говорит Гавриил Давыдович Емельянцев, — что в этот день мы будем бить фашистов в центре Берлина!.. До победы остались считанные дни…

Начинает темнеть. К себе мы возвращаемся уже ночью. Одетые в плащ-накидки, в касках, с автоматами на груди, мы идем на сближенных дистанциях в колонне по одному. Впереди — разведчик, замыкает колонну адъютант. Ночью все выглядит иначе, и я с трудом узнаю места, по которым проходил днем. Невдалеке шумит ночной бой и кажется, что со всех сторон на нас летят трассирующие снаряды и пули. Высоко в небе гудят самолеты. По знаку идущего впереди мы преодолеваем отдельные участки перебежками — где-то здесь засел вражеский снайпер. Поднявшийся ветер гонит по улицам через разрушенные здания и разбитые витрины магазинов пыль и мусор. Впереди, как из-под земли, возникает фигура автоматчика. Пропуск… Отзыв… Мы вернулись на наблюдательный пункт…

…В ночь на 9 мая в Берлине мы услышали из Москвы знакомый голос Левитана. Он зачитал акт о безоговорочной капитуляции Германии. Война закончилась.

Непостижимо быстро дошла эта весть до войск. Сказались долгие годы напряжения: люди плакали и смеялись. Не было границ ликованию и радости, объятиям и поцелуям. Говорили обо всем вперемежку — о тех, кто уже не вернется, о близком будущем, о женах и детях, о развалинах, которые ждут строителей, о неухоженных полях и разрушенных колхозах. Говорили и о том, что надо сделать все, чтоб фашизм не воскрес, и все, что пережито, не повторилось. Незаметно наступил рассвет.

Утром и днем в частях шли митинги. Гвардейцы с гордостью говорили о своих товарищах, своей части, о нашем народе-герое, о партии, приведшей нас к победе…

В этот день в районе нашего расположения мы провели парад частей дивизии. Вместе с начальником политотдела В. В. Деевым стоим на самодельной трибуне, наспех сколоченной саперами и затянутой красным ситцем. Давно уже не видели мы целиком

всего соединения. Вот идут за своим знаменем офицеры управления дивизии, прошедшие «академию» войны, сумевшие одержать верх над хваленными штабными офицерами многих вражеских дивизий.

Колышутся знамена, блестит оружие. Мимо нас проходят ставшие немногочисленными, а ранее трехтысячные гвардейские стрелковые полки. Четко отбивая шаг, идут закаленные в боях гвардейцы. Гордостью за содеянное полны их глаза, ликуют сердца и кажется, что в поношенной фронтовой форме и кирзовых сапогах идет сама наша трудная победа.

На машинах и лошадях артиллеристы тянут до блеска начищенные, в боевых зазубринах орудия. Идут саперы, связисты, медики, тыловые подразделения. Всем хотелось пройти победным маршем в городе, ставшем источником неописуемых страданий и гибели многих миллионов людей.

Гром салютов в Берлине в честь победы был такой силы, что напомнил нам недавние бои. В окнах домов снова появились белые флаги.

Потом в частях были торжественные обеды, где вместе с гвардейцами тепло и радостно мы отпраздновали этот знаменательный день.

Наступил долгожданный мир. Вспоминая ход войны и боевые действия, в которых мне довелось участвовать, я хотел осмыслить, понять, что позволило нам преодолеть трагические последствия первых месяцев войны, повернуть ход событий в свою пользу и добиться победы?

Неожиданное нападение сильного, опытного и коварного врага не принесло ему тех успехов, на которые он рассчитывал. Победный марш по полям Западной Европы не повторился. На всем необозримом фронте от Баренцева до Черного моря наша армия самоотверженно сражалась за каждую пядь родной земли, нанося немецко-фашистским войскам громадные потери. График молниеносной войны был сорван. Это был первый результат наших усилий, имевший далеко идущие последствия. Но в начале войны за мощью и жестокостью врага не все могли его увидеть и оценить.

Я вспоминал бои за Киев, завершившиеся только к концу третьего месяца войны. Хочется добрым словом вспомнить бойцов и командиров Юго-Западного фронта, сумевших вместе с войсками других фронтов затормозить танковую лавину фашистов, дать возможность нашему командованию подтянуть резервы к Москве.

Внезапность, многократное превосходство в силах и

средствах, большая подвижность и маневренность частей и соединений позволили вражескому командованию провести ряд операций по окружению наших войск. Но и в этой обстановке наши бойцы и командиры сражались до последнего, стремясь прорваться к своим, чтобы вновь идти в бой с ненавистным врагом.

Единство народа, сплотившегося вокруг Коммунистической партии и Советского правительства для отпора фашистским захватчикам, помогло нам выстоять в начале войны. Любовь наших людей к Родине, их вера в справедливые цели войны, в нашу конечную победу стали тем фундаментом, на котором создавались условия для полного разгрома фашизма.

Враг был силен. Еще не было видно конца войны. Чтобы победить, нужны были хорошо обученные резервы. И я вспоминал, как напряженно готовилась к боям 25-я гвардейская дивизия. С каким мастерством, непреодолимым порывом и стойкостью захватила и удержала Сторожевский плацдарм на Дону, разгромив во много раз превосходящего противника.

Потом был Сталинград и битва под Курском. Они вызвали в войсках уверенность в своих силах, породили массовый героизм, приблизили час нашего торжества.

В ходе войны росло наше мастерство, накапливался боевой опыт, совершенствовались вооружение и техника. Множились наши возможности и успехи. Сильнее стал наступательный порыв воинов, их желание скорее добить «зверя» в его собственной «берлоге». В последние дни боев в Берлине, в канун конца войны, когда гитлеровцы сопротивлялись особенно ожесточенно, я видел, как бесстрашно шли на врага гвардейцы дивизии.

Так сражались советские воины, воспитанные Коммунистической партией, которая привела нас к победе в самой большой и жестокой войне в истории человечества.

…Вместе с В. В. Деевым мы едем из Гентина, где стоял штаб дивизии, к демаркационной линии. Навстречу, скаля в улыбке белые зубы, на крупногабаритных машинах движутся в Берлин черные американцы. Мимо проносятся хорошо ухоженные поля и рощи, маленькие аккуратные города с красными черепичными крышами и красивыми оградами. Рабочие поселки с высокими трубами заводских зданий. Мелькают ярко раскрашенные путевые знаки автострады…

Мы приближаемся к Эльбе. Вдоль берега, насколько видит глаз, в невообразимом хаосе кладбище брошенных машин. Автобусы, грузовые, легковые, специальные… Среди них танки, штурмовые и полевые орудия. У берега — мелкие суда и баржи.

— Все бросили, еле ноги унесли, — подает реплику наш водитель.

— А что, товарищ генерал, — спрашивает Деев, — с японцами мы так и не рассчитаемся?

…Вспомнилась героическая гибель крейсера «Варяг». А нападение Японии в годы становления молодой Советской республики на наш Дальний Восток… А Хасан и Халхин-Гол… А десятки японских дивизий на границе, ожидавших в годы войны с фашистской Германией удобного момента, чтобы ударить по нашей стране с Востока…

— Не то слово, Василий Васильевич! Не месть, а возмездие. Месть — не для нас. Это слишком мелко. Другое дело — возмездие. Оно предполагает такие меры, чтобы и в будущем не могла возникнуть угроза нашей безопасности…

6 и 9 августа 1945 года американцы нанесли по Хиросиме и Нагасаки атомные удары. Пришли тревожные раздумья. Появилось новое грозное оружие… Сейчас уже известно, что ход войны США с Японией, соотношение сил на том ее этапе не вызывали необходимости в атомной бомбардировке. Это была месть и в то же время попытка устрашения не только врага, но и своего союзника — Советский Союз. Возмездие пришло 9 августа, когда мы вступили в войну с Японией.

Надо ли говорить, с каким подъемом встретили наши войска за рубежом это известие. Японскому милитаризму, последнему участнику «оси» Берлин — Рим — Токио, пришла пора держать ответ. С волнением слушали мы передачи Совинформбюро о ходе боевых действий с войсками Японии. Боевой опыт подсказывал нам, что кроется за этими короткими строчками. Дни мелькали, как в калейдоскопе. 3 сентября пришла весть о капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась.

…В 1950 году я поступил на Высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова в Москве. В отличие от основного факультета, куда преимущественно шли более молодые «штабники», на курсы направлялись крупные командиры и политработники из войск. Нам, непосредственным участникам войны, было о чем подумать, поспорить и чему порадоваться. В армии шел процесс анализа и систематизации боевого опыта. По ряду разделов тактики, оперативного искусства и стратегии разрабатывались, с учетом появившегося атомного оружия, новые взгляды и установки. Далеко вперед за послевоенные годы ушла военная наука, наши возможности в целом.

По окончании курсов длительное время служил в должности

командира соединения и заместителя командующего армией. Заместителем командующего округом в Сибири.

В этом округе в 1967 году завершилась моя служба в армии. Первое время чувствовал себя необычно. Появилась возможность хорошо отдохнуть, позже вставать, чаще бывать в театрах и кино. Но давал о себе знать ритм жизни, усвоенный за 35 лет непрерывной службы в войсках. По ночам мне снились бои в Берлине, походы и учения по заснеженным полям Сибири…

Мне кажется, что работа офицера во многом сходна с деятельностью педагога. Если в школе происходит становление юношей из ребенка, то в армии — юноша становится мужчиной. Я думал о том богатом боевом и педагогическом опыте, которым владею. Неужели он уйдет вместе со мной в небытие? Кому и как передать его? И тогда я засел писать книгу воспоминаний, стал вести военно-патриотическую работу среди молодежи.

Встречи с фронтовиками, их письма на какое-то время вновь воскрешали в памяти далекое прошлое. Поставить его на службу сегодняшнему — в этом увидел я свое второе призвание, свой долг ветерана войны, коммуниста.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
В ОТСТАВКЕ

Прошло десять лет как я расстался с армией. Сегодня 14 мая 1977 года. Тепло и солнечно. Официальная часть встречи назначена на 10 часов. Но задолго до начала у входа в московский Дворец пионеров собрались ветераны 25-й гвардейской стрелковой дивизии…

В гражданском костюме, никем не узнанный, стою в стороне и с некоторой грустью смотрю на собравшихся. На каждом шагу теплые встречи, объятия, поцелуи, слезы… Старая гвардия. Мужчины и женщины. Седые. Постаревшие. Многие со следами старых ран. С орденами и медалями на груди. Такими я увидел своих товарищей, и прошлое, такое далекое и все еще бесконечно близкое, захлестнуло меня…

— Вы ли это, товарищ комдив? — услышал я чей-то знакомый голос и, обернувшись, увидел перед собой седого улыбающегося генерал-лейтенанта с Звездой Героя на груди. Мы обнялись. Я смотрел на него, и в памяти возникли черты молодого, худого, черного, как галчонок, лейтенанта Алексея Николаевича Потемкина.

25-я гвардейская дивизия, которой мне довелось командовать в годы войны, формировалась в Калининской области.

— Хотите ко мне адъютантом, товарищ лейтенант? — спросил я по рекомендации кадровиков лейтенанта Потемкина.

— Нет, товарищ полковник! Хочу воевать рядом со своими товарищами…

Я не настаивал. Потемкин был из 2-й гвардейской бригады моряков, на базе которой формировалась наша дивизия, и его желание мне было понятно. Алексей Николаевич быстро рос. К началу 1943 года он уже был начальником штаба полка. Говорят, что в войну офицеры растут быстро. Это конечно так, но процесс этот не стихийный, его определяют кроме других факторов личные качества командиров. Позже за форсирование Днепра А. Н. Потемкин был удостоен звания Героя Советского Союза, стал командиром полка…

К нам подходят ветераны. Представляются, здороваются, напоминают о боевых эпизодах, в которых они принимали участие… Я еле успеваю отвечать. Со всех сторон вопросы, приветствия, протянутые руки. Вокруг нас уже толпа людей…

Потом была официальная часть. Зал Дворца заполнен до отказа. Здесь и московские пионеры. Они пришли послушать и

посмотреть на ветеранов 25-й гвардейской, из рядов которой вышли 79 Героев Советского Союза, в том числе взвод героев лейтенанта П. Н. Широнина. На ее знамени ордена Красного Знамени, Суворова II степени и Богдана Хмельницкого II степени. Она носила наименование Синельниково-Будапештская имени В. И. Чапаева…

Где, как не здесь, можно чудесным образом оказаться в том далеком героическом времени, среди тех, кто совершал незабываемые подвиги, кто освобождал нашу Родину от фашистской чумы. И всюду мелькают красные галстуки — в зале, кулуарах, между ветеранами…

Меня попросили сказать несколько слов. В этот день отмечалось 35-летие со дня формирования бывшей нашей дивизии. В апреле 1942 года эта почетная задача выпала на мою долю. Тогда мне было 34 года… Позади наиболее насыщенная часть жизни — война, победа, послевоенная служба в армии. Но в памяти, как горящий в ночи факел, осталась Великая Отечественная война… Как не вспомнить о ней, о ее героических участниках, о тех, кто в зале и кто лежит на полях битв от Москвы до Будапешта и Праги. И я рассказываю…

Потом мы сидим рядом с бывшим комиссаром штаба 25-й дивизии И. Т. Копыловым и вспоминаем:

— А помните нашего дивизионного химика Николая Александровича Будрейко?

— Конечно! А где он сейчас?

— Умер. Совсем недавно. После войны он стал доктором философии, был профессором в Менделеевском институте в Москве. Я с ним изредка встречался…

В 1942 году в дни затишья на Сторожевском плацдарме я как-то спросил Николая Александровича:

— Как вы думаете, решатся фашисты применить против нас газы или другое химическое оружие?

— Если не использовали его под Москвой, то теперь — вряд ли применят. Война затянулась, а общий баланс сил все больше склоняется на сторону антигитлеровской коалиции. Но чтобы не ошибиться, надо быть в постоянной готовности…

Несколько позднее немцы обстреляли наблюдательный пункт 53-го артиллерийского полка снарядами, от дыма которых у людей появилось головокружение и тошнота. Немедленно примчавшийся Будрейко определил:

— Это не газ, это, видимо, такой порох, но о его качествах враг знает…

Тогда из этого случая наши войска сделали необходимые выводы…

После официальной и художественной части был торжественный обед, устроенный вскладчину. Директор кафе «Ландыш» — ветеран нашей дивизии Вера Павловна Критинина сделала все, чтобы встреча за общим столом осталась у нас в памяти. Люди были довольны, чувствовали себя весело и свободно. Пели, смеялись, танцевали и, конечно же, вспоминали…

Когда кончились первые тосты и речи, я прошел в фойе покурить. Ко мне подошел один из ветеранов.

— Гердт, — представился он. Я протянул ему руку.

— Вы, кажется, работаете в театре Образцова, стали народным артистом РСФСР?

— Да, — смеется Зиновий Ефимович, — но я предпочитаю, товарищ комдив, чтобы вы вспомнили меня как воина…

Я напрягаю память. Гердт молча стоит и улыбается.

— Вспомнил!

В ночь с 11 на 12 января 1943 года саперы 81-го полка оборудовали проходы в своих заграждениях. На завтра готовилась разведка боем перед общим наступлением наших войск со Сторожевского плацдарма. Проходы в заграждениях противника намечалось сделать в ходе атаки, впервые применив танковые тралы. Было очень холодно и темно. На этом направлении гитлеровцы почему-то почти не освещали подходы к своему переднему краю.

Неожиданно в свете показавшейся луны саперы из находившегося впереди прикрытия увидели выдвигающуюся к нашему переднему краю группу противника. Об этом немедленно доложили руководившему работами полковому инженеру старшему лейтенанту З. Е. Гердту.

«Наверное, вражеские разведчики, — рассказывал мне потом Гердт. — Но их нельзя пускать вперед. Они сорвут нам работы и могут догадаться об их характере и цели». Решение нужно было принимать мгновенно. Взяв с собой для усиления небольшую группу саперов, я выдвинулся к прикрытию. Надо не просто остановить их. Это ведь тоже может вызвать подозрение. Надо чтобы гитлеровцы остановили нас, приняв за разведку.

— Вперед!

Мы поползли. Вскоре вражеские разведчики открыли по нас огонь. С переднего края противника стали подниматься вверх осветительные ракеты. Откуда-то с фланга открыл огонь тяжелый пулемет. Гитлеровцы начали отходить. Возле нас стали рваться мины…»

— Отличное решение, — похвалил я тогда Зиновия Ефимовича Гердта. — Лучшего здесь и не придумаешь…

…Не обошли меня своим вниманием и женщины. Зоя Серовикова, известный снайпер дивизии, ученица Героя Советского Союза Василия Ивановича Голосова. Немало фашистов погибло от ее руки. Теперь Зоя Борисовна Дроваль уже бабушка. Но когда она вспоминает о своей боевой юности, лицо ее как-то сразу преображается. Исчезают морщины, незаметной становится седина, и передо мной, как будто вновь стоит санинструктор Серовикова и умоляющими, детскими глазами просит перевести из медсанбата в команду снайперов…

И я думаю о том, что есть поступки, вырастающие в подвиги, что остаются в памяти людей и передаются из поколения в поколение…

…Скорый поезд Москва — Одесса еле заметно оторвался от перрона, постепенно набирая скорость. Прощальные взмахи рук провожающих, и Киевский вокзал уже позади. Но Москва тянется еще долго. Вместе с попутчиком, молодым, хорошо одетым человеком, мы молча стоим в коридоре купированного вагона и курим. Говорить не хочется. За окнами яркие весенние краски. Мир и тишина. Май 1977 года.

А я вспоминаю май 1945-го. Берлин. И первый праздник Победы… Белые флаги в окнах домов… Колонны пленных гитлеровцев с несмываемыми пятнами крови на руках… И наш салют, в котором были и торжество, и горечь, и счастье.

Мимо проносятся зеленые поля и рощи, обновленные, утопающие в цветущих садах города и села. И всюду как примета времени — выкрашенные в яркие тона краны новостроек.

— Ну что ж, что вы инвалид, — услышали мы из соседнего купе недовольный голос проводницы. — Я не могу приказать никому из пассажиров уступить вам нижнее место…

— Неужели по любому вопросу нужно постановление правительства, — заметил мой попутчик и пошел к соседям. Я тоже кончил курить и сел в купе.

— Вот здесь, — показывая на свое место, говорит, появляясь в дверях, мой попутчик. Рядом с ним высокий, худой, с культей вместо левой ноги, инвалид. У него открытое, уже немного загоревшее лицо, короткая прическа. Одет в полотняную цветную рубашку, простые дешевые брюки, в руках старенький чемодан.

«Лет 55 ему, не больше. Наверное, ногу потерял в войну…»

Новый сосед вежливо поздоровался, поставил на место свой чемодан и палку, и после обычных в пути ознакомительных вопросов и ответов мы разговорились.

— А я говорю ему, товарищ младший лейтенант! Давайте немножко отстанем, мы ведь ротные минометчики, нам надо роту

поддерживать, а на виду фашист огня вести не даст.

— Вперед! Не отставай! — только и успел сказать комвзвода. Откуда-то сбоку застучал пулемет. Лейтенант свалился. Меня ударило по ногам и в плечо, и я как бежал, так ничком и упал…

Пролежал я не знаю сколько времени, чую — болят ноги и плечо. Значит жив. С трудом перевернулся на бок, залез рукой под шинель, а там уже половина гимнастерки кровью намокла. Достал я свой индивидуальный пакет, снял упаковку и целиком положил на рану. Кровить вроде бы стало меньше…

А немец, видать, недалеко. Кругом свистят пули, рвутся снаряды и мины. Людей не видно. Холодно. Снег. Декабрь сорок второго года. Лежу и думаю:

«Хотя и ранило, а все же не убило. Подлечимся в госпитале и опять на фронт».

Только к вечеру подобрали меня, а в медсанбат попал уже на вторые сутки. Пока подошла очередь, то да се, положили меня на стол уже в полдень. Капитан медслужбы, не помню его фамилию, осмотрел меня — стукал и колол левую ногу от ступни до бедра. А потом говорит:

— Ключица заживет. А вот левую ногу отнять придется. А правую попытаемся сохранить. Согласен?

— Согласен, — говорю, — не помирать же из-за ноги…

…Отрезали мне ногу, пришел я в себя. Ну, теперь, значит, по чистой. Сделал, что мог. Особого геройства, конечно, не проявил, но свое солдатское дело выполнял исправно. И крови своей тоже не пожалел…

Отправили нас в госпиталь на станцию Воробьевку. Там, когда рана подживать стала, сделали мне вторую операцию, чтоб, значит, культю в порядок привести… А потом перевезли в Новохоперск, а оттуда в Ташкент…

Раны стали заживать. Уже видно, что скоро и домой. На дворе август сорок третьего года. Прошло почти девять месяцев, как меня ранило…

— Чем же вы занимаетесь?

— Как уволили из армии, вернулся в колхоз, работал учетчиком. Моего года из нашего села ушло человек шестьдесят, а после войны вернулось семь. И работают все больше женщины да молодняк. Скучно мне стало. Здоровый мужик, а ставлю палочки в тетрадке. В 50-м году подался я в город, поступил па завод и вот уже 27 лет работаю слесарем. С одной ногой тяжело, конечно, но постепенно привык. А без работы не могу.

— Куда же вы едете?

— В санаторий. Путевку бесплатную дали и дорогу оплачивают…

Мы замолчали. И я подумал о том, что еще многие следы войны стерлись только на поверхности. Поезд, мягко стуча на стыках рельс, стремительно несся вперед. Одиночный самолет высоко в небе вычерчивал мирную трассу. Вдали, в свете лучей заходящего солнца, возникли очертания города. Мы подъезжали к Одессе.

…Давно уже отгремели бои, а письма о войне все идут. Становятся известными все новые имена людей, проявивших в борьбе с врагом величие духа, не пожалевших своей крови и самой жизни… Разные судьбы, думы и чаяния… Недавно я получил письмо от бывшего рядового 81-го полка 25-й гвардейской дивизии Александра Ермиловича Боброва:

> «…Северная окраина села Урыв на Сторожевском плацдарме. Здесь обороняется паша 3-я стрелковая рота. Кучки камней от фундаментов давно сгоревших хат уже несколько раз переходят из рук в руки. Вы помните, наверное, товарищ комдив, как 8 сентября 1942 года гитлеровцы буквально засыпали нас листовками. Одна из них прилетела к нам па огневую позицию. «25-я гвардейская, — писалось в ней, — учитесь плавать, завтра вы будете в Дону».
>
> — На пушку гады берут, — говорит стоящий рядом лейтенант Володин, — хотят вызвать у нас панику… А если не врут, значит здорово подготовились. Надо запасать побольше мин…
>
> На следующий день в 5 часов 30 минут гитлеровцы и хортисты нанесли по нашей обороне удар страшной силы. Ротная траншея была разрушена. Кругом все изрешечено воронками. Дым и пыль от ведущих огонь артиллерии, танков и самоходных орудий, бомбежки авиацией заслонили первые лучи солнца. Но мы выстояли. Все, кто мог держать в руках оружие, открыли огонь, потом начались рукопашные схватки. Враг прорвался и к нашей траншее, уже начал метать гранаты. Установив минометы на критическую дистанцию[7], открыл ураганный огонь. В том бою, со своего ротного миномета я выбросил по гитлеровцам 25 ящиков мин. И они это почувствовали.
>
> Над нами появилась «рама». Выпустив вниз серию красных ракет, она убралась восвояси. И сразу по нашей позиции ударил шестиствольный миномет. Подносчик мин рядовой В. П. Богомолов был убит, а мне осколок

угодил в правое плечо. Сгоряча опять бросился к миномету, но боеприпасы кончились. Схватился за карабин, — но правая рука отказала полностью. Так очутился я в медсанбате, а потом в Новохоперском госпитале. Здесь больше раны беспокоила меня судьба плацдарма. Но вскоре прибыла очередная партия раненых и среди них наши гвардейцы. Они рассказали, что фашист не прошел. На душе полегчало…

35 суток продержали меня в госпитале. Медленно тянулись дни и ночи. Несколько раз обращался к командованию — просил поскорее отправить на фронт, но врачи не разрешали.

— Ты, — говорят, — свое дело сделал. Подлечись. Воевать еще долго придется…

В свою роту вернулся где-то во второй половине октября. Многих товарищей и друзей уже не застал. Одни погибли, другие лечились по госпиталям. Командира нашего взвода лейтенанта Володина убило. Вместо него назначили старшего сержанта Мелких…

Новый, 1943 год мы встретили в окопах. Позади уже был Сталинград. Столько времени в непрерывных боях держать Сторожевский плацдарм!.. Душа рвалась вперед…

13 января началось наше наступление. Уже прорвана первая позиция. Гитлеровцы и хортисты ожесточенно сопротивляются. У разрушенного дзота ведет огонь вражеский пулеметчик. Рота залегла. Сквозь шум боя услышал переданную по цепи команду ротного: «Прямо триста — пулемет. Подавить!» …А вражеские мины рвутся все ближе. «Успею ли?» — пронеслось в голове. В сторону дзота послал очередь мин. Пулемет замолк. С громким «ура!» рота поднялась в атаку. И тут я услышал звук летящей на излете мины. Она взорвалась у моих ног…

Очнулся я уже в медсанбате в селе Давыдовка. Вначале не понял, куда ранен. Болело все. Потом врач рассказал: «Правую ногу оторвало напрочь, бедро левой — перебито. Да еще 45 осколочных ранений… Сильный ты, — говорит, — человек, Бобров, — не всякий такое выдержать сможет…»

Полгода кромсали меня, сшивали, можно сказать из кусков. Восемь раз кровь переливали… Из Давыдовки меня перевезли в Липецк, а когда начал поправляться, переправили в Рассказово под Тамбов. О чем только не

передумал я за эти дни и ночи! О войне — долго ли еще протянется. О послевоенной жизни — ведь сколько придется восстанавливать. О себе и семье… Думы были невеселые — ведь столько ран…

Уволили меня по чистой, и в мае 1943 года я уехал в деревню на родину. Много лет работал в колхозе бухгалтером. Потом перебрался в город Рыбинск и 20 лет работал наладчиком станков на моторостроительном заводе. Боевых наград не имею, да ведь мы воевали не за награды… И личных геройских подвигов я не совершал… Награжден медалью «Ветеран труда» и юбилейными медалями…»

Сейчас Александр Ермилович имеет право на заслуженный отдых, но продолжает трудиться.

…8 марта 1979 года в гости ко мне из Днепропетровска приехал бывший адъютант, капитан запаса Иван Григорьевич Козырь. Здесь же бывшая приемщица полевой почты дивизии лейтенант в отставке Галина Яковлева. Сегодня Международный женский день и мы вспоминаем о женщинах, которые воевали вместе с нами.

…Вторая половина дня. По узкой лесной дороге вместе с адъютантом и радистом мы едем в район Ухтдорф, где части готовятся к предстоящим боям за Берлин. Ветер с моря развеял тучи, и лучи солнца наполнили светом леса, покрыли серебром безбрежную гладь реки, ярко заиграли на разноцветных черепичных крышах покинутых жителями домов.

— Кто-то скачет навстречу, — говорит капитан Козырь.

Видно, как всадник придержал коня и, чтоб освободить дорогу, прижался к деревьям.

— Стоп, Ваня! — говорю я водителю и выхожу из машины. — Это что за амазонка?

На всаднице шинель под пояс, брюки в сапоги, аккуратно надетая на свернутые косы шапка. На туго перетянутой талии пистолет в кобуре, через плечо сумка. От быстрой езды лицо ее раскраснелось.

— Товарищ генерал! Приемщица дивизионной полевой почты лейтенант Яковлева. Следую в финчасть.

Я люблю верховую езду, и хотелось посмотреть, как держится эта девочка в седле.

— Желаю удачи! Можете следовать…

Отдав честь, лейтенант, рванув с места на полном галопе, скрывается за поворотом дороги.

— И кто только обучал ее так ездить?

— Я у них иногда бываю, — говорит адъютант. — Начальник почты капитан Постников командовал на фронте эскадроном. В 1942 году был ранен и после излечения в госпитале получил «ограниченно годен».

— Хоть в тыловое подразделение, но на фронт! — просил он военкома. Тот посмотрел личное дело — до войны Постников работал на почтамте — и направил его начальником нашей почты.

— Ну и как он с ней справляется?

— Отлично! Но почта больше походит на боевое подразделение. У них на вооружении и трофейный пулемет имеется. Галина Яковлева — его наводчик. Отлично стреляет, а как ухаживает за пулеметом… Капитан не нарадуется…

Один раз я видел почту на марше. Девушки с автоматами в хорошо подогнанном обмундировании и обуви. Повозочные — с карабинами. Лошади ухожены. Повозки и полуторка подкрашены. Капитан Постников — верхом. В общем, на полевой почте — полный порядок…

— Между прочим, — продолжает капитан, — недолюбливают Постникова некоторые тыловики. Мол, наше дело обеспечить, а воевать да муштрой заниматься тем, кто впереди…

…Бои уже шли в центре Берлина. 26 апреля тылы дивизии переместились в Панков. Полевая почта разместилась в брошенном хозяевами особняке с большим холлом. Шум боя в городе был слышен и здесь. Неожиданно в дальнюю канонаду вплелись звуки близких разрывов гранат, очередей из автоматов и пулеметов.

— Боевая тревога! — скомандовал вскочивший в дом капитан Постников. — Гитлеровцы пробиваются из окружения… Надо прикрыть медсанбат, там полно раненых. За мной!

…Лейтенант Галина Яковлева очнулась. Страшно болела голова, шумело в ушах. Раскрыв глаза, она в зыбком свете заходящего солнца стала присматриваться к окружающему. Вокруг на носилках, поставленных на подставки, лежали раненые…

«Наверное, я в медсанбате», — догадалась она. И в памяти до мельчайших подробностей возникла картина боя.

Схватив оружие и боеприпасы, они, выскочив из особняка, помчались вслед за капитаном туда, где слышалась частая стрельба.

— К бою! — скомандовал Постников и показал рукой позицию для пулемета.

Впереди они увидели широкую улицу. Отстреливаясь, ее

пересекали отдельные бойцы.

— Ни одного гитлеровца нельзя пропустить через улицу! — говорит капитан. — Среди домов и садов окраины мы их не остановим.

Рядом с Галиной лежит второй номер пулемета — ее подруга Зоя. Правее и левее с трофейными автоматами еще две девушки-приемщицы. На уступе справа и несколько сзади — начальник почты и в одной линии с ним четыре повозочных и водитель машины. На какое-то мгновение стало тихо. Потом гитлеровцы, открыв сильный огонь из автоматов и пулеметов, попытались редкой цепью перебежать улицу.

— Огонь! — закричал Постников — и ливень свинца вынудил врага, оставив на мостовой убитых и раненых, отпрянуть назад.

— Товарищ капитан! — обращается к Постникову водитель полуторки 50-летний ефрейтор Хрусталев. — На СПАМе[8], недалеко отсюда, я видел сегодня два отремонтированных танка. Хорошо бы их позвать на помощь, одним вряд ли справиться…

— Давай, Иван Никифорович, на полуторке на полном галопе! — скажи, что надо прикрыть раненых в медсанбате…

Потом Галина увидела, как к улице с винтовками в руках в белых халатах бегут врачи и сестры медсанбата, офицеры и солдаты штаба тыла, складов, мастерских… Они образовали длинную цепь, перекрывая подходы к медсанбату и дивизионным складам.

Атаки гитлеровцев следовали одна за другой. Больше всего мешал им меткий огонь пулемета. Вокруг него стали рваться мины. В цепи появились раненые. Вилка вокруг пулемета сужалась. Треск близкого разрыва мины слился с выстрелом пушки подошедшего на помощь танка. Галина свалилась у пулемета.

— Контузия, — с уважением сказал подошедший к ней врач медсанбата Ярошевич. — Пару дней еще полежите, и пройдет…

Галина закрыла глаза. Почему-то сейчас ей вдруг вспомнилось, как впервые, еще в гражданской одежде она пришла на вещевой склад за обмундированием.

— Оденешься, будешь как огурчик! — сказал, критически осматривая ее тоненькую фигурку, бравый, уже в годах, с буденовскими усами, каптенармус.

Потом вечером в хате, где размещались девушки, началось переобмундирование. Развернув пакет, Галина обнаружила среди других предметов две пары мужских кальсон и рубах.

— Он, наверно, ошибся? — в недоумении спрашивает она, глядя на мужское белье.

— Нет, это тебе! — смеются девушки.

Наконец, она в новом обмундировании — в не по размеру длинных брюках, широкой и длинной гимнастерке, тяжелых кирзовых сапогах с широченными голенищами…

— Можно понять, — говорит глядя на нее старшая приемщица Евгения Ивановна, — что не хватает танков, самолетов, орудий, но так обезобразить девочку… — как-то очень грустно продолжает она…

— Разоблачайсь, Галина! Завтра пойдем с тобой на склад вместе.

«Что бы мы делали без Евгении Ивановны — она одна заменила нам всем матерей, следила, чтоб никто не обижал нас, чтобы и сами мы не обижали друг друга…»

…Зима. Ночь. Сильный мороз с вьюгой. Полевая почта разместилась в редком лесу. Сегодня Галине исполнилось 19 лет. Она стоит на посту. В шинели и сапогах очень холодно. Девушка замерзшими руками еле держит длинную, старого образца трехлинейную винтовку. За каждым деревом ей чудится враг. Она плачет, и слезы тонкими ледяными пластинками замерзают на ее лице…

— Ты не замерзла здесь? — зябко кутаясь в поднятый воротник шинели, спрашивает подошедший повозочный.

— Холодно, Степан Тимофеевич, и страшно, — пытаясь перекричать шум вьюги, громко говорит Галина. И он молча становится с ней рядом и стоит, пока на приходит смена.

Потом она вспоминает время, когда мы начали наступать. На тылы часто выходили группы пробивающихся из окружения гитлеровцев. Вооруженные автоматами, пулеметами и легкими минометами, они наносили нам крупный урон. Вот тогда новый начальник почты капитан Постников и вооружил приемщиц трофейными автоматами и пулеметом, обучил ими пользоваться, вселил в девушек уверенность…

…Дороги войны. Города и села — сожженные, взорванные и нетронутые. Тысячи названий. И вдруг, как огонек в лесу — село Ликнеп. Наше наступление уже выдохлось, и здесь предстояло задержаться.

— Заходите, заходите, дивчаточки, — певуче приглашает средних лет украинка, когда Галина и с ней еще две девушки-приемщицы постучались в дверь хаты. Хозяйка показала им, где можно раздеться и положить вещмешки, помыть руки…

Время было обеденное, кухня отстала, и они, достав хлеб и сахар, решили напиться чаю. Две маленькие девочки хозяйки, увидев хлеб и сахар, не сводили с них глаз.

— Как вскипятить воду, хозяюшка, хотим напиться чаю.

— Хлиба у менэ нема — нимець весь выгриб, а кипяток буде.

Та ще е у менэ квашена капуста з буряками, нимець тэж не тронув. Якщо не погребуете — наберу вам мысочку…

Хлеб и сахар они отдали детям. А сами с какой-то небывалой жадностью ели квашеную капусту со свеклой, а потом пили чай без сахара…

Поздно вечером, когда они пришли с работы, хозяйка предложила им помыться.

— Лизьте, дивчата, по одной на пичь, воду я вже нагрила.. Там у ночевках и помыетесь… Колы ще доведеться вам в горячей води помыться?..

Добрая душа была Мария Довгалюк. Так звали хозяйку.

Они помылись, расчесали волосы и стали их сушить. В хате тепло. За окном мороз, в трубе гудит ветер. Что-то домашнее пришло к ним в эти минуты из далекого довоенного прошлого. Казалось, что они смыли не только с тела, но и с души слой гари, насыпанный войной…

— А ты, Галя, красивая, — говорит ее подруга Зоя. — Оказывается, до сегодняшнего дня я тебя по-настоящему и не рассмотрела…

Рано утром в медсанбат прибежала Зоя.

— Приказом по дивизии капитан Постников и ты награждены орденами Красной Звезды, а остальные работники почты — медалями…

Галина закрыла глаза. В какие-то мгновения в памяти ее пронеслись годы тяжелого ратного труда и смертельной опасности. И вот она у самого «логова». Впереди, в грохочущем сражении за Берлин, в одном строю с нами шагает Победа…

* * *

Мы все были солдатами. На фронте и в тылу. В боях и труде. Теперь уже седые. С орденами и знаками ранений на груди. Такими и останемся в памяти людей.

Летят годы. Недавнее прошлое уже стало историей. Но никто не забыт и ничто не забыто. Человечество помнит великий подвиг нашего народа в войне с фашизмом, помнит и никогда не забудет. Этот подвиг и сегодня работает на мир. Он помогает народам, которые выходят на авансцену истории, в их борьбе за устранение угрозы ядерной войны, за торжество жизни на нашей планете.

А. И. Сафронов

И. М. Любовцев

Пехота на марше

П. М. Шафаренко, 1941 г.

Г. Д. Емельянцев, 1945 г.

И. И. Прошо, 1941 г.

Герой Советского Союза М. Т. Князев, 1945 г.

Н. Ф. Евдокимов, 1941 г.

А. А. Рыжаков, 1943 г.

Герой Советского Союза Людвик Свобода

Герой Советского Союза К. В. Билютин

Герой Советского Союза Отакар Ярош

Герой Советского Союза П. Н. Широнин

П. А. Степаненко, 1944 г.

Герой Советского Союза П. К. Казакевич, 1940 г.

С. Д. Тютюников, 1947 г.

Герой Советского Союза А. Н. Потемкин, 1946 г.

В. В. Деев, 1945 г.

А. С. Белов, 1943 г.

Н. В. Токарев, 1945 г.

И. И. Попов, 1947 г.

А. И. Яковлев, 1942 г.

М. О. Альтгаузен и И. Ф. Орехов, 1944 г.

Вот он — Берлин, 1945 г.

З. Я. Шкандыков, 1942 г.

Герой Советского Союза Л. С. Кравец, 1945 г.

Н. Н. Баранник с группой офицеров, Берлин, 1945 г.

На ступенях рейхстага, Май 1945 г.

Встреча ветеранов. В центре А. И. Родимцев и П. М. Шафаренко, 1976 г.

notes

Примечания

1

УР — укрепленный район.

2

В книге коллектива авторов «В сражениях за Победу. Боевой путь 38-й армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945», выпущенной издательством «Наука» в 1974 г. (с. 190) дается высокая оценка действиям частей 25-й гвардейской стрелковой дивизии и ее командира в боях в районе Горшечного на Воронежском фронте: «Их стойкость и самоотверженность в борьбе с численно превосходящим врагом, отчаянно рвущимся из смертельного кольца, вызывают и поныне глубокое восхищение. Эта дивизия под командованием опытного и бесстрашного генерала П. М. Шафаренко умело и храбро сражалась как в предшествующий период, так и впоследствии». (Прим. ред.).

3

Центральный архив Министерства обороны СССР, ф. 1102, оп. 1, д. 15, л. 55.

4

ЦАМО, ф. 1102, оп. 1, д. 4, л. 155.

5

На наблюдательном пункте.

ПНШ-1 — первый помощник начальника штаба полка.

7

При критической дистанции осколок своей мины может поразить расчет миномета.

8

СПАМ — сборный пункт аварийных машин.